

РЫБАЦКИЕ ПЕСНИ И СКАЗЫ

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ
1950

Рыболовный тральщик на промысле

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

РЫБАЦКИЕ ПЕСНИ И СКАЗЫ

Запись текстов, статьи, примечания,
словарь и указатели
Р. ЛИПЕЦ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950

ОТ СОБИРАТЕЛЯ

Устное творчество рыбаков и морских зверобоев мало изучено. Между тем оно не только отличается большой художественностью и своеобразием, но представляет значительный интерес еще и потому, что в нем ярко отображены трудовая жизнь, культура и быт русского населения, живущего на побережьях морей, озер и больших рек нашей родины.

Преобладание в нем маринистической тематики, детальное отображение условий мореплавания, помимо чисто промысловых черт, доказывают, что русские издавна были искусными и смелыми мореходами.

Русские промысловые песни и сказы имеют также значение исторического источника. В них сохранилось много воспоминаний об освоении окраин русского государства, о различных событиях русской военной истории.

Цикл моих экспедиций по собиранию и изучению промыслового устного творчества, разработанных в едином плане, был намечен еще Центральным музеем народоведения, принимавшим участие в организации первых поездок. Последовательность проведения экспедиций была обусловлена в значительной степени реальными возможностями их осуществления при содействии ряда научных учреждений.

Экспедиции в рыбацкие районы были совершены мною с 1930 по 1938 год; всего их было семь. В 1930 году — в Астраханскую область, в район каспийского рыболовства, в дельту Волги; в 1931 и 1932 годах — на Мурман. Эти три экспедиции были организованы Государственной академией искусствознания. В 1935 году была организована экспедиция на побережья Керченского пролива, а в 1936 году — на Белое море и на Северную Двину. В эти экспедиции я была направлена редакцией «Две пятилетки», подготовлявшей том «Творчество народов СССР». В 1937 году была проведена вторая экспедиция на Белое море и Северную Двину, но по более расширенному маршруту; в 1938 году — в Новгород и на озеро Ильмень. Обе последние экспедиции были организованы Государственным Литературным музеем.

В Астраханской экспедиции, первой по времени, все записи были сделаны в районном селе Камызяк, Астраханской области, и вблизи него на Калиновском промысле.

В прошлом камызяцкие рыбаки объединялись в артели, зависимые от «хозяев», которые их жестоко эксплоатировали. С приходом советской власти жизнь рыбаков в корне изменилась. В Камызяке организован крупный ловецкий колхоз, члены которого промышляют ценную рыбу осетровых пород и частиковую — леща, судака, воблу — в Каспии и в Волге.

Больше всего там было записано устных рассказов и сказок; кроме того, песни, частушки и некоторое количество обрядовых текстов. Наибольший интерес имеют записи от А. Г. Васюнкиной, прекрасной сказочницы, рассказчицы, а в молодости и песельницы. Ее автобиографический устный рассказ был опубликован отдельным изданием [1].

Материал был собран там довольно полный, давший возможность ознакомиться с состоянием устного творчества у русских рыбаков этого края; но впоследствии все ходовые морские песни, часть сказок и промысловых обычаев были мною записаны многократно и в других районах рыболовства, в более полных и интересных вариантах, так что в настоящей работе из каспийских материалов помещено очень немного; сообщения о них даны в примечаниях к основным (северным) текстам.

В Азово-Черноморской экспедиции записи производились в самой Керчи и в ряде сел и промысловых пунктов Керченского района: Ени-Кале, Опасном, Камыш-Буруне, на Таманском берегу в Темрюкском районе. Кроме того, в той же экспедиции были сделаны записи в Балаклаве среди коренного рыбацкого населения и среди краснофлотцев Военно-морского водолазного техникума.

Крымское побережье Керченского пролива было заселено русскими и украинцами. В преданиях рассказывается, как беглые крепостные приходили сюда, попадая в кабалу к местным крупным рыбопромышленникам.

На Таманском берегу были поселены казаки при Екатерине II; позднее там начали селиться украинские крестьяне — «иногородние». Большие неводные артели, в которые объединялись рыбаки для лова, по своей организации напоминали рядом черт казачий круг.

В этой экспедиции были записаны песни, устные рассказы, говорящие о староартельном быте, истории гражданской войны и колхозном строительстве. В записях выявилось характерное для этих местностей Азово-Черноморья смешение элементов русского и украинского народного творчества, что нашло отражение также и в языке текстов.

Первые записи на Севере были сделаны на Мурмане. В течение восьми месяцев я имела возможность получить там постепенно основной материал по промысловому быту и устному творчеству.

Особенность всего мурманского устного творчества в тот период состояла в том, что оно лишь в небольшой степени являлось местным, в собственном смысле этого слова, так как большинство населения в самом Мурманске, в Териберском районе и в Коле, где производились записи, было поздними переселенцами из Беломорья.

Эти люди или сами поселились здесь, или сюда впервые приехали их отцы, реже деды. Они еще сохраняли связь со своей родиной —

[1] Жизнь колхозницы Васюнкиной, рассказанная ею самой. Записала Р. Липец. М., 1931.

где-нибудь под Архангельском, в Поморье, на Онежском берегу, откуда они принесли песни, сказки, предания. Этот материал медленно пополнялся затем новым, местным содержанием. Передавая какой-нибудь старинный промысловый обычай, мурманские «колонисты»-старики всегда отмечали, где бытовал он: на их прежней родине или «здесь» — на Мурмане. Это позволяло сравнивать между собою одни и те же произведения, бытующие в разных местностях Беломорья, и выяснять их своеобразные местные отличия. Трудно было бы посетить самой в течение этого времени столько сел и деревень.

Кроме непосредственных записей от населения, в мурманских экспедициях мною были получены два рукописных сборника традиционного народного творчества: один из Кемского Поморья, принадлежавший Ф. М. Михову, и другой из Онежского района, Архангельской области, принадлежавший Я. Хохлину. Первый сборник был скопирован и остался у владельца, второй передан мною в Государственный Литературный музей.

Беломорские экспедиции проводились в течение 1936 и 1937 годов.

Поездка 1936 года была сделана по маршруту: Архангельск — Мезенский район (с. Койда) — Приморский район (с. Чубола-Наволок) — Виноградовский район (с. Усть-Вага) — Котлас. Во время этой экспедиции собирались старинные и советские промысловые песни, устные рассказы и другие жанры.

Село Усть-Вага, расположенное при впадении реки Ваги в Северную Двину, было одним из мест боев и центром партизанского движения в гражданскую войну. Там были записаны мною, по воспоминаниям местных жителей, устные рассказы о гражданской войне, а от сына партизана, И. М. Денисова, — песни того времени. Материал такого рода, часто о тех же лицах и событиях, был записан в следующем году и в с. Усть-Паденге.

В экспедиции 1937 года основная работа по собиранию проводилась в следующих селах и деревнях Архангельской области: с. Усть-Паденга, Ровдинского района, районных селах Верхняя Тойма и Красноборск, с. Верхняя Уфтюга, Красноборского района, с прилежащими деревнями — Константиново, Топса и другими, д. Нижняя Зимняя Золотица, Приморского района. В городах Вельске, Шенкурске, Великом Устюге, Сольвычегодске и Архангельске выяснялось наличие музейных архивов по устному народному творчеству. В самом Архангельске, кроме того, были произведены (как и в предыдущем году) записи на верфи в Соломбале среди моряков ледоколов, на фактории Севгосрыбтреста среди моряков и среди работниц траловой базы.

Маршрут экспедиции 1937 года был длинен, местные разъезды составили свыше 1200 километров водой и 400 километров по грунтовым дорогам. Частично он совпал с маршрутом предыдущего года по Северной Двине и Зимнему берегу Белого моря; только во вторую экспедицию работа проводилась в иных пунктах. Основной целью этой экспедиции было обследование так называемого «белого пятна» русского эпоса — б. Сольвычегодского и Вельского уездов.

Результаты экспедиции подкрепили уверенность в бытовании былин в недавнем прошлом в пределах Шенкурского района, т. е. там, где древние русские поселения были основаны новгородцами, и в отсутствии

их в соседнем Вельском районе, территория которого была освоена выходцами из Ростово-Суздальской земли.

Во всех посещенных пунктах производились также записи и других жанров устного народного творчества.

Поездка в деревню Нижнюю Золотицу на Зимнем берегу была совершена для записи былин от известной сказительницы М. С. Крюковой и для продолжения начатой мною работы по изучению промыслового быта и устного творчества населения Зимнего берега.

Записи былин от М. С. Крюковой, сделанные в этой экспедиции и дополненные во время специального ее приезда в Москву весной 1938 года, подготовлены к печати в трех томах, из которых два опубликованы [1]. Поэтому в настоящем издании тексты былин не представлены.

Главной задачей Новгородской экспедиции было проследить историческую связь новгородской и северной устно-поэтической традиции, исходя из того, что из Великого Новгорода, в основном, шло заселение большей части Европейского Севера. Это продолжало исследовательскую линию работы, которая побудила в свое время братьев Б. и Ю. Соколовых заняться монографическим изучением народного творчества в Белозерье, в пределах б. Новгородской губернии. Моя поездка под Новгород, кроме того, должна была помочь наметить наиболее целесообразные темы и пункты будущих экспедиций.

Во время Новгородской экспедиции 1938 года мною были записаны старинные песни, представляющие остатки былинной традиции, в том числе «Морянка», различные рыбацкие обычаи, приметы и предания, совпадающие с северными. Кроме того, я занялась поисками сказок — морских новелл, родственных по сюжету новгородской былине о Садко; основные эпизоды ее — посещение подводного царства, «заклад» купцов и другие — оказались типичными для новгородских сказок, что подтвердило мою мысль о местном происхождении этой исторически чрезвычайно конкретной былины.

Всего в северных экспедициях было собрано мною 5 600 текстов произведений различных жанров в 53 пунктах от 167 лиц: от колхозников в промысловых селениях и от моряков тралового рыболовного флота.

В Астраханской экспедиции было записано около 700 текстов, в Азово-Черноморской — около 1500 текстов.

Количество текстов в экспедиционном архиве по северным экспедициям, включая и Новгородскую, по жанрам таково:

Былины	86
Песни	644
Частушки	2517
Сказки	55
Былички	168
Устные рассказы	36
Загадки	295
Пословицы	433
Шутки и прибаутки	47
Обычаи и поверья	859

[1] Былины М. С. Крюковой, т. I. М., 1939; т. II, М., 1941, «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 6 и 8.

Приметы	276
Заговоры	133
Народная медицина	51
Всего	5 600

В это количество входит и около полутора тысяч текстов, содержащихся в двух рукописных сборниках народного творчества, полученных мною в Мурманской экспедиции в 1932 году.

Сборник из Кемского Поморья, содержащий около тысячи текстов, хранился десятки лет в семье капитана тралового флота Ф. М. Михова, в прошлом жителя Сумского посада; собиратель был ему неизвестен. Расстаться со сборником владелец не захотел, почему и пришлось снять с него копию в Мурманске.

В оригинале сборник представлял собой рукописную толстую книжку в четверть листа, в потертом переплете. Начальные листы были утеряны, почему неизвестен ни год составления сборника, ни данные о собирателе. При текстах разных жанров указано, в каких деревнях и селах б. Кемского уезда они записаны, к песням же дано лишь общее указание: «Из народного творчества Кемского Поморья». Больше всего записей из Сумского посада, где, вероятно, и жил собиратель. Сказители и певцы нигде не указаны. Сборник систематизирован; материал расположен по жанрам, пословицы и загадки, сверх того — по алфавиту. Орфография старая и не соблюдена фонетическая транскрипция. В сборнике есть много частушек из Сумского посада, касающихся общения местной молодежи с политическими ссыльными, уезжавшими снова «бунтовать». Поэтому можно предполагать, что собиратель был политическим ссыльным, которых много находилось в Кемском уезде в царское время. Сборник содержит следующее количество текстов по жанрам, расположенным в том порядке, как они указаны ниже:

Частушки	504
Песни	36
Загадки	102
Пословицы	269
Шутки и прибаутки	42
Заговоры	29
Приметы	31
Былины-баллады	2[1]

Второй сборник, переданный мне учителем Я. Хохлиным в рабочем пос. Териберке, Мурманской области, был составлен им в 1925 году в с. Кушреке, Онежского района, Архангельской области. Сборник содержит всего 576 текстов: 17 старинных песен (к некоторым из них приложены нотные записи), 108 пословиц, 450 частушек и полное описание свадебного обряда.

За основу экспедиционной работы было принято изучение северного промыслового устного творчества, так как на Севере рыболовство является исконным и в экономическом отношении одним из главных заня-

[1] Одна из былин из Сумского посада — о короле Кляховимском («Дунай и Настасья»); другая — из села Сороки — о Домне Александровне.

тий населения. Южный материал привлекался преимущественно для выявления характера общности и местных различий устного творчества удаленных друг от друга районов русского рыболовства, имеющих свою историю и промысловую специфику. Это отражено и в композиции настоящего издания, где основным идет материал Севера, а материал из других районов использован как дополнительный.

Материалы, собранные в экспедициях, неоднородны по характеру своего бытования в то время среди промыслового населения. Многие жанры, как, например, предания, старинные песни, сохранялись главным образом в памяти у старшего поколения. Другие же произведения: современные песни, частушки, устные рассказы действительно являлись в период, когда производилась запись, живыми, широко бытовавшими среди промыслового населения и преимущественно среди молодежи.

Записи советского народного творчества, качественно нового по содержанию и по форме, показывают, как творчески используется в нем богатое художественное наследие, наряду с отображением новой, социалистической культуры.

Нет сомнения, что собирание у промыслового населения сказов и песен Великой Отечественной войны, которое требует внимательной и долгой работы, даст яркий материал, показывающий как борьбу с врагом советских моряков, так и трудовые подвиги в тылу — на промыслах — стариков, женщин и детей.

Для настоящего собрания из экспедиционного архива взяты в основном произведения различных жанров, в которых непосредственно отражены рыбный и морской зверобойный промыслы и мореплавание.

Умеренная фонетическая транскрипция, которой я пользовалась при полевых записях, при подготовке текстов к печати была заменена обычной литературной транскрипцией. В первую очередь это вызвано желанием облегчить чтение сборника широкому кругу читателей, помимо специалистов. Кроме того, целесообразность этого диктовалась стремлением избежать разнобоя в транскрипции, так как тексты, взятые из рукописных сборников и из тетрадей молодежи, были записаны там без соблюдения местных особенностей речи. Особенности диалекта сохранены мною в текстах только там, где это требовалось для соблюдения ритма. Необходимо учесть, что особенности северновеликорусского произношения и другие диалектизмы вообще сильно сглажены у моряков, живущих в Мурманске и Архангельске и общающихся с широким кругом людей из разных районов русского рыболовства. В крупных центрах Севера уже нет того изолированного в диалектологическом отношении населения, которое еще можно встретить в более обособленных районах: на притоках Северной Двины, на отдаленных побережьях Белого моря.

Что касается ударений, то они даны только в случае отклонения в произношении слова от обычного литературного и указаны в каждом тексте лишь один раз, для ориентировки. В том случае, если ударение ставится в слове двояко, — и отлично от литературного и согласно с ним, — то обычное ударение отмечается только непосредственно после местного. В материалах из рукописных сборников ударения в подлиннике не проставлены; это, по необходимости, сохраняется и в настоящем издании, за исключением тех случаев, когда особенность местного про-

изношения несомненна, а указание ее посредством ударения нужно для понимания правильного ритма произведения.

При каждом тексте сборника дается сокращенная паспортизация: название пункта, где был записан этот текст, и фамилия лица, от которого он был записан, с его инициалами; например: «с. Верхняя Уфтюга Вячеславова А. М.». В тех случаях, когда текст взят из рукописных сборников, это отмечается иначе; после названия пункта стоит: «Рук. сб. Михова» или «Рук. сб. Хохлина».

Для расшифровки этих данных следует пользоваться указателями, помещенными в конце книги: для местности — алфавитным «Указателем географических пунктов», для фамилий — «Указателем имен сказочников, певцов и рассказчиков».

В тех случаях, когда помещено подряд несколько текстов, записанных от одного лица, место записи и фамилия указываются только под последним из этих текстов. Использованные в статьях записи, данные с той же паспортизацией, но без ссылки на номера текстов настоящего собрания, взяты из экспедиционного архива.

В квадратных скобках ставится название устного рассказа и сказки, данное собирателем, без скобок — самим сказителем.

Если при записи выяснялось, что песня, сказка, предание были усвоены в другой местности, на родине певца или рассказчика, отмечались и местность, откуда исполнитель родом, и место записи.

В конце книги приложен также словарь местных слов и морских терминов.

ВВЕДЕНИЕ

Рыболовство и морская охота нигде не имели такого исключительного значения, как на суровом пустынном Севере, где они давали населению возможность самого существования, так как земледелие там в большинстве мест было почти недоступно.

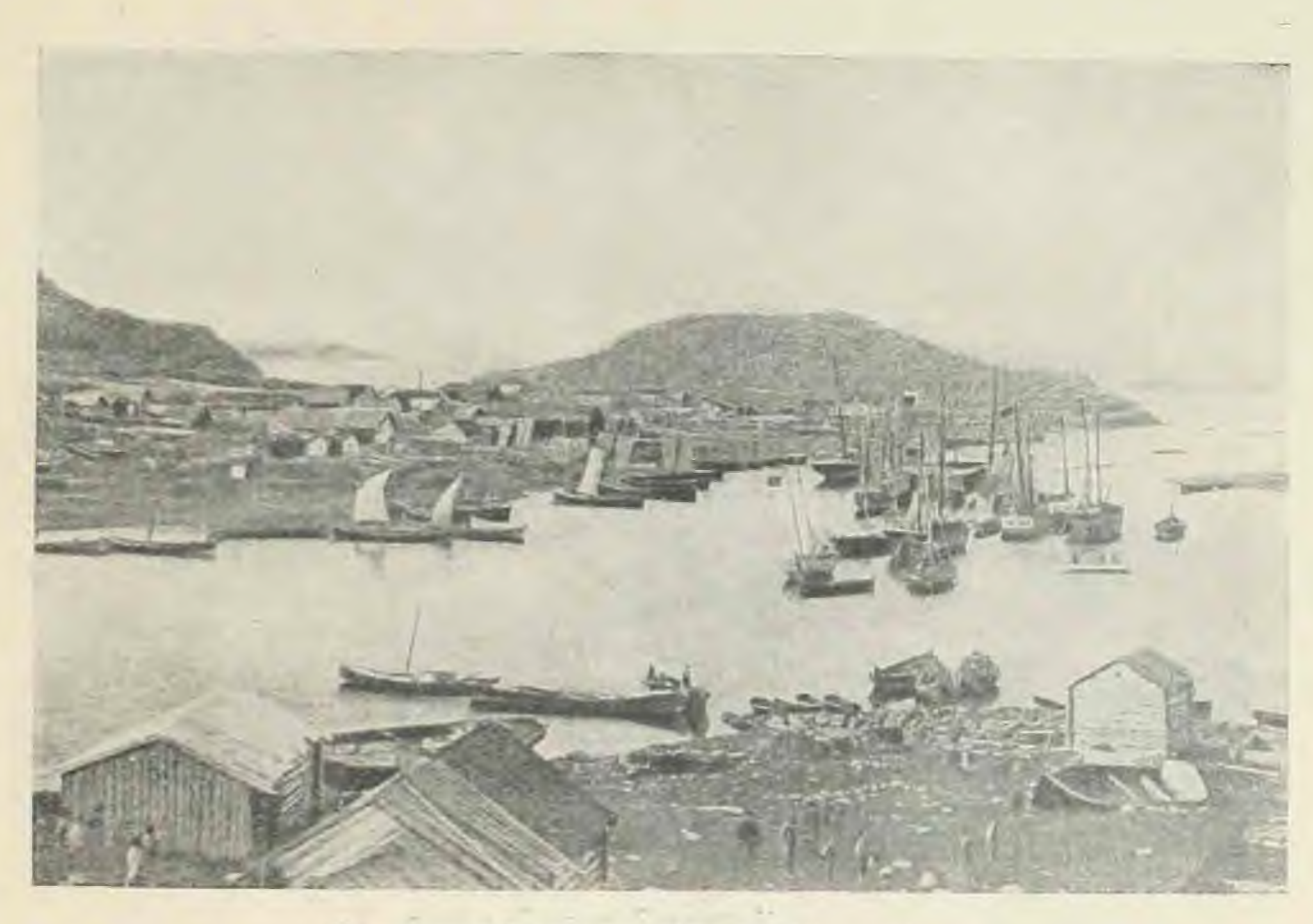
Поэтому для изучения устного творчества русских рыбаков и морских зверобоев Север представляет наибольший интерес. Русское население там было, в основном, пришлым из Великого Новгорода, откуда оно и принесло много столетий назад свою промысловую культуру и быт.

Наибольшая художественная ценность северного народного творчества заключается именно в его самобытности, благодаря сохранению в нем черт древнерусской художественной культуры и преемственному развитию их на месте в течение почти тысячелетия.

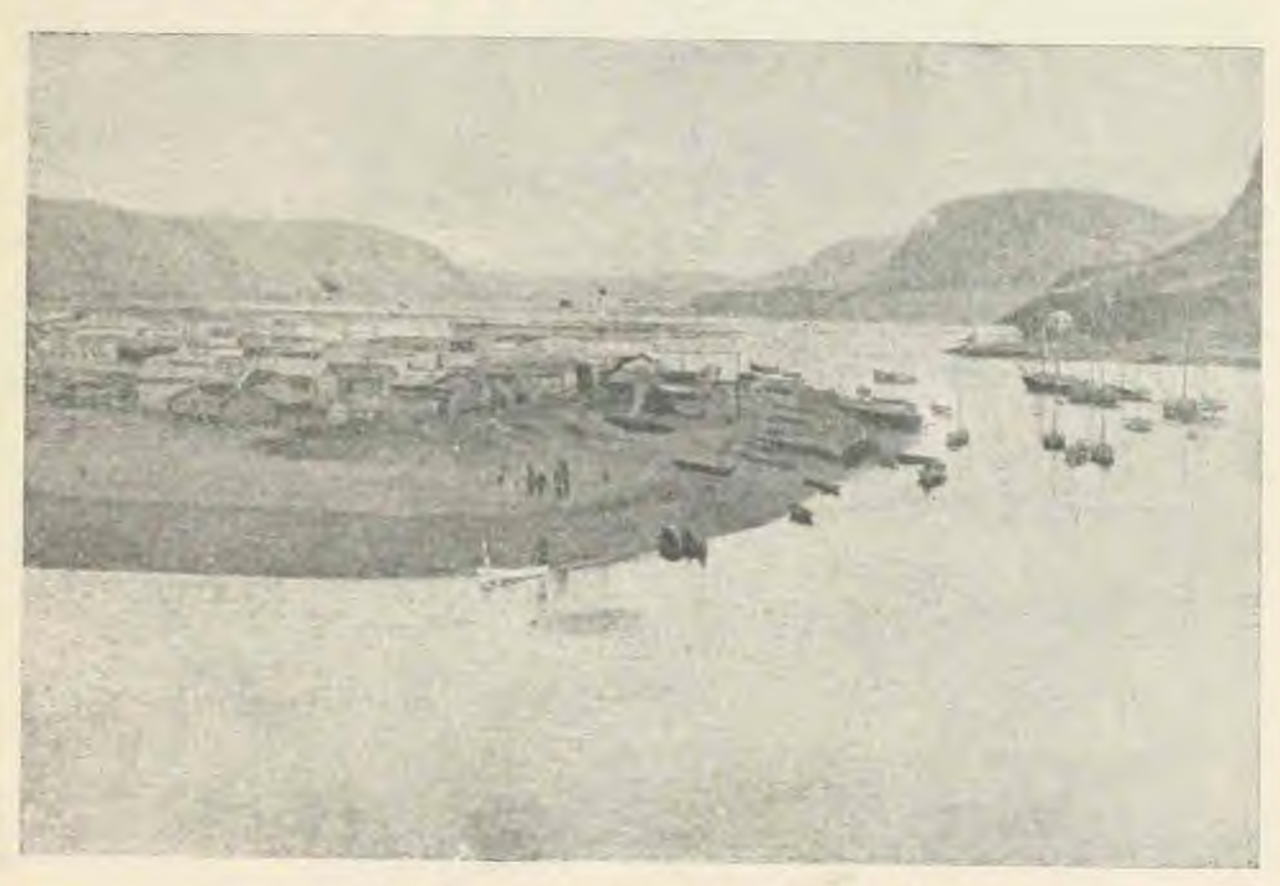
Великий Новгород сыграл основную роль в освоении русскими Севера. Этот древнейший русский город, с принадлежавшими ему громадными земельными пространствами на северо-востоке, был одним из наиболее крупных центров Руси. Своеобразие Новгородской земли отмечали еще древние авторы.

В Новгородской земле существовал смешанный тип хозяйства: кроме земледелия, население занималось звероловством и рыболовством. Значение промыслов повышалось от юга к северу. Наибольшее развитие промыслы имели в Двинской земле — богатейшем владении Новгорода.

Для Новгородской земли, где почва была болотиста и неплодородна, климат суров, промыслы составляли важную отрасль экономики. Благодаря географическому положению Новгорода сбыт промысловой добычи был обеспечен. Новгород вырос на скрещении водных путей, связывавших его как с другими русскими землями, так и через Балтику с Западной и Северной Европой, по Волге — с арабским Востоком, по Днепру — с Византией, по цепи озер и рек — с Белым морем и всем Крайним Севером. Новгородцы ездили со своими товарами, в том числе с пушниной и ценными моржовыми клыками, в чужие страны и сами принимали у себя в Новгороде русских и иноземных «гостей». Ценная — «кунная» пушнина и моржовые клыки, заменявшие

Становище Гаврилово (конец XIX века)

Становище Териберка (конец XIX века)

Нижняя Зимняя Золотица

Село Умба

слоновую кость в художественных изделиях Европы и Востока в средние века, привлекали новгородцев на Север.

Роль русских в добыче и обработке моржовых клыков была так велика, что поделки из моржовых клыков — «рыбьего зуба», по свидетельству византийских источников XII века, иногда назывались в Западной Европе «резьбой русов» [1]. Французский ученый начала XIX века Ноэль упоминает слова некоего Андрея Михова (фамилия многих поколений архангельских мореходов): «Андрей Михов повествует, что моржи, которых тогда было много, делали великие усилия, чтоб всползти и добраться до верхней части гор, прилежащих к морю, и много их погибало. Юктры(?) и Карелы собирали их зубы на берегу и продавали Россиянам те, которым длина, тяжелость и белизна большую цену давали. Россияне оставляли часть их для своего собственного употребления; а другую отсылали в Татарию и Турцию, где вещество сие употреблялось на оправу шпаг, копий и кинжалов. Торговля сия производилась с неведомого времени, и Шторх [2] справедливо поставляет моржовые клыки в числе товаров, которые Россияне возили в Константинополь, в течении X-го века» [3].

Военно-промысловые новгородские дружины двигались на север водными путями и волоками между ними, достигали морских побережий, утверждая власть Новгорода «на поморской украйне», на «Студеном море». Новгородцы постепенно освоили земельные пространства от Белозерья до Белого моря и Ледовитого океана. В половине XI века они достигли бассейна Онеги и Северной Двины, в XII веке в «Заволочье» было уже до тридцати новгородских погостов, в XIII веке были освоены Терский берег, или Тре (южное побережье Кольского полуострова), и Мурманский берег [4].

Еще в конце прошлого века на промыслах Севера пользовались судами, повидимому, генетически связанными с теми, на которых приходили сюда первые русские. Это — шнека и зверобойная лодка на полозьях (семерик, осиновка).

Шнека — беспалубная лодка с широкими боками, ходившая под прямым парусом, живо напоминает древние округлые лодки на новгородских миниатюрах. Сшитая из находящих одна на другую досок, укрепленных на упругих деревянных «копыльях» — шпангоутах, составляющих ее остов, шнека была способна оказывать сопротивление напору тяжелых морских волн, так как отличалась упругостью. Шнека была вытеснена более легкой в маневрировании килевой ёлой, ходившей под косыми парусами.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло, гл. из сборника «История культуры древней Руси», т. I. М., 1948, стр. 158.

[2] А. К. Шторх (1766—1835) — вице-президент Российской Академии наук, экономист.

[3] С. Ноэль. Всеобщая история о звериных и рыбных промыслах. Перевел Н. Озерецковский. СПб., 1817, стр. 278.

[4] Побережье Белого моря или «берега» условно разделено у местного населения на определенные отрезки, примыкающие один к другому: Летний берег — от Архангельска до Онеги, Онежский берег — в районе Онежского залива, Поморский берег — от Онеги до Кеми, Карельский берег — от Кеми до Кандалакши, Терский берег — от Кандалакши до Поноя, Мурманский берег — от Поноя до Кольской губы; на север от Архангельска до Мезенского залива идет Зимний берег.

Особенностью лодок-семериков на зверобойном промысле были «крени» — полозья, подбитые под киль; иногда их делалось два, иногда же один широкий. Эти лодки можно перетаскивать по льду на море, идя в лямках, и спускать на воду в разводьях между льдинами. Подобные суда на полозьях служили для передвижений новгородцев по северным рекам и волокам; они были известны и у древних славян.

Долго держалась на Севере «лодья» — огромное грузовое палубное плоскодонное судно. Ее заменила килевая шхуна.

Новгородцы строили по пути продвижения небольшие «городки» с деревянными крепостями, где оставляли поселенцев для промысла, а также для сбора пушнины и моржовых клыков в виде дани. Таков был, например, городок Орлец, основанный в XIV веке на Северной Двине. В поисках земельных и промысловых угодий, наряду с дружинами, посылавшимися новгородской знатью, шли на Север и крестьяне, главным образом «смерды», спасавшиеся от кабалы.

После воссоединения Новгорода с Московским государством продолжал сохраняться товарный характер северных морских промыслов. В особенности большого развития он достиг в XVI веке, при царе Иване IV. Транзит по Северной Двине оживился, стали богатеть и развиваться посады в дельте Двины и на беломорских побережьях; пути же, ведшие по озерам и рекам к Новгороду, потерявшему значение самостоятельного политического центра, заглохли. О прежнем значении их остался воспоминанием былевой эпос Прионежья и Заонежья, наличие которого в таких «глухих» местах составляло загадку для собирателей былин прошлого века.

Иван IV уделял большое внимание безопасности русских владений на Мурмане; при нем западнее Колы, в Печенгской губе, был основан монастырь. Еще раньше, до воссоединения Новгорода с Москвой, был основан Беломорский монастырь на Соловецком архипелаге, представлявший первоклассную морскую крепость. И тот и другой монастырь неоднократно выдерживали вооруженные нападения иноземцев, старавшихся не допустить Московское государство на морские побережья. Это оставило след в местных народных преданиях.

Русские издавна посещали с целью промысла ряд полярных островов. В XVII веке русские плавали на своих промысловых и торговых судах далеко на запад — к берегам Норвегии, на север — к Груманту (Шпицбергену) и Новой Земле, на восток — к устьям Оби и Енисея Великим Северным путем. Надписи на камнях и могильных плитах говорят о давнем присутствии русских моряков на отдаленных полярных островах. К XVIII веку промысел на Шпицбергене несколько упал. Известное значение имел и китобойный промысел в северных водах.

Русские, двигаясь на Север по рекам и озерам, расселялись затем по их берегам, по взморьям и по островам. Связанные морской охотой и рыболовством, а также необходимостью находиться вблизи водных путей сообщения, они селились узкой полосой у самой воды, не удаляясь от побережий, а на островах не углубляясь далеко к центральной части. Кроме того, реки обеспечивали поселенцев, помимо запасов рыбной пищи, пресной водой. Реки Поморья и Северная Двина с ее притоками — Вагой, Пинегой, Тоймой и другими — служили основными путями при расселении. По берегам больших рек

и на взморьях происходило скопление поселений, и древнерусская культура распространялась отсюда в глубь осваиваемого лесного и тундрового севера.

Новгородцы часто поднимались вверх по рекам, оставляя надолго незаселенными их верховья. По реке Ваге они не дошли до так называемого Верховажья — оно было освоено выходцами из Ростово-Суздальской земли. Река Пинега, служившая транзитом с Двины на Печору, была заселена новгородцами главным образом от устья до того места (Пинежского волока), где она резко поворачивает к югу и где уже не могла иметь для них значения пути на Печору. Названия приречных деревень сохраняют следы постепенного расселения русских по рекам путем выселков из основной деревни: деревни Паденга, Верхняя Паденга и Усть-Паденга на реке того же названия в Ровдинском районе, Архангельской области; Подюга, Верхняя Подюга и Усть-Подюга на реке Подюге в Вельском районе; Верхняя и Нижняя Золотица (иначе Устье) на Зимнем берегу Белого моря, на реке Золотице.

Для первоначального освоения новых территорий новгородцами было характерно временное, сезонное посещение «нежилых» мест, где промысел рыбы или морского зверя был наиболее богат. Эта особенность освоения Севера сохранялась и позднее, в XIX — начале XX века. На Зимний берег, кроме осевшего там населения, ежегодно собирались артели промышленников с Мезени, Северной Двины, Ваги и попрежнему из-под Новгорода. Из промысловых поселков зверобоев там был особенно значителен поселок Кеды, где зверобои жили подолгу, ожидая подхода тюленя и промышляя его. В этом поселке, где встречалось много сказителей, сказочников и певцов, происходило смешение местных устно-поэтических традиций Беломорья.

Рыбные богатства Мурмана, в основном, в течение столетий эксплоатировались сезонными промышленниками. Ежегодно сотни промышленников из Беломорья ранней весной покидали свои селенья и пускались в далекий путь на тресковый лов в Баренцовом море. Такие ежегодные передвижения становились для большинства рыбаков привычными. Приезжие промышленники говорили: «К осени устанешь здесь и хочется домой, но как только заслышишь в феврале, что кто-нибудь сряжается из промышленников на Мурман, так и хочется поскорее бросить все и уехать. Там без нас жены и посадят, и посеют, и выкосят, и снимут; мы уже этого ничего не знаем»[1].

Заселение Мурмана, предпринятое в шестидесятых годах прошлого века царским правительством на условиях, не обеспечивавших переселенцам самого необходимого, не смогло принять массового характера. Переселяться туда было настолько мало желающих, что из ассигнованной на выдачу субсидий суммы в 50 тысяч рублей была выдана с 1868 по 1872 год только восьмая часть ее[2].

Села и рыбацкие поселки на Мурмане — Гаврилово, Териберка — до недавнего времени назывались по-старинному «становищами», т. е.

---

[1] А. Ф. Ростиславин. Очерки промыслового быта архангельских рыбаков на Восточном Мурмане. Архангельск, 1927.

[2] И. Ф. Ануфриев. Мурманские промыслы и территориальная полоса. Журн. «Известия Архангельского об-ва изучения Русского Севера» (ИАОИРС), 1913, № 4, стр. 155.

местом временной стоянки судов, из которого они некогда и развились. Становище Териберка, расположенное на песчаной отмели на выступе берега в губе того же названия, имело характерный вид еще в конце прошлого века. В центре его стояло несколько десятков домиков колонистов, в которых помещалось все немногочисленное постоянное население. Домики были опоясаны полосой маленьких, кое-как сколоченных из досок «станов», пустовавших зимой, а летом занимаемых приезжими промышленниками — «мурманщиками», «летняками», приходившими со всего Беломорья на Мурман для лова трески. Еще дальше, «на песке» — на прибрежной отмели располагался настоящий лагерь из перевернутых и подпертых веслами и баграми лодок; «под лодкой» жили те, кому нехватало места в станах, — летом в Териберке скапливалось до двухсот промысловых лодок и около восьмисот промышленников. Во время Мурманской экспедиции 1931—1932 годов Териберка была основным районным центром, где проводилась собирательская работа.

Уезжая для моржового промысла и пушной охоты на Новую Землю, Шпицберген и другие полярные острова, промышленники часто оставались там на зимовку, живя в грубо сработанных избушках, иногда и не один год. Картина этой зимовки отражена в песне (№ 2), записанной от известной сказительницы М. С. Крюковой.

Промышленники из одной какой-нибудь деревни посещали определенные реки Канинского полуострова. На Мурман также в одно и то же становище ездили из определенных сел Беломорья, например, из села Койды ездили обычно в Восточную Лицу. В одном из койденских преданий (№ 21) рассказывается об обычае приезжих промышленников платить «дань» колонистам Восточной Лицы.

Промысловые становья, возникавшие у самой воды, ближе к промыслу, и обитаемые лишь часть времени в году, застраивались самыми примитивными жилищами: маленькими бревенчатыми или дощатыми срубами под односкатной дерновой крышей, землянками; иногда же постройки этого рода на месте промысла или на пути к нему заменялись просто «шатрами» — шалашами и заслонами из хвойных ветвей. Как обычно, во временных, подсобных жилищах сохранялся древний тип постройки. «Тонские избушки» и «станы» отапливались «по-черному», примитивной печуркой без трубы, а позднее стали ставить в них переносную чугунную печку с трубой. Обстановку составляли нары; стол из-за тесноты иногда заменялся доской с откидными ножками, вносимой на время трапезы. Летом пища варилась около стана, в котле, подвешенном на перекладине на кольях. В тонских избушках «сидели» по нескольку недель подряд, изредка посещая деревню, если она находилась не слишком далеко, или дожидаясь оттуда домашних с запасом провизии и всего необходимого. При выборе места для поселения в приморских и приречных местностях основное значение имела возможность там промысла.

Наиболее частые и богатые поселения находились на обоих берегах пролива из Белого моря в океан — на Зимнем и Терском, — мимо которых проплывали стада тюленей. Поморье — западный берег Белого моря — также славилось не только своей давней культурой мореходства и судостроения, но и семужьим промыслом, а позднее и сельдяным.

В случае хороших условий промысла и удобного положения деревни для торговых сношений, при спокойной гавани, случайные становища развивались в постоянные селения—таковы большие села Кузомень и Варзуга на Терском берегу, славившиеся семужьим промыслом и ежегодной Никольской ярмаркой, на которую издалека русские и лопари свозили свои товары — рыбу, меха, оленей. В быличке о Марье Кице (№ 16), записанной в экспедиции, говорится о приходе судов из Поморья на Терский берег за семгой.

В приморских местностях селились обычно по какой-либо реке подальше от устья, так как в самом устье вода солоноватая из-за приливов и негодная для питья. В Нижней Золотице, основанной слишком близко от взморья, жители ее принуждены ездить за пресной водой на лодке в ее приток, речку Бобриху.

Деревни, основанные старообрядцами, укрывавшимися при царизме от правительственных преследований, располагались в наиболее отдаленных или глухих местах — на мелких лесных речках, среди болотистой тундры.

Северные деревни обычно были невелики, в два-три десятка домов, вытянутых вдоль берега реки или озера.

Многие деревни выросли из починка, основанного одной-двумя семьями. «На Севере поселенец посреди лесов и болот с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторой безопасностью поставить ногу, выстроить избу... На таком островку можно было поставить один, два, много три крестьянских двора» [1].

В течение столетий семья первого поселенца разрасталась, распадалась на ряд обособленных семей, нередко утрачивавших затем чувство родственной связи и считавших себя однофамильцами. В селе Койде, Мезенского района, сотни людей носят фамилию Малыгиных. Эта фамилия, повидимому, новгородского происхождения: по крайней мере, в четвертой Новгородской летописи под 1320 годом говорится о походе Игната Малыгина на ушкуях в Норвегию. Большинство лиц, от которых были произведены записи в экспедиции в селе Койде, также носили фамилию Малыгиных. По фамилии почти безошибочно можно узнать родину певца, сказочника или рассказчика в настоящем собрании: Миховы — из поселка Мудьюги, Онежского района; Плакуевы — из Зимней Золотицы; Федотовы — из Лопшеньги, Приморского района и т. д.

К семье основателя починка присоединялись затем еще две-три, поэтому число фамилий в северных небольших деревнях очень невелико.

«Большая семья» в несколько десятков человек, живших совместно, без разделов, — деды, отцы, женатые сыновья и внуки, — долго сохранялась на Севере. Отношения однодеревенцев между собой во многом определялись наличием родственных связей; промысловые артели также нередко подбирались по этому признаку. В особенности это относится к небольшим артелям по 4 или 7 человек на зверобойном промысле.

Жизни «большими семьями» соответствовала архитектура северных изб. Они были очень велики, обычно двухэтажные, под двускатной крышей, строились из хорошо отесанных бревен из цельной сосны, проконопаченных мхом. Нижний этаж в них — «подъизбица» — был обычно

---

[1] В. О. Ключевский. Курс русской истории. М., 1937, ч. I, стр. 319.

нежилым; в нем помещался хозяйственный инвентарь, скот. Архитектура этих высоких изб была распространена по всему Северу, так как этот тип постройки хорошо защищал от сырости болотистой почвы и весенних половодий. Н. И. Костомаров в прошлом веке видел подобные избы в новгородской деревне. Он писал о них: «...древние новгородцы предохраняли себя от затопления, ставя свои избы на столпах, как это делается и теперь в разных местах старой Новгородской Земли и что, между прочим, можно видеть в Соснинском погосте близ Волховской станции Николаевской железной дороги»[1].

Этот тип построек под Новгородом стал исчезать раньше, чем на глухом и богатом лесами Севере, где, однако, тоже деревни постепенно становились одноэтажными. С распадом «большой семьи» и разделами исчезла надобность в огромных избах старого типа. Когда они ветшали, их не ремонтировали, а «раскатывали» по бревнам, из которых затем складывали маленькие одноэтажные избы; или же последние заново строили вблизи больших изб («зимницы»).

Северные избы, кроме прекрасных пропорций и целесообразности расположения отдельных помещений, замечательны деревянной резьбой на карнизах, крытых крыльцах, наличниках окон и т. п. Деревянная мебель в доме (кровати, тяжелые столы и стулья с точеными ножками) и предметы домашнего обихода (прялки, братыни, ковши) также украшались резьбой и расписывались краской. Высокое мастерство в обработке дерева характерно для русского населения в лесных районах. Особенности деревянного зодчества Севера вырисовываются в песнях, загадках, частушках и в произведениях других жанров, записанных в экспедициях.

Последовательные волны переселений на Север были обусловлены позднее борьбой «никониан» с «раскольниками» в XVII веке. Оппозиционные элементы бежали от правительственных преследований в непроходимые леса, на пустынные морские побережья Севера, на далекую Мезень, на шенкурские лесные реки, в топи и болота Олонецкого края. Туда же уходили от гонений церкви народные мастера искусства, объявленного «бесовским», скоморохи (некоторые села там носят название «Скоморохово»).

На Севере не было крепостного права; там сохранялся основной массив «черных» — государственных и удельных крестьян. В течение столетий огромное количество крестьян было роздано в России вместе с землей дворянству; но северного Поморья (в историческом объеме этого понятия) это не коснулось, так как «испомещение» служилых людей еще в XVI веке на далекой и суровой окраине было мало совместимо с несением ими воинской службы и не привлекало их самих, в том числе и опричников, которые получили много земель в других краях России при Иване IV. Так же обстояло дело и позднее.

С XVII века, когда были освоены причерноморские степи, основная масса поселенцев направилась на юг, где условия жизни были легче, чем на Севере.

В XIX веке широкие размеры приняла ссылка на Север царским правительством «политических».

[1] Н. И. Костомаров. Северные народоправства, 3-е изд. СПб., 1886, т. II, стр. 10.

Село Самокража

Старинная новгородская изба

Неводная артель

Рыбаки-поозеры с мережами

Общение их с местным населением, политическая пропаганда, направленная на то, чтобы разбудить классовое самосознание эксплоатируемых, были сильным противодействием тому косному мировоззрению, которое проповедывалось церковью и хозяевами-капиталистами. Отклики этого нашли отражение в устном народном творчестве.

Наиболее развитой формой эксплоатации «промышленников» — рыбаков и зверобоев — вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции был покрут.

Своеобразную систему покрута четко охарактеризовал В. И. Ленин в своей замечательной работе «Развитие капитализма в России». Он писал: «...ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»[1]; «...в одном из главных центров русской рыбопромышленности, на Мурманском берегу, «исконной» и поистине «освященной веками» формой экономических отношений был «покрут», который вполне сложился уже в XVII веке и почти не изменялся до самого последнего времени. «Отношения покрученников к своим хозяевам не ограничиваются только промысловым временем: напротив, они обнимают собою всю жизнь покрученников, которые стоят в вечной экономической зависимости от своих хозяев». («Сборник материалов об артелях в России». Вып. 2, СПБ. 1874, с. 33). К счастью, капитализм в этой отрасли отличается, повидимому, «пренебрежительным отношением к собственному историческому прошлому». «Монополия... сменяется... капиталистической организацией промысла с вольнонаемными рабочими» («Произв. силы», V, стр. 2—4)»[2].

Покрут был распространен главным образом на тресковом и зверобойном промыслах, требовавших больших затрат на снаряжение. При покруте хозяин-судовладелец «крутил» — подряжал артель, обеспечивая ее на сезонный промысел трески, тюленя или моржа снаряжением: лодкой, снастью, продовольствием, отчасти одеждой. За это он брал обычно две трети добычи, а остальное распределялось между членами артели по неравным паям.

Покрут сочетался обычно с системой «забора», при которой промышленники получали от хозяина на его фактории или в лавке «под промысел» товары, необходимые для семьи. Спекулятивные цены на товары и произвольно низкие на рыбу, до одной десятой ее рыночной стоимости, а также на шкуры и сало морского зверя не позволяли рассчитаться с долгом хозяину в течение десятков лет. Покупать на наличные деньги промышленники не имели возможности, так как промысловый заработок не позволял обеспечить себя необходимым на целый год, а сдавать рыбу другим покупателям, платившим дороже, они также не могли, связанные кабальными условиями со своим хозяином. Все сделки совершались «на слово», без записей, что вело к еще бóльшим злоупотреблениям. Покрученники становились, кроме того, бесплатной рабочей силой хозяина, выполняя на него ряд работ, не относящихся к промыслу.

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., 4-е изд., т. 3, стр. 527.
[2] Там же, стр. 526.

В начале XX века старинный покрут, с его фикцией паевого дележа добычи и экономической кабалой, все чаще перемешивался с использованием хозяином вольнонаемных рабочих. Обе эти системы в каждом отдельном случае образовывали самые пестрые сочетания. Отдельные попытки промышленников организовать самостоятельные артели тормозились царскими чиновниками и скупщиками, сбивавшими цену на покупаемые у артелей рыбу и сало или открыто бойкотировавшими их.

В начале XX века семужьи тони, составлявшие основное богатство приморских сел и деревень, нередко стали сдаваться в аренду с торгов кому-либо, принадлежащему к «миру». Даже и в том случае, когда передел тоней сохранялся, многие сдавали затем свои участки в аренду местному богачу, у которого они были в долгу, и шли работать к нему в качестве наемных рабочих — «казаков». Многих заставляла делать это дороговизна снастей, нужных для промысла семги, и невозможность приобрести их отдельному рыбаку. «Забор» для семужьего лова, построенный всей деревней, также стал сдаваться в аренду одному лицу, а промышленники нанимались к нему на работу при этом «заборе». Полученные арендные деньги шли на уплату непосильных податей за всех жителей деревни.

Социальные отношения на капиталистических морских промыслах разнообразно отражены в устном народном творчестве. В старинной песне поется о промышленнике-зверобое, «покрутившемся» на Грумант (№2), в частушках — о девушках-«казачихах», в сказках герой — наемный рабочий (№№ 3, 11); «наживальщик», «неполный рабочий» является героем в преданиях (№№ 22, 24).

Отдаленность края от культурных центров страны вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции способствовала сохранению на Севере многих черт древнерусского быта. Именно в наиболее отдаленных окраинах — на Мезени, в Коле, на Печоре сохранилось многое, что исчезло в заселенных русскими ранее, но теснее приобщенных к жизни страны районах Архангельского Севера.

Наблюдения в Поозерье, проведенные во время различных экспедиционных работ последнего времени, подтверждают единство не только материальной и духовной культуры, но и физического типа новгородцев-«поозеров» и архангельских «поморов». В Поозерье входит около трех с половиной десятков рыбачьих деревень на северо-западном побережье Ильменя. Это побережье наиболее удобно для промысла и отличается плодородием почвы, благодаря илу, осаждающемуся при разливах, что должно было искони привлекать сюда население. Антропологические и этнографические данные позволяют считать поозеров прямыми потомками древних ильменских славян, расселившихся по Волхову, водной артерии края, и по побережьям Ильменя. Их отличает то же могучее телосложение, высокий рост, крупные, энергичные черты лица, что и северян, но последние значительно светлее. Основные антропометрические показатели тех и других сходятся, как это было прослежено в результате работ экспедиции Антропологического музея и Антропологического института при Московском Государственном университете, работавшей в Поозерье в ту же зиму, когда там проводилась мною собирательская работа. Участник этой экспедиции Н. Н. Чебоксаров делает следующий вывод: «Ильменские поозеры со-

хранили свой средневековый тип в почти неизмененном виде, в то время как потомки других восточно-славянских племен претерпели настоящую трансформацию физического облика... Объяснение этому интересному явлению надо, очевидно, искать в особенностях исторического развития русского Севера и, прежде всего, в том, что здесь не было такого интенсивного смешения этнических и антропологических элементов различного происхождения, как в Московской области, в Поволжье или на Украине»[1].

Характерно, что поозеры жителями других местностей под Новгородом считались особого происхождения — «отдельной породы»; о них ходили различные предания. Вспоминали о их выносливости и железном здоровье, — например, как они работали зимой на озере у невода без варежек и в сапогах на босу ногу.

Для языка поозеров, как и архангельских поморов, характерно сохранение древнерусского произношения звука «и» везде в словах, где прежде писалась буква ять (витер, свит); стяжение гласных в окончаниях глаголов (зна'шь, понима'шь); замена звука «ч» на «ц» мягкое («целовик» вместо «человек») и т. п. (В полевых записях эти особенности речи сохранены.)

В женской одежде у тех и у других были обычны сарафаны, головные уборы особого типа, шитые жемчугом (на Севере жемчуг был местным, из реки Кеми и др.). Об особенностях архитектуры жилищ под Новгородом уже упоминалось.

Для народного творчества Поозерья, как и Архангельского Севера, характерна маринистическая тематика. Развитие ее в древнем Новгороде, который в течение ряда веков был средоточием морской торговли Руси, вполне понятно. Можно проследить также общность многих сюжетов в различных жанрах и единство развитой сложной поэтики народного творчества, истоки которой следует искать в культуре древнерусской поэтической речи: яркая образность, различные приемы ретардации — в первую очередь троекратное повторение, постоянные эпитеты, выработанные зачины и концовки в сказках, «общие места». Все это придает торжественность, праздничную нарядность всему традиционному северному устному народному творчеству.

Районы, обследованные мною на Севере, составляют две основные группы: приморскую и таежно-речную. Наибольшая часть записей в приморской группе была сделана на Зимнем берегу в селах Нижняя Золотица и Койда.

Зимняя Золотица находится в полутораста километрах на север от Архангельска. Это — одно из древних поселений, однако не старше XVI века. Здесь всегда был очень богат промысел гренландского тюленя (по-местному «кожи»), ежегодно проплывающего мимо Зимнего берега из океана на льдинах. Расположенная на берегу реки того же названия, впадающей в море, Верхняя Золотица дала затем выселок близ самого устья — Нижнюю Золотицу, или Устье. Многие крестьянские семьи в Золотице ведут свое происхождение от новгородцев, причем гордятся этим перед более поздними поселенцами из других мест. «Новгородских родов» и семья сказителей Крюковых, которые хра-

[1] Н. Н. Чебоксаров. Ильменские поозеры, «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 1. М.—Л., 1947, стр. 267.

нят память о своем прапрадеде, зверобое Михайле Крюкове, пришедшем из Новгорода, женившемся на местной уроженке и в угоду ей навсегда поселившемся на Белом море. Еще в XIX — начале XX века новгородцы приезжали сюда на промысел тюленя.

Впоследствии зверобойный промысел в окрестностях Золотицы (здесь были выстроены специальные промысловые поселки — Инцы, Вепрь и другие) начал ухудшаться и отодвигаться к северу. Золотичане стали ездить в горло Белого моря, где в узком проливе ежегодно скоплялись льдины с огромными стадами тюленя. Сохранились предания об основании Золотицы, о том, как приезжали сюда «старики»-новгородцы, а затем «сыновья ихние стали ездить». Промысел же тогда, по этим преданиям, был так богат, что в азартных играх промышленников ставкой был «юрок» — связка тюленьих шкур с салом, — «завтра пойдут в море, так юрок вытянет и ему отдаст» (№ 20). Однако по другим преданиям Золотица была основана старообрядцами.

На зверобойный «вешний» — весенний промысел уходили на долгое время, большей частью покрученниками «от хозяев», составляя артели по семь человек. Все снаряжение и продовольствие на две недели — месяц грузили в лодку на полозьях, попеременно то перетаскивая ее по льду, то спуская на чистую воду.

Картина старого кустарного промысла гренландского тюленя живо вырисовывается в воспоминаниях старика-зверобоя Ф. Н. Шибаева: «Выходили с Благовещенья на вешний промысел, — с февраля у них дети, беленькие, красивые. За десять верст слышно звериный гул, — вот сколько наливалось зверя на лед! На вешний промысел уже некрасивы звери тогда, тонки салом — дети высосут их. Как грязи все равно лежит кожи; как угодишь в гнездо-то, думаешь — полно море. Если дождливая весна, так тогда промысла нету, кожа не лежит, не любит дождя-то, головы обернет и — «ав!» — хватает дождь-то. Крику-то, — стоном стоит море! А когда хорошая погода — на льду лежит. Весной падера падет, ей в воду неохота. Спускались и под Моржовец и к Северным несякам ездили, как погодье заберет; другой раз в две недели наберешь, а то и целый месяц проездишь».

Промысел семги имел почти такое же значение для золотичан, как и зверобойный; кроме того, ловили речную рыбу. Семгу и тюленье сало отправляли в Город (Архангельск) на морских судах, иногда даже в открытых карбасах. Мурманский тресковый промысел имел для золотичан, как и для всех жителей Зимнего берега, богатого местными промыслами, относительно небольшое значение, но они посещали и Мурман. Опытные моряки, они нанимались на купеческие шхуны и ходили на них в Норвегию, Данию и другие страны. Золотицкие корабельные мастера сами строили различные суда: шхуны, лодки на полозьях, карбасы. Делались попытки сеять ячмень в лесу, на карликовых участках — «расчистках», но посевы обычно вымерзали.

Смена занятий в году в Золотице была характерна не только для Зимнего, но и для Летнего берега Белого моря. С января до мая мужчины были заняты на тюленьем промысле; с мая до заморозков — на семужьих тонях, где с ними промышляли и женщины; часть золотичан летом уходила в дальние плавания. Сенокос был делом женщин, как и сбор ягод в лесу; в последнем, правда, принимали участие и промышлен-

ники: «На тонях, бывало, в свободное время мужики коробами ягоды носят, — без расклонки бери морошку, черную ягоду» (д. Нижняя Золотица. Шибаев Ф. Н.). С заморозков до начала тюленьего промысла охотились в лесах на пушного зверя: куницу, выдру, горностая, белку; на дичь: рябчиков, куропаток, глухарей. Домашними зимними работами были вязка сетей, рубка дров и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции в промысловом хозяйстве Зимней Золотицы основное значение продолжали сохранять добыча семги и тюленя в Белом море и трески в Баренцовом, но социалистическая реконструкция промыслов на базе коллективизации и механизации лова преобразила условия труда и быта промышленников.

Старинный быт села Золотицы был, в основном, сходен с бытом села Койды, лежащего значительно севернее. Койда возникла на месте одного из поселений старообрядцев, уходивших в глухие места, в том числе и на Мезень.

Как и большинство селений, основанных старообрядцами, село Койда было труднодоступно и малоудобно для жизни. Оно лежит в пределах тундры; снег не тает там в ущельях — «падях» даже в июле, во время полярного дня; заморозки ранние. К селу приходится добираться по колеблющимся торфяным кочкам или плыть по реке. Даже сено для скота с дальних сенокосов сплавляли на лодках по реке Койде. Река Койда, полноводная, как и другие приморские реки мезенского края, отличается большой силой приливов и отливов близ устья; при стремительном отливе совершенно обнажается дно, а затем вода с большой быстротой устремляется обратно. На этом основаны особенности местного рыболовства: во время отлива ставятся на взморье сети; с приливом в них попадает множество мелкой камбалы и наваги, а к следующему отливу койдяне приходят к «обсохшим» на берегу сетям и вынимают из них добычу.

По сравнению с обычными северными поселками, Койда, в прошлом волостное село, была всегда очень велика: еще в 1912 году в ней насчитывалось 69 дворов и 658 жителей [1]. Многолюдность и богатство Койды были обусловлены ее выгодным географическим положением близ горла Белого моря, у поворота в Мезенский залив. Зверобойный промысел здесь и на острове Моржовце был всегда чрезвычайно богат, и на промысловый сезон близ Койды, в промысловом поселке Кедах на мысе Воронова, обитаемом только в это время, собирались промышленники-зверобои не только со всей волости, из деревень, лежащих выше по реке Койде и другим мезенским рекам, но и из дальних мест.

Тюленье сало перерабатывалось на небольших салотопенных заводах в самой Койде и на судах местных судовладельцев шло в Архангельск. Отражение этого имеется в сказке койдянина М. Д. Коптякова (№ 5). Промысел был раздроблен между многочисленными мелкими артелями, закабаленными местными «хозяевами»-скупщиками. О жестокой эксплоатации койденских покрученников говорится в песне зверобоя А. В. Попова (№ 40).

---

[1] Кир Козьмин. Политико-экономический обзор Архангельского Севера ИАОИРС, 1912, № 6, стр. 72.

Койдяне славились не только как зверобои, но и как моряки. Ежегодно они отправлялись на Мурман, обычно в Восточную Лицу, на тресковый промысел, и на пустынный Канинский полуостров, постепенно осваивая его для лова наваги. Эти посещения отдаленных побережий часто служат темой преданий и устных рассказов, о них поется в частушках и т. п.

После Великой Октябрьской социалистической революции койдяне добились больших успехов в организации промыслового хозяйства. Промысловый колхоз села Койды показал себя передовым, в особенности по зверобойному промыслу; койдяне славятся как лучшие зверобои. Койденские опытные гарпунеры и уполномоченные артелей часто приходили на помощь капитанам ледоколов, при освоении плавания во льдах, своим промысловым опытом и знанием особенностей течений и ветров в Белом море. Известный полярный капитан В. И. Воронин начал свои плавания с койденской «Первой государственной рыбопромышленной артелью». На одну из приветственных телеграмм промышленников Койды Воронин ответил: «Спасибо вам, койдянам, моим учителям морского ледового дела». Койдяне-зверобои в своих устных рассказах рисуют образ капитана Воронина эпическими чертами.

В быту промысловых селений Зимнего берега ярко выражено сосуществование элементов традиционной древнерусской культуры с элементами современной культуры. Это сказалось, в частности, в былинах Золотицы. Такое же смешение в сюжетах, лексике и оборотах речи было там и в сказочном и в песенном жанрах, как и в селе Койде.

Лучший сказочник и певец села Койды, М. Д. Коптяков привлек мое внимание близостью его устно-поэтической традиции к золотицким сказителям Крюковым, которых с ним соединяли, как оказалось, и родственные связи. В. Л. Крюков, дед современной сказительницы М. С. Крюковой, в юности жил под Койдой, где взял себе жену «коптяковских родов»; там он и перенял большинство былин. Особенно роднит творчество Коптякова с крюковской семейной устно-поэтической традицией сходство «общих мест» и эпитетов. Односельчане говорили, что он «пел раньше о богатырях» (т. е. исполнял былины), но сам он это отрицал. Однако в его сказках, сильно ритмизованных, встречаются отдельные выражения, типические для былин, — например, о герое одной из них: «В одну сторону махнет до Киева, а в другую до Чернигова — семьсот верст!» (№ 9). От него записано несколько сказок, отличающихся соблюдением традиционного канона, и прекрасные старинные песни. Особенно интересна одна из сказок (№ 1), почти целиком выдержанная в ритме, близком к былинному; сюжет ее — о молодце, умеющем принимать любой облик и прятаться от другого волшебника, — известен в форме онежской былины о Ваньке-Удо́вкином сыне.

Резко отличаются от приморских по своему хозяйственному укладу таежные районы на юге Архангельской области, в частности б. Шенкурский уезд, где проводилась экспедиционная собирательская работа.

Удобство сообщения по Ваге и Северной Двине с Белым морем, некогда привлекшее сюда новгородцев, обеспечило и впоследствии связь этого лесного края с морем, удаленным от него больше чем на триста километров. Шенкурцы шли на морские промыслы на Зимний и Летний берег. Уходили они покрученниками и на моржовый промысел

на Новую Землю. В основном же этот край жил обособленной жизнью Вследствие раннего проникновения русских на глухую Вагу, они сохранили многое от древнего Новгорода в своем внешнем облике, говоре, быту и устном творчестве.

Почва позволяет здесь заниматься земледелием; б. Шенкурский уезд являлся издавна житницей Архангельской губернии. Сеяли там злаки, более приспособленные к короткому лету: овес, ячмень, рожь; выращивали также лен и коноплю; из овощей — репу, брюкву, капусту и пр. Население шенкурских деревень носило не только городскую одежду из фабричных тканей, но и самотканную шерстяную и холщевую, а также лапти, которых в приморских районах совершенно не употребляли.

Большое значение имели лесные промыслы, затем охота, рыболовство и отхожие промыслы. Пословицы и загадки о земледелии и смолокурении записаны в экспедициях на Ваге. Шенкурские рабочие на лесопильных заводах в Архангельске славились своей опытностью.

Рыболовство было потребительским. Рыбу ловили для себя, в небольших количествах, — здесь рыбак нес улов домой на себе в плетеном кошеле за спиной, в берестяных туеса́х или же в луза́нах — особых мешках, носимых на спине и на груди. В лесах имелось много ценной пушнины и дичи. Промышленники уходили надолго из дома на большие расстояния. В лесу жили в особых «лешо́вных» избушках; варили себе пищу, беря из дома только хлеб, сахар, чай и соль, в основном же питались рыбой и дичью. У охотников была поговорка: «Приварок из-под копыта», и они поясняли ее так: «Никого не убьешь, так хлебец и покушаешь. Поймал рыбку, так и уху сварил; зайца убил —суп».

Через город Шенкурск (древнюю Вагу) проходил издавна тракт, соединяющий Архангельск с Москвой; сплав леса и судоходство по реке Ваге имели для края особое значение, так как железная дорога лежала далеко в стороне.

В настоящее время на месте бывшего Шенкурского уезда создано несколько районных центров. Благодаря социалистической реконструкции всех областей хозяйства и культурному преобразованию жизни Севера облик этого края также в корне изменился.

Железнодорожное строительство и развитие автомобильного транспорта улучшили связь между отдельными, прежде разобщенными, районами. Сильно развилась лесная промышленность. С каждым годом совершенствуется земледелие, введены новые сельскохозяйственные культуры.

Остальные лесные придвинские районы Севера, в которых был записан материал, помещенный в этой книге (Красноборский, Вельский и др.), имеют, в основном, сходный облик с Шенкурским районом, но менее ярко выраженный.

Наиболее разнообразный по жанрам материал был собран в селе Верхней Уфтюге, стоящем на лесной реке Уфтюге. В особенности выделяются записи от А. М. Вячеславовой, которой тогда (в 1937 году) было 76 лет. Она не только сберегла в памяти старинные песни, сложные загадки, но и чрезвычайно художественно исполняла сказки, выдержанные в традиционном стиле с повторением эпизодов и словесных формул, с включением песен и причетов. Высокая, прямая, почти ослепшая, в тем-

ном сарафане и платке, она безвыходно сидела в избе за прядением и часто коротала время, рассказывая сказки внукам — детям своей дочери, местной учительницы, в семье которой жила.

Близко к верхне-уфтюгскому устное творчество и других деревень в бассейне Двины. В них, в особенности в с. Усть-Паденге, Ровдинского района, на реке Паденге, притоке Ваги, было записано много старинных промысловых обычаев, примет, приговорок и др.

Для промыслового устного творчества, как и вообще для устного народного творчества, характерна тесная связь его с трудовой жизнью. В публикуемых текстах упоминаются не только различные породы рыб и морского зверя, но и определенные виды снасти и способы лова, применяемые в той или другой местности.

Для лова трески и другой глубоководной рыбы на Мурмане издавна употребляется ярус. В море, за несколько километров от берега, выметывают длинную крючковую снасть, состоящую из прочной веревки с тысячами подвешенных к ней лесок, снабженных крючками, наживленными мелкой рыбой (мойвой, песчанкой). Ярус удерживается на глубине, не достигая немного дна, при помощи нескольких небольших якорей. К поплавкам-буям прикрепляется шестик с флажком, который показывает расположение яруса в воде. Ярус достигает в длину четырех-шести километров.

Для правильной выметки яруса нужен большой опыт, так как косяки трески держатся на разной глубине в зависимости от температуры воды и наличия корма. После выметки ярус остается под водой в течение шести часов. Через шесть часов рыбаки отправляются за добычей. Они едут по «порядку» яруса и, постепенно вытягивая его из воды, снимают попавшуюся на крючки рыбу.

В дореволюционное время ярусом промышляли на парусной лодке артелью в 3-4 человека: кормщик правил лодкой, тяглец поднимал снасть из воды и снимал рыбу с крючков, а весельщик, наживочник — «глушил» уды.

На берегу рыбаки потрошили рыбу и засаливали ее в бочки или в трюм грузового судна. Жир из печени трески (медицинский «рыбий жир» и технический — для промышленности) вытапливался в котлах примитивного устройства или просто на солнце в бочках (сыроток). Мальчики, взятые для подсобных работ, «отвивали» ярус: отцепляли крючки и снова насаживали на них наживку. В работе проходила вся ночь. В случае большого подхода трески приходилось работать по восемнадцать — двадцать часов подряд.

Ярусный тресковый промысел в открытом море на парусных беспалубных лодках был связан с опасностями: нередко лодки опрокидывало штормом или разбивало о прибрежные скалы и луды, иногда рыбаков уносило за сотни километров в пустые бухты; бывали случаи, что при внезапном шторме усталых рыбаков, отдыхавших в лодке после выметки яруса («на полежке»), накрывало волной, прежде чем они успевали проснуться.

Гораздо менее был развит на русском Севере лов трески, идущей сплошным стадом, на особую уду без приманки, цепляющую рыбу за что придется — «на поддёв». Таким способом в течение короткого времени «натаскивали» много пудов трески.

Озерную и речную рыбу, отчасти и морскую, вылавливали прежде главным образом тяглыми и ставными неводами. Невод представляет собой сетяную стенку — до четырехсот метров длины — с мотней в виде мешка посередине, куда загоняется рыба. Невод удерживается в вертикальном положении в воде при помощи поплавков и грузил, привязанных к его нижним и верхним «подборам» — веревкам большей толщины, чем ячеи сети. Летом невод выметывается с лодки полукругом, и затем его вытягивают на берег до 20 рыбаков; в невод может за одну тоню попасть более ста пудов рыбы. Зимой невод протаскивается подо льдом при помощи жердей. Невод стоит очень дорого, поэтому его в прежнее время «сшивали» вскладчину из частей, приносимых каждым рыбаком. Иногда же невод являлся собственностью «хозяина», которому рыбаки за пользование им обязывались сдавать рыбу на крайне тяжелых условиях. Отсутствие невода нередко заставляло рыбаков отдавать в аренду тони, доставшиеся им по переделу.

На наважьем промысле большое значение имеют сетяные конусовидные ловушки (рюжи, мережи, морды), иногда с отходящими от них стенками-«крыльями», почему они получили также образное название «крылёна».

Известное значение имеет ужение на наживку, с различными приспособлениями.

В прежнее время большое место в промыслах занимали заграждения через реку. Среди них наиболее сложны были семужьи «заборы» близ устьев приморских рек. Они состояли из толстых свай, вбитых в дно реки и забранных хвойными ветвями. Наверху настилался бревенчатый или дощатый переход.

В стену вставлялись у дна большие ящики-ловушки или мережи для семги, с особыми приспособлениями для подъема рыбы. Приморские реки близ устья очень широки, и поэтому длина «забора» достигала иногда километра.

На морского зверя охотились в основном при помощи огнестрельного оружия. Тюленя стреляли с прибрежных льдов, а весной (с марта) промышляли его на движущихся льдах.

На «вешнем» промысле зверобои проводили долгое время, не видя земли по три-четыре недели. В море то плыли на лодке по разводьям, то тащили лодку по льду на лямках, переправляясь через трещины льда при помощи багров. Выбрав для стоянки большую крепкую льдину, иногда до нескольких квадратных километров, объединение артелей зверобоев — «бурса» — выделяло разведчиков, которые шли в «хоз», т. е. должны были отыскать залежку зверя. Возвращаясь обратно, они находили «бурсу» по флагу-«махо́вке», привязанному к шесту.

На самом промысле зверобои, одетые в белые балахоны с капюшонами, подкрадывались с особыми предосторожностями к залежке; «гарпунеры» убивали взрослых зверей из винтовок или баграми. «Рядовые» зверобои — «черново́я» — свежевали тюленей, отделяя от тушки шкуру с салом, связывали их в большие свертки — «юрки», «бревна» — и на лямках «плавили» за кормой лодки к берегу, а по льду волокли за собой.

Главная опасность зверобойного промысла заключалась в том, что когда отрывался береговой лед — «припа́й» или пловучий лед «оттергивало» ветрами и течениями, промышленников легко могло отнести в

океан. Когда льдины «прижимными» ветрами прибивало к острову Моржовцу или к Канинскому берегу, у зверобоев оставалась надежда, с помощью кочевавших там ненцев, хотя бы через несколько месяцев добраться домой. «Ке́ды — не беды, Моржове́ц — не проно́с, вот что скажет Канин Нос», — говорила местная пословица. В океане же зверобоев ждала почти верная гибель: если не утонут, то погибнут от холода и голода.

После Великой Октябрьской социалистической революции народное промысловое хозяйство Севера получило мощный толчок к развитию. В короткий период до интервенции был организован промысел тюленя с ледоколов, а после гражданской войны создан траловый флот для трескового промысла на Мурмане. В колхозах парусные лодки — елы и карбасы — заменены моторными.

Основной рыболовный промысел — лов трески — стал производиться в колхозах с моторных ботов; это дало возможность увеличить длину яруса, так как выметка и подъем его из воды для рыбаков, передвигающихся на моторном боте, ускорены и облегчены. Во всех крупных промысловых пунктах на Мурмане устроены морозилки для заготовки впрок наживки. Засол рыбы, выловленной колхозами, проводится усовершенствованными способами.

На государственном лове особое значение приобрел механизированный траловый флот. На крупных паровых или дизельных судах — рыболовных тральщиках — производится не только лов, но и тщательная обработка, засолка, а на некоторых и морозка рыбы; при помощи особых сложных механизмов вырабатываются рыбная мука и рыбий жир. Подъем мощного механизированного невода (трала) дает по три—пять тонн, а иногда до десяти тонн рыбы. Промысел трески неизмеримо вырос по сравнению с дореволюционным временем.

На семужьем промысле теперь запрещен хищнический способ лова «заборами», мешавшими ежегодному ходу семги для икрометания вверх по рекам, что приводило к уменьшению запасов этой ценнейшей рыбы. Лов тяжелыми тяглыми неводами, которые рыбаки вытаскивали на берег с мучительными физическими усилиями вручную или при помощи деревянных «вороту́шек», заменен ловом «тайниками», представляющими собой лабиринт сетей, установленных на кольях на весь сезон. Рыбаки достают оттуда добычу, загоняя семгу в угол «котла» — ловушки и подымая эту часть сети на поверхность воды. В последнее время освоено также разведение семги, проводимое под руководством научно-исследовательских учреждений.

В новом полярном городе Мурманске на траловой базе в порту, рядом с линией мощных причалов, вырос комбинат с рядом цехов, где освоена высокая техника рыбообрабатывающей промышленности: копчение, замораживание, вяление трески и другой рыбы, производство медицинского рыбьего жира, стеарина и т. д. Такая же траловая база выросла и в Архангельске.

Зверобойный промысел производится теперь с ледоколов и отчасти с моторных ботов. На ледоколе колхозная артель человек в сто, а на моторных ботах — в тридцать шесть человек доставляется в море непосредственно к льдине с залежкой тюленей. Тюленьи шкуры, которые раньше буксировали за лодками или тащили по льду, теперь собирают

Ледокол «Седов» пробивает путь через лёдяное поле

Ледокол «Малыгин»

Колхозные боты на промысле

Рефрижератор «Комсомолец Арктики»

у кромки льда и затем поднимают лебедками на борт ледокола. Промысел, проводившийся раньше вслепую, приобрел новые формы, когда была применена авиаразведка и аэросъемка залежек тюленей на пловучих льдах. Пионером авиаразведки на зверобойном промысле был Герой Советского Союза летчик М. С. Бабушкин, о котором в Койде слагались стихи. Об авиаразведке поется и в местных частушках.

Радиосвязь, установленная между берегом, судами и самолетом, позволяет ледоколам и моторным ботам не только пользоваться результатами авиаразведки, но и сообщать друг другу о нахождении залежек тюленей и согласовывать действия промысловых артелей. Почти исчезла опасность относа зверобоев в океан. Оборудование ледоколов и моторных ботов освободило промышленников от бытовых забот, обеспечивая их сухим жильем и горячей пищей. На зверобойном промысле широко развернулись новые формы социалистического труда: ударничество, стахановское движение.

Из среды прежде безграмотных темных рыбаков теперь выходят квалифицированные кадры судоводителей, тралмейстеров, мотористов для рыболовного флота, а также работники полярных станций и экспедиций — радисты, метеорологи и т. п. Колхозники промысловых хозяйств на месте проходят подготовку для работы по различным специальностям. В промысловых селениях имеются средние школы, клубы, библиотеки, медицинская помощь.

В тесном контакте с производственным активом работают научные институты, изучающие проблемы, связанные с ихтиологией, океанографией и судостроением.

В быту рыбацких районов, как и по всему СССР, стирается грань между городом и деревней. В рыбацких поселках развернулось строительство двухэтажных жилых домов стандартного типа, удовлетворяющих всем требованиям жизненных удобств и культурного отдыха промышленников, которые в старое время, приезжая на сезонный промысел на Мурман или на Канин, ютились в курных избушках и «под лодкой». Во много раз увеличилось население Крайнего Севера.

Социалистическая реконструкция хозяйства и быта промыслового населения привела к коренной ломке традиционного промыслового уклада. Это нашло яркое отражение в народном творчестве. Индустриализация промысла, перестройка общественных отношений на социалистической основе обусловили резкое повышение культурного уровня промыслового населения.

Быстро стали исчезать всевозможные дедовские поверья, связанные с рыбным ловом и охотой на морского зверя, основанные на беспомощности рыбаков перед водной стихией и отражавшие гнет капиталистических отношений и церкви. Потеряли значение песни, связанные с календарной обрядностью, свадебные причеты и пр.

Такие жанры, как лирическая песня, и в особенности частушка, обладающие высокой художественностью, стали бытовать по-новому: они звучат не только на вечерах колхозной молодежи в промысловых селениях, но и со сцены клубов, театров и радиостудий. Лучшие представители устного народного творчества (сказительница М. С. Крюкова, сказочник М. М. Коргуев и ряд других) получили широкое признание

советской общественности, стали членами Союза советских писателей и орденоносцами.

Исчезла прежняя замкнутость устного творчества рыбаков и морских зверобоев по районам рыболовства, чему, наряду с развитием средств сообщения, обеспечивающих связь отдаленных окраин с центром, немало способствует радио, а также массовая печать — газеты, журналы, книги и, в неменьшей степени, конечно, школа.

В наиболее гибких жанрах — устных рассказах, песнях, частушках — быстро появляются отклики на все колоссальные изменения, происходящие в жизни промыслового населения в советское время, — в них повествуется о борьбе за коллективизацию, о новом индустриальном лове, о полноправном положении женщин-рыбачек в колхозах, о новых кадрах молодых строителей социализма на промыслах Севера и Юга.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

Устные рассказы бытовали и в дореволюционное время. Таковы, например, промысловые рассказы у рыбаков Керченского пролива, сохраняющие воспоминания о кабале всесильных «панов»-рыбопромышленников, ценою этой кабалы дававших приют беглым крепостным из разных губерний России. Особенно много рассказов о пане Росполитаки, у которого все беглые, работающие на его рыбных промыслах, откуда их якобы не выдавали обратно, получали поголовное прозвище «Иван». Существовали и рассказы о борьбе рыбаков за лучшие условия труда, об усмирениях в царское время рыбацких «бунтов». Однако запись их в дореволюционное время почти не производилась. Причиной этого была как социальная острота данного жанра, не позволявшая ему пройти через цензуру, так и то, что собиратели народного творчества того времени, как правило, не считали устные рассказы подлинным жанром народного творчества. Несколько таких рассказов мне удалось записать в отрывках.

В советское время в отношении жанра устных рассказов произошел резкий сдвиг как со стороны собирателей, так — главное — самих рассказчиков и их слушателей. Самым характерным для устных рассказов советского времени, говорящих о прошлом, является противопоставление его настоящему, что композиционно организует повествование. Эти рассказы нередко начинаются словами: «Ведь раньше как было?» Примером может служить рассказ М. Д. Коптякова о наважьем промысле на Канинском полуострове (№ 1).

Эпоха гражданской войны дала огромное количество рассказов-воспоминаний участников войны или их близких, в особенности семей партизан. Это — уже люди с более широким кругозором, фиксирующие в исторических событиях наиболее драматическое из лично ими пережитого. На Севере в устных рассказах, записанных во время экспедиций, речь шла преимущественно о событиях на Шенкурском, Двинском и Пинежском фронтах, о борьбе с кулаками, белогвардейцами и с интервентами; на Юге — о борьбе партизанских отрядов в Керченском районе, в Крыму, скрывавшихся в каменоломнях. Последние материалы были мною переданы в свое время в редакцию «История гражданской войны» для использования и частичной публикации их в соответствующих томах.

Представители младшего поколения, воспитанного в советское время, привыкли выступать публично с отчетом о проделанной работе, с воспоминаниями об истории колхоза, с изложением своей биографии. Эти выступления и помогли, повидимому, развиться и оформиться современ-

ному стилю устного рассказа и вообще этому жанру. Основной тематикой советского устного рассказа является повествование о борьбе за колхозное строительство, о пафосе творческого труда. Примером этого могут служить рассказы А. М. Михлика (№ 9) и А. Ф. Федотова (№ 4).

Далеко не все рассказы следует считать устно-поэтическими произведениями, а лишь те из них, которые при многократном повторении приобрели устойчивую форму новеллы. Такие устные рассказы имеют и некоторые характерные признаки: краткую экспозицию, обычно с указанием года происшествия, сентенцию в конце, живые диалоги и т. д. Динамизм, драматическое напряжение — одна из основных черт этого жанра.

Основу устных рассказов составляет обычно один или два-три однородных ярких эпизода биографии рассказчика или кого-либо из его близких. Крайне слабо связанные между собой, эти эпизоды рассказываются и как одно цельное повествование и порознь.

В устных рассказах, помещенных в настоящем издании, эта тенденция к сцеплению отдельных новелл видна, например, в устном рассказе К. А. Малыгина об относе во льды зверобоев (№ 3).

Устный рассказ, даже в тех случаях, когда можно говорить об относительной устойчивости его текста, допускает большую изменчивость (хотя бы в отступлениях, вставках, пропуске эпизодов). Поэтому и роль собирателя при записи этого жанра более значительна, чем при записи песен, сказок и т. п. Установление контакта между рассказчиком и собирателем имеет здесь особое значение. Своим отношением к рассказу, репликами собиратель может помочь рассказчику шире развернуть повествование, вспомнить некоторые эпизоды, отбросить несущественное. Характерно, что устный рассказ обычно лучше всего получается, если его начинают передавать после одной-двух недель работы с собирателем по записи других жанров, так как многие эпизоды будущего рассказа всплывают в случайных беседах и потом могут быть вновь повторены для записи. Если же настаивать на записи сразу, то или следует отказ или же материал получается неполноценный.

Нельзя представлять себе жанр устного рассказа огороженным какой-то стеной от других жанров. Помимо того, что рассказчики нередко поддаются искушению вкрапить в свое повествование какой-нибудь популярный эпизод бытовой сказки, анекдот, отнеся его к своей биографии, они зачастую иллюстрируют свой рассказ пословицами, приводят песни, характерные для той эпохи или ситуации, и т. п. Лучшие рассказчики обычно вообще мастера устного слова — сказочники, песельники.

Для устных рассказов советской молодежи типичен рассказ А. Ф. Федотова. Федотов — один из первых комсомольцев села Лопшеньги, организатор там рыболовецкого молодежного коллектива, клубный работник, а к моменту записи — председатель колхоза в селе Чубола-Наволок, на Летнем берегу. Рассказ его отличается не только идейной и социальной заостренностью, но и мастерством устной речи — композиционной четкостью эпизодов новелл, составляющих его, динамичностью, обилием диалогов, яркими картинами природы, меткими сатирическими сценками. Так и чувствуется мастер-рассказчик.

Это не случайно: А. Ф. Федотов в юности славился как сказочник (и происходит он из семьи сказочников), как составитель частушек, лю-

Рыбаки-колхозники на Азовском море сдают дневной улов

Рыбацкие лодки у плавучего рыбозавода на Каспии

На приемном пункте красноловного комбината в Астрахани

битель народных песен. Свою агитационно-пропагандистскую работу в первые годы после революции он строил на близком ему материале — на антиклерикальных сказках, злободневных частушках и т. п. В его рассказах живо выступают образы мужественных людей, строителей новой жизни в приморской глухой деревне (эпизод с одним из комсомольцев, который, поранив руку, продолжал выметку яруса). Из его рассказа видно, как по-новому осмысливались некоторые из традиционных обычаев, а другие решительно отвергались. Построив своими силами моторный бот, комсомольцы приглашают всех своих товарищей — деревенскую молодежь помочь спустить им на воду «Зарю» и для «спускова́» по обычаю варят традиционное пиво. Однако спускают они судно — наперекор суеверной моряцкой традиции — нарочно в «тяжелый» день праздника Федосьи Рыскуньи, хотя старики уговаривают их не делать этого.

Всего во время экспедиции было записано 36 устных рассказов. В настоящем издании помещены, кроме рассказов о рыбном промысле, в основном рассказы о зверобоях, записанные в селе Койде, о переменах, происшедших в тюленьем промысле в советское время, рассказы советских полярников — штурмана комсомольского ледокола «Малыгин» Л. Н. Духовского (№ 5) и одного из участников зимовки на Новой Земле (№ 6). Последний рассказ дан в выдержках.

Из азово-черноморских материалов помещены рассказы, характеризующие тяжелый и отсталый быт рыбацкого населения в дореволюционное время в тех местностях; эксплоатацию «рыбальства» — рыбаков прасолами-рыбопромышленниками, борьбу ловецкого населения за коллективизацию (№ 9), роль женщины на колхозных промыслах (№ 10), прежде совершенно отстраненной от лова и бесправной в семье.

Северные (№№ 1—6) и южные (№№ 7—10) рассказы помещены двумя самостоятельными группами, так как обстановка и характер промысла, отраженного в них, совершенно различны, а кроме того они резко различаются и по речевому складу.

В Мурманской экспедиции собирался также материал по истории рыбных промыслов. Сперва записывались устные рассказы на эту тему; из них наиболее интересен рассказ М. И. Синяковой, из семьи первых колонистов становища Рынды на Восточном Мурмане, об условиях колонизации и быте того времени. Однако вскоре запись устных рассказов была заменена работой в литературных кружках с местными рыбаками и моряками, которые сами писали очерки автобиографического характера.

Это было вполне осуществимо благодаря их хорошей грамотности и высокому культурному уровню. В результате была опубликована отдельная книга «Рыбный Мурман», в которую вошли как устные рассказы, так и очерки[1]. Этим и объясняется отсутствие устных рассказов с Мурмана в настоящем собрании.

Характерно, что язык и композиция очерков и рассказов мурманских рыбаков-колхозников и моряков промысловых судов, в большинстве совершенно не искушенных в литературе, сохранили многие особенности устного рассказа: лаконизм, яркий диалог, привычку кончать рассказ подытоживающей сентенцией, пословицей. Так, один из очерков — об умышленной аварии шхуны, устроенной судовладельцем с целью по-

[1] «Рыбный Мурман». Сборник очерков и рассказов мурманских моряков, под ред. Р. Липец. М., Снабтехиздат, 1933.

лучить страховку, — заканчивается пословицей: «От трудов праведных не нажить домов каменных». В другом очерке — об условиях опасного рейса в Норвегию за рыбой на паруснике — говорится о том, что вся прибыль досталась хозяину, а на долю команды — «пять перстов да ладонь».

Тенденция к замене рассказывания (иногда и диктовки) сказочником, сказителем, певцом произведений народного творчества собирателю самостоятельной записью вообще все сильнее проявляется в наше время. Это объясняется резким повышением культурного уровня и поголовной грамотностью среднего и младшего поколения промыслового населения, а также широким привлечением трудящихся к активному участию в стенных газетах, местной и центральной печати. Это одна из новых форм собирательской работы в советских условиях. Получая все большее распространение, в особенности в отношении устных рассказов, она будет содействовать наиболее полному отражению в материалах по народному творчеству черт окружающей социалистической действительности.

СЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ

1

[НА МОРЯХ]

Всю жизнь я проводил на морях. Сначала я ходил на судах, на парусниках. Придешь в Чижу на Канин, на ко́ргу выгрузишься и вот тут живешь в избушках черных, всё направишь: рюжи, ловушки, дровни, — дожидаешь оленей. Как первые заморозки падут, пригонят оленей ненцы, снимают тебя, верст за восемьдесят повезут на реку Каню,—там ловить навагу. Оттепель падет, стоишь целыми неделями на одном месте, дожидаешься опять заморозков. В это время река станет уж. Ловушки у тебя направлены, погрузишь в реку через проруби, наваг наловишь. Живешь месяца полтора. Тогда ловили кто поодиночке, кто двойма́, а кто имел и рабочих.

Я с отцом ходил, — с одиннадцати годов пошел, — а потом с братьями. Сначала мы в Шойне в чумах жили у ненцев. Три года я так жил Бань тогда не было, негде было умыться, живешь это всё время без бани.

Накладешь наваг в дровни, и на каждого налавливаешь возов по восемь-десять, да и больше. Это всё на Русь вывезешь, в Мезень, на оленях. Выйдешь в Мезень, дорогой сколько событий! Падет такая пурга, что и занесет эти все возы, ищешь их несколько дней хореями. Выгребаешь, выволакиваешь на чистое место, а олени на воле ходят; потом опять перепогодится, оленей наимают, и идешь. Так случалось, что по месяцу до Мезени идешь. Случалось, что и хлеб весь съешь. Олени пристанут — вот греха-то!

Попадешь в Мезень, — были покупатели из Вологды, из Москвы. Фирмы такие были, приказчики приезжали. Цена годами была хорошая, а годами никуда, даже по семьдесят копеек продавали за пуд. А когда уж навагу продашь, наймешь лошадей из Мезени, приедешь домой.

Тогда место было пустое, — как тайга была, — а теперь в Шойне уж завод стоит, почти город, пароходы ходят летом. Там уж местные живут. Наши ходят туда осенью на пароходе, а обратно на конях. Теперь дорога сделана конная, наделаны станции, каждый год провешат ее, хоть и занеси — ходят лошади. А раньше мы этого и нисколько не думали, что это там будет, — на таком пустом месте чего устроят!

Живут местные домами и наши когда приезжают, — у нас тоже дома построены. Раньше в избушках курных жили, а теперь у нас в Койденской артели в Кие дом выстроен, чуть не сто человек входит, двенадцать комнат.

Там ненецкий кооператив есть, завозят всё. А раньше ходили, всё с собой увозили из дома. Насушишь сухарей, хлеба, сколько нужно тебе на два-три месяца. А теперь там хлебопекарни есть.

Теперь там бани, склады наделаны; у нас тоже склад громадный есть. Навагу там и принимают, в мороженом виде и в талом, как придется. А раньше было, — хватало тут дела, еще дорогой пойдешь, падет оттепель, в снег ее закапываешь, неделями стоишь с чумами. Теперь жизнь другая пошла.

с. Койда. Коптяков М. Д.

2

[ПО ТОНЯМ]

Раньше жили по тоням в чадных избушках, грязные, немытые; а теперь оклеены обоями стены, у каждого своя коечка, простыня. А женщины, — рано еще к неводу идти, — думаете, чем занимаются? Кружева вяжут. Мне раньше приходилось на тонях сидеть, так только завидовать приходится. Раньше в избушку придешь — человека не видно, чад, дым, как в бане, окошечко только одно ма́ленько — для тепла; темнота, а сами по полка́м в бахилищах валяются. А теперь в сенцы заходят, раздеваются. А старую избушку дряхлую оставили нарочно, для памяти: «Пусть стоит, мы на нее смотреть будем».

с. Койда. Сахаров В. М.

3

[ЗВЕРОБОИ]

За свою жизнь я больше годов на море провел, чем на земле. С двенадцати лет пошел по промысловым делам. Раньше мы ходили на парусных судах. Очень плохо это было: по́ветери ждешь-ждешь. За по́ветерью стоим в деревне в Койде месяц, и хлеб весь сгниет и сменят. В нынешние времена пароход назначит тебе день и час и это определенно уедешь. Паровая посудина доставит тебя куда надобно. В Чешское море забрасывают промышленников тоже.

Из Чижи раньше ходили на оленях в Кию и Шойну. Это была большая ломка, мука оленей. Ловили рюжами, но только мало вылавливали; а нынче много придумано разных ловушек. Навагу ловили малое время, уходили домой на оленях.

Я неделю, много две проживу и уезжаю на звериный промысел к морю добывать раннего зверя на водах, когда зверь гребет вверх, на родину, в Белое море. Бывали такие годы, что я с этого промысла не являлся домой, уходил на Моржовец для детного промысла. На Моржовце живу всю зиму до вешнего промысла и так же на веснóвке.

С промысла уходили домой, но дома жить тоже не приходилось, запасали дрова, уходили ловить рыбу на Мурманский берег.

Когда я, до призыва, возмужал, то я ходил на парусниках у богачей, за низкую плату. На двадцать втором году зачислили меня во флот. Был я в дальнем плавании. Оставляли меня на сверхсрочную инструктором, ну, я не остался, вернулся в Койду.

Помню, мы промышляли зверя в губе, в конце концов попали в океан за Орлов, — так уж нас вынесло. Пал сильный шторм, обедник; попасть никак нельзя было на остров. А в океане, на воде, как говорится, ноги жидкие. Больше суток мы тогда стояли в воде, в лямках, готовые к смерти. Ропаки летели через льдину, на которой мы были, и через острый ропак спустились в море. На ходу прыгнули в лодку, поставили паруса и под парусами и веслами шли к Орловской губе. Спустились ночью, а выехали за полдень. Промысел бросили на океане, на льдине, в одну кучу собрали, с ремнями, с юрками — и поставили флаг. И нам сказывали, что наш промысел принял какой-то бот, всё наше богатство; по морскому правилу должны бы они взять третью часть за прием, ну, они нам ничего не отдали, так все и пропало.

Когда мы промышляли зверя на Северных отмелях, с собою брали зрительную трубу, часы в футляре; на море двое часов нужно, — если одни попортятся. С морем нужно бороться умно. А не понимаешь, — не ходи и людей не губи. Мы всё прошли. У нас нет страхов никаких, нам ничего не страшно.

Потом я плавал в экспедиции зверобойной с Владимиром Ивановичем Ворониным на «Седове» на ледоколе. Одно могу сказать, — один из первых, правильный командир. Двенадцать годов с ним проплавал гарпунером. Когда он стоит на мостике и командует решительно: «С правого боку выйди двадцать человек, с левого тридцать человек!» — и не перевышай его слов, так и делай, чтобы он знал, в какой район сколько людей отпустил. Когда скомандует: «Приготовиться гарпунерам к бою!», — были бы готовы все в несколько минут, как солдаты, идти на дело. Старых и опытных гарпунеров призовет на мостик, покажет «путь» — направление, где лежит зверь. Гарпунерам флаги расставлять, зверя стрелять и сволакивать в одно место. Зверя сбивали в большие кучи, чтобы пароходу сбирать легче; это не было, как у нас раньше, — по двадцать-тридцать штук, — сволакивали тысячами. Весь округ, где промышляли, ограждался флагами, а также и кучи; флаги имелись разные у пароходов, у каждого свой цвет, чтобы не мешались с товарищем. Ночью ограждали все кучи фонарями. Собирали лебедкой кучи, команда работала повахтенно, и никогда не бывали заторы, — всегда идет дело ходом. Следил Владимир Иванович за этим зорко, промысел всегда у него был выше, чем у людей, а меньше — никогда. Скажет: «Сажень да моя! Иди вперед да не оглядывайся. Работай». Он зря не говорил, а делал свое дело:

в зрительную трубу смотрит, — сорокакратная у него зрительная труба, — так он видит, какая кому цена. По голосу всех знает.

Помню, шли в Мурманск на «Седове». Пала штормина, всех почти укачало. Воронин ходит на мостике, как звезда, ему хоть бы и раскатилось синее море; пароход обмерз, как стамуха, а Воронин ходит и шабаш, и не сойдет. А меня тоже море не закачало, работал.

Сколько годов я с ним работал, хотя бы и один человек был на море, он не сойдет с верхнего мостика, пока не добудет его на пароход. Пошлет ли команду или еще какую подкрепу, но не оставит его одного в ночь. Бывало, до полудня команду собирали.

Раз на промысле мы ночью перегружали уголь из кормового люка в угольную яму. Ночь была лунна. Воронину дали знать с острова Моржовца по радио, что унесло двух промышленников мезенских. Унесло их на губу во льдах. Там они сколько ни ходили, сколько ни путались, но выйти никуда не могли. Решили остаться на льду, чтобы заметили их самолеты, в каком градусе находятся широты, в каком — долготы. У них была вроде изба ледяная складена и заготовлена звериная салина, чтобы вечером дать сигнал, зажечь; не заметит ли их ледокол, — самолет уж вечером не полетит, — и мало-ма́льше самим отогреваться около огня, у них ноги-то уж окрутило от холода. Мы утром пьем чай, сейчас команда с мостика: «Людей видим!». Сейчас все выскочили из жилой палубы, — видим, действительно, живые люди, они уже вышли на ропаки. Увидели, что ледокол к ним идет по курсу, обрадовались. Сейчас подошел он к льдине, подал с правого борта трап. На трап они встали и пошли с великим трудом. А когда перевалили на палубу, — сразу ноги у них отказались, сели они. Мы их отвели в жилую палубу, сняли верхнюю одежду и обувь. Стали давать им пищу помалу. Вылечили их и представили здоровыми на материк. На льду были они около двух недель. Занесло их порядочно за Сибиряков несяк — ледяные горы такие, не пловучие, а на мелях.

А то еще одного тут унесло из Долгощелья, Федьку Бугорка, без лодки; тоже блуждал долго в море. Так он был натуристый, ел звериное мясо и от у́тельги молоко, — он ее подобьет и пьет. Душа его принимала. А так бы он пропал. Он порешил идти на материк; на Моржовец перейти по льду можно, но это ведь как подладить, да и силы уж иссякли у него.

Он уж недалеко был, — пал ветер с горы, с Моржовца, и не пришлось попасть. Понесло его в Рыбный. Там увидели, несет человека: «Да это, — говорят, — Федьку Бугорка несет! Он, он». Сейчас в лодку, поехали двойма́, переняли его и спасли. Сейчас пошел опять в море на ледоколе, не то на «Садко», не то на «Малыгине».

с. Койда. Малыгин К. А.

4

[КОМСОМОЛЬЦЫ]

В начале 1927 года мы, комсомольцы, организовали первый рыболовецкий коллектив в нашем селе. Задумали своими силами построить моторный бот. А до этого мы сами ёлу выстроили и под парусами ходили в Восточную Лицу промышлять.

Стали рубить коко́ры, сами на себе стаскали к морю; когда зима пришла, начали свозить их, а лошадей было только три.

Дело подходит к стройке бота. Надо ведь чертеж разбить, а надо платить дорого за него, а денег нет. «Ну, давайте сами сделаем!». Мы с братом двоюродным Сашей вдвоем целыми ночами сидели, чтобы не провалить. Моделей сделали штук десять: и клеили, и из бумаги резали, и строгали — целая мастерская была. Так чертеж моторки мы своими силами сделали; помог нам еще Ярыгин Александр Васильевич, плотник. Ну, и пошло. Маленькую модель увеличили, стали строить. Денег тысячу рублей получили—кредит. И пилили, и рубили, и ковали сами.

А меня послали на курсы по мотору: «Поезжай! Ты смекалистый. А мы выстроим корпус». Дал слово, что выучусь, не провалю мотор. Я учился; они мне пишут, как у нас дело. На курсах выучился на «хорошо», дали мне право плавать.

Приехал в марте, — они уже кончают. Мы кузницу свою решили построить. Меха старые где-то нашли, всё старались меньше покупать. «А кто ковать будет?» — «Давайте, я уж буду и кузнецом. У нас ковку немного проходили». Напáрья все были переломаны; тут их медным спаем стали сваривать. Начали ковать, — ни молотка, ни зубила, ничего. А чужого разве пойдешь просить? И не давали, всё с насмешкой. Саша: «И не ходи! Сами обойдемся». Сами их сделали, даже и клещи, и зубила, и молотки.

Ну, и вышло судно, — красиво посмотреть! Назвали «Заря». Нам смеялись: «Не чисто сделано!» — «Не чисто, так крепко сколочено». И сколько она перенесла потом и в штормах, и на камнях, и на песке, — и ничего ее не берет.

Дело к лету пошло. Лед отошел. К спуску много ребят подговорили: «Ну, ребята, помогайте!». Пиво сварили к спусковому. Спустили на воду, оно у нас заплавало красиво. Радость нам, в головах полно. Выпили это пиво, угостили всех, кто был на спусковом.

Сообщили нам, что машина в Архангельске; надо гнать бот туда. На парусах нас пошло четыре человека. А с завода «Победа» из Мелитополя три первых машины пришли в наш Северный край, и как раз случилось — самая первая машина досталась на наш бот.

В Рыбаксоюзе дали мне документ: «Ну, раз ты моторист, иди принимай машину сам». Осмотрел я всю эту машину, погрузили ее на бот, на парусах выгнали в Соломбалу, вытащили кормой на берег.

А нам спешить надо к промыслу! Пошли мастеров звать — становить мотор. «Ну, надо ребятам сделать. Ребята хорошие». Быстро они поставили. Ребята мне говорят: «Ты присматривайся, как следует, —потом чтобы самим становить». Машину поставили. Спустили на воду пробовать мотор. До Восьмой версты по Двине сгоняли; а мне машина вручена. В дыму первый раз, — ничего! Отвезли их обратно в Соломбалу.

Капитаном — Саша, а я — помощником-мотористом. К пристани пришла машина, уж начала ходить хорошо. Прописку сделали, вооружили окончательно, девиацию компаса устранили и пошли домой в Лопшеньгу.

На берег народу высыпало, — дождем не смочить, сколько. И родные и знакомые. Радость какая: мотóр идет! Некоторые завидовали. Теперь построили, так все хотят.

Выделили нам рыбацкую тоню. Мы четырех человек оставили дома промышлять семгу и селедку, а сами пошли на Мурман, в Восточную

Лицу. Даже дня не стояли дома, — белье забрали, хлеба, с родными попрощались.

Карбасов подъехало не меньше десятка прощаться, смотреть. Я матерь свою, Сашину матерь завел к машине и посадил на лавочку, а сам стал разогревать лампочку; а остальные смотрят сверху, облипли все. Как она затарахтела, — они кинулись прочь; я: «Стойте, стойте, не бойтесь!» Куда там! На мостик выбежали, оттуда смотрят. Машину отрегулировал, заработала хорошо.

Раньше у одного только Юдина, кулака, был мотор, ходил на зверобойку; ну, он никого не пускал смотреть. Тихо уходил, никто его не провожал, а мы, — пожалуйста, все смотрите! И работа коллективная. Радость-то какая! Проводили нас.

За ночь перешли Белое море. Я все время в машине, никто не сменяет. И не до сна. Клюнешь раз, и ладно. Утро уж стало серое. На Сосновском берегу нас шторм встретил. И заходить нельзя в реку — хода не знали — и дальше идти нельзя против ветра. На лодке выехали на берег, оттуда с собою за лоцмана взяли одного местного парня знающего; он наш бот провел в реку, к самому берегу.

Народ был там веселый, а мы все молодые. Девицы ходят боязливо, а парень, который нас заводил, ко мне: «Знаешь, ты не починишь ли мне самовар? Ручка отвалилась». — «Тащи сюда». Припаял. Эх, мой парень обрадовался! Через час тащит нам полную кастрюлю молока, семгу: «Нате вам за то, что вы мне сделали». К вечеру вышли в футбол с ними поиграли, вечерка, — в кадриль ходить, частушки.

Наутро шторм стал стихать. Мы еще лежали пока, потом кто-то по палубе начинает ходить. Саша меня толкает: «Ленька, Ленька, посмотри!» — «Что?» — «Выгляни в дверки». Я выглянул: их там человек десять, — кто с умывальником, кто с ковшом, кто с кастрюлей. Оделись мы. «Пожалуйста, почините нам, что хотите возьмите!» Саша смеется: «Что же! Поставим бот здесь, и давай лудить». — «Знаешь что, Саша? Надо им сделать сколько-нибудь; вы приготовляйте пока». Кажется, всем я сделал, у кого дырочка маленькая в посуде. Благодарности сколько было! Натащили молока, семги, — мы не взяли.

Стала тихая погода. Пошли в Восточную Лицу. Помощника у меня не было; тридцать четыре часа я отсидел в машине, не спавши. Машина работала...

В Восточной Лице достали наживки, наживили тюки и пошли в море. И первый раз не знали, где места рыбные; смотрели, где рыбаки коренные выбрасывали яруса, — мы около них. Втихомолку выспрашивали; рыбаки не говорили: «завет». А мы молодежь все.

И один памятный мне раз наживили двадцать тюков, с двух концов стали выбрасывать. Три человека остались в ёле, а мы с Сашей уговорились: я буду на машине сидеть и рулем управлять, а он должен был выметывать с борта. И вот мы выметывали, выметывали, выметывали, — я в машине сижу, вдруг слышу крик. Выскакиваю, а у него крючок в палец попал, кругом кости обошел, мотором его за борт тянет. Я сразу назад машиной отработал, ослабил. Сам ножик сгреб, обрезал форшень. Крючок вытащить нельзя, сразу перебинтовали, чтобы кровь не текла. Он говорит: «Ладно, домечем». Перчатку еще надели. Выметали ярус. Когда кончили, поставили буй, тогда сразу же пошли на боте в Восточную Лицу километров за пятнадцать к фельдшеру; он

у него вырезал крючок. Мы на берег; якорь вдвоем вытащили и опять в море.

Дело пошло к осени. Рыбу мы напромышляли, солили в трюме. В Архангельск пришли семнадцатого сентября.

В 1930 году большой колхоз организовался. Мы ему всё передали, и мотор наш «Заря» туда перешел.

с. Лопшеньга. Федотов А. Ф.

5

[НА „СИБИРЯКОВЕ"]

Пошли мы на «Сибирякове» на мыс Оловянный построить рацию. Задача была нелегкая, — к этому мысу Оловянному ледоколы не могли добраться в течение двух навигаций, — были тяжелые ледовые условия. По пути мы должны были сменить зимовщиков на острове Уединения.

Когда подошли, там не оказалось ледяного припая. Выгрузку пришлось производить на лодках, а в море свирепствовал шторм, на берег шла очень большая волна. Чтобы не терять времени, приходилось выгружать в эту погоду самим: зимовщикам, команде, комсоставу, — грузчиков не было. Время было дорого, потому что из Архангельска вышли поздно, задержал ремонт; а мы знали, что те ледоколы не смогли добраться вовсе. Мы хотели быть пораньше у мыса Оловянного. В Арктике каждый день считан, — сегодня не сделаешь, а завтра будет поздно. Всю команду разделили на две бригады, за исключением вахтенных. Между бригадами было объявлено соревнование, кто скорее и больше выгрузит за свою вахту. Шесть часов работали, шесть отдыхали.

Из-за сильной волны, — когда подходили к берегу, — чтобы не подмочить груза, люди слезали с лодок, по грудь входили в воду и несли груз на плечах, а температура была плюс два, плюс пять градусов. Если груз подмокнет, — зимовщики останутся без припасов. Вследствие сильного ветра, несмотря на все якоря, карбаса выкидывало на берег; команде нечеловеческими усилиями приходилось стаскивать их в воду; карбаса било, нужно было их тут же ремонтировать. Весь груз надо было поднимать в гору метров на семьдесят.

Каждая бригада старалась одна перед другой больше вытащить груза. Несмотря на волны, некоторые тащили груз не по своей даже силе, — лишь бы побить следующую вахту. Моторист Григорьев проработал без смены сорок семь часов.

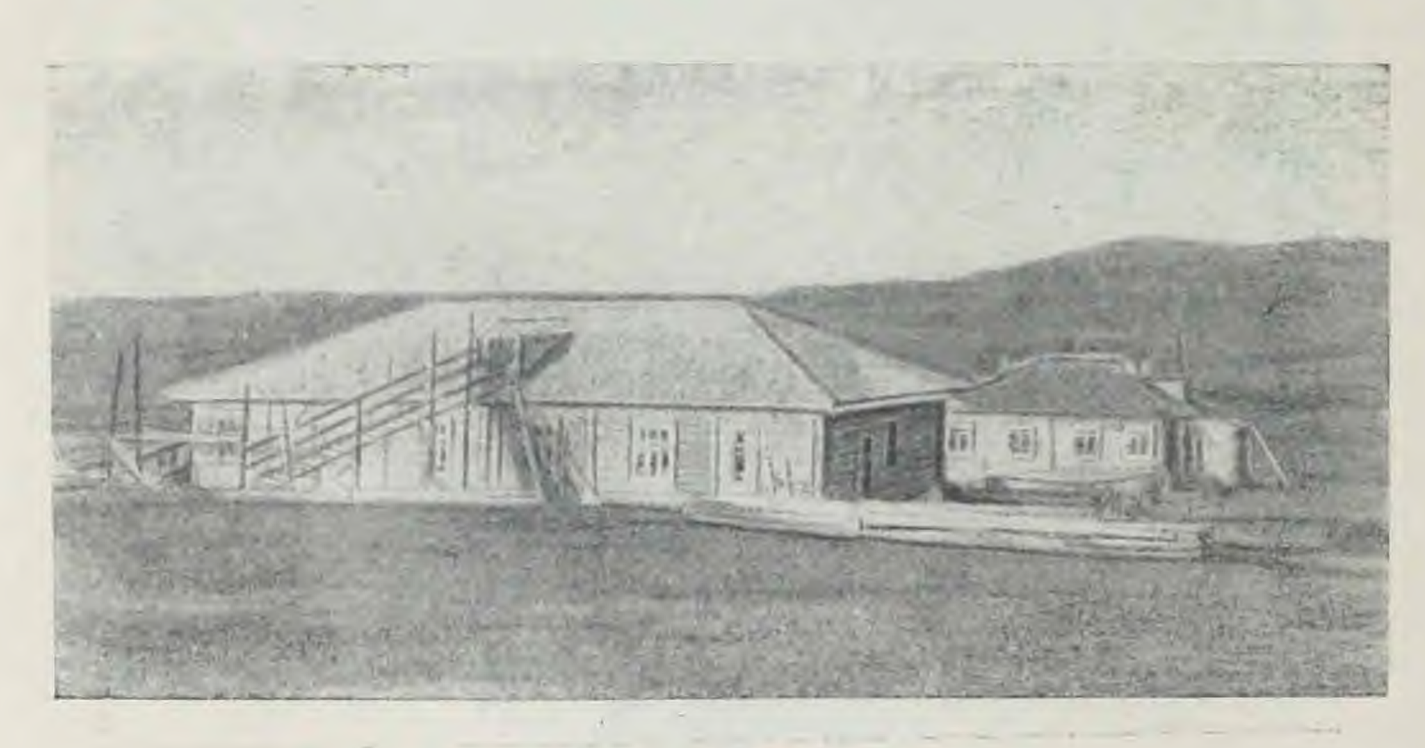
Одежда леденела, но люди опять лезли в воду; разбивали руки, водой поддавало грузы, но все-таки работали. Кончишь работу, — сразу валишься и спишь. Особенно мучительно было вставать через шесть часов. Будят, и сразу обед или ужин; и не поймешь, что это: светло. Петух и то сбился с времени, начал когда угодно, — и днем и вечером, — кукарекать.

Среди груза у нас был еще скот: коровы, свиньи, козы, собаки. И эту живность, — она воды страшно боится, — еще труднее было выгружать. Привезли к берегу, — они, проклятые, не хотят слезать в воду. Надо было их стаскивать с карбаса; а когда перевели, они пробежали и сразу

Последние приготовления перед отплытием ледокола

Перегрузка груза командой ледокола

Ледокол среди льдов

Домик полярников

стали в стойла. Пришлось с ними помучиться, — поросята плывут, их водой относит в сторону, ловишь их. Одна собака никак не хотела на зимовке оставаться; как к берегу подъедешь, она в шлюпку прыгает и опять на судно. Выгрузка прошла раньше срока, а обе бригады остались все-таки на равных основаниях. Зимовщики вынесли нам благодарность за нашу работу. Начальник зимовки сам был к нам исключительно внимателен, заботился о нас; если нам приходилось ожидать на берегу, он нас звал к себе, кормил, менял нам одежду.

Закончив это дело, мы пошли к мысу Оловянному. Вопреки всяким расчетам, мы прошли это расстояние всего в четверо суток с заходом на мыс Челюскин; там мы сдали зимовщиков с острова Уединения на «Сталинград», шедший сквозным переходом Владивосток — Мурманск.

Когда пришли мы на мыс Оловянный и стали на якорь, начальник зимовки, его второй радист, я и матрос Малыгин поехали на берег выбирать место для постройки радиостанции, — чтобы было красиво и чтобы пароходу удобно приставать. Приехали туда и как раз нашли место; очень удобно подъехали. Мне понравилось — выгружать удобно, а начальнику зимовки понравилось — красиво. Чтобы ознаменовать это событие, — постройку станции здесь, где не ступала нога человеческая, — устроили «банкет» на берегу вчетвером: выстрелили из ружья, выпили полбутылки коньяку, закусили колбасой, выкурили по хорошей папиросе. И поехали к судну.

На следующий день приступили к выгрузке груза и постройке радиостанции. Здесь выгрузка шла нормально; работали также по шесть часов те же две бригады, соревновались на быстроту выгрузки.

Однажды, когда все люди выехали на судно за грузами, на берег пришел медведь белый; ну и начал наводить порядки на радиостанции: добрался до бочки с пемиканом, выбил дно и принялся есть. Собаки подняли неистовый лай. Мы поехали на берег, но он ушел, не успели догнать. Выгрузили мы там всё за четверо суток и стояли еще пять, помогая поставить домик станции. Нашлись у нас каменщики, столяры и плотники. Дождались, когда пошел первый дымок из печки, прогудели три раза; зимовщики — четыре человека — отсалютовали нам из ружей тоже три раза, подняли на мачте советский флаг. Мы ушли в море, оставив зимовщиков на два года.

г. Архангельск. Духовской Л. Н

6

[НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ]

На Новой Земле не так страшны морозы, как «всток» — ветер ураганной силы, с пургой. Снег сносит до голой земли. С гор несет тучи снега и щебня. Стоять на ногах трудно, обмораживаются руки, лицо. Ездовые собаки не идут, зарываются в снег. Видимость теряется за три — пять шагов.

В Кармакулах ударил сильный всток. В помещении, несмотря на беспрерывную топку печей, температура спускалась до пяти градусов ниже нуля. Продолжалось это шесть дней. Сорвало с берега груженый карбас, бросило его в воздух и унесло за два с половиной километра. Пришлось всем становищем тащить карбас по льду Кармакульской бухты на прежнее место. Он сильно пострадал при падении. Во время

встока на Кармакульской полярной станции сорвало антенну. Надо было подняться на двадцатипятиметровую мачту, — а она играет на ветру. Комсорг Кармакул Шура Тифонова, известная в становище своей решительностью и храбростью, поднялась на мачту и установила антенну; качаясь в воздухе вместе с антенной, рискуя ежеминутно быть сброшенной ветром, она весело шутила, смеялась и пела частушки.

Другой комсомолец, стахановец Павел Журавлев заехал на Новую Землю почти ребенком, ему и семнадцати не было. Четыре года прожил в маленькой промысловой избушке на Карской стороне, наиболее суровой стороне Новой Земли. Исключительно смелый парень был. Весной в 1936 году в самом отдаленном участке, на заливе Литке, заболел промышленник Александр Трапезников. Во что бы то ни стало Трапезникова нужно было вывезти оттуда. Попасть в Литке было невозможно, — тронулись горные реки, поломало лед от берегов в Карском море, вскрылся пролив Маточкин Шар, горные снега превратились в кашу, что в ней можно было утопиться с собаками. Старые промышленники становища Лагерного отказались ехать спасать Трапезникова, говорили: «Вместо одного погибнут два-три человека». У нас была надежда на Федора Кузнецова, он крепко знал Новую Землю — отказался. Журавлев сказал: «Я берусь за это дело». Ему говорили: «Смотри, Пашка, дороги через горы нет, реки вскрылись, — погибнуть можно каждую минуту!» — «Через десять дней Трапезников будет здесь». — «Берешься?» — «Берусь». И, действительно, через десять дней Трапезников был доставлен в становище Лагерное. А Журавлев потерял четырех лучших собак, — он тонул несколько раз, в снегу купался.

Рассказывать про такое они не любят там; другой раз придет промышленник весь мокрый, в шуге. «Ты что, тонул?» — «Так, измочился малость, пустяки». А сажень двадцать в шуге бултыхался, реки переправлялся вброд, мерзнет всё на нем, в ледяшку превращается. Железные люди, просто железные люди!

г. Архангельск. Шувалов И. И.

7

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИЕ РАССКАЗЫ

[ЧЕРНОМОРЦЫ]

У отца нас было шесть братьев. Он ничем не мог нас наделить, даже рыбацкими снастями. Мне, как самому старшему, надо было первому уходить из дома. В старое время это было.

У нас были прасолы, которые занимались скупкой рыбы у рыбаков. К такому прасолу я и попал, взял у него снасти на пятьдесят рублей, чтобы мог я рыбачить. Вексель я ему дал и всю выловленную рыбу я должен был сдавать ему; какую цену он положит, я совершенно не знал. Ловишь всю путину, — три-четыре месяца, — думаешь, что рассчитался за снасти, а когда приходишь к нему на расчет, то опять должен остаешься. Годами это шло, велось все рыбальство так. От таких заработков мы разъезжались во все стороны, и нигде не нахо-

дили, где лучше. Я вот тоже оставлял семью, уезжал на Каспийское море — и везде было одно и то же. Весь лов каспийский был в руках астраханских купцов.

Первый раз рыбачили мы, русские, в Сулаке, близ города Петровска, красную рыбу, а то все хозяин нагонял туда калмыков. Мы, черноморцы, как попали в новую местность, не считались, что погода или непогода, — пошел в море и больше ничего! У нас и в Крыму так было, что не проходило ни одной осени, чтобы не съело море шесть-семь человек. Когда самый шторм, тогда сельдь ловится, самый сетной лов. Часто бывало, что захватит шторм, треплет, — это мы считали пустяки, для нас привычное дело. А Каспийское море очень бурное, забурунистое, нигде нет таких бухт, чтобы забежать и спастись. За полкилометра зальет лодку, — такое сильное течение. И был там со мной случай. Попали мы в шторм — был сильный ураганный ветер, норд-вест. Дует он через берег, так что к берегу добиться было трудно. Нас было на баркасе четыре человека. Отнесло нас в море, что парус никак нельзя было держать и якорь не достает дна, — уж глыбь стала. Мы только успеваем повернуть носом на зыбь, чтобы не так заливало, а сами качаем и качаем воду без отдыху.

Через час ураган стал еще сильней, а у нас два человека выбыло из строя. Один был первый раз в море, — лег, обнял внизу мачту и не помогает нам ни в чем. А другой, — скорей всего от страху, — вроде сошел с ума, кричит не своим голосом, ругает нас, на чем свет стоит, бросает в нас, чем попало. Сколько он ни бесился, сколько ни перелезал на нас с прóвы на корму, а потом часа через два затих. Здоровый такой мужчина был, черный, Аникой звали.

Часа в три дня стали мы видеть берег. Немного обрадовались, но не ожидали, чтó с нами случится еще, — зыбь большая ходит к берегу, а берег имеет перекаты — один, другой, третий. Подняло нас на зыбь и понесло. Ну, если бы мы были все четверо годных, мы могли бы скорей грести к берегу, чтобы не взяла нас другая зыбь, но мы уже были двое вымученные и сил не было у нас управлять. Нас нагнала и вторая зыбь и на втором перекате и тогда уже нас накрыло водой, налило полный баркас, но не опрокинуло. И все наше поплыло, и мы уже только кто за что держались. Третьей зыбью нас понесло до берега, зыбь была сильная, и она шла далеко на берег; если бы баркас был порожний, то и нас бы далеко на берег вынесло, а то он был полный воды, сидел грузно, и он достал дна, остановился, а вода пошла дальше.

В это время Аника выскочил; вода пошла как раз обратно и потянула наш баркас и его тоже в море. И когда вторая зыбь нас вынесла на берег, мы видим, что и его вынесло; только это было уже от нас саженей за десять. И он поднялся, но держаться уже не мог, — вода его опять взяла. И так раза три, а потом уже мы не видели его больше.

Прибило нас за двадцать две версты от нашего промысла. Люди там были далеко, и никто не обратил на нас внимания. Увидала нас одна женщина, — спасибо ей, — и пошла к рыбакам, сказала, что там какие-то люди, надо спасать. Двое взяли кошку и конец и побежали по-над берегом.

Все это время нас таскало до берега и обратно. Вылезать мы уж боялись. Я спасенья не ожидал ниоткуда, а только смотрел на зыбь

и на берег. Когда мы их увидели, стало на душе немного радостнее. Один из них остался на берегу, а другой завязался концом с кошкой и пошел дальше, где уже вода может до него доходить. И когда нас прибило, дна достает баркас, то он бросил кошку и зацепил баркас, а тот держит его. Вода ушла, а баркас на сухом остался. Они тогда бросились к нам скорей, пока вода не пришла, а мы уже сомлели и не можем ходить. И они оттянули баркас на берег, а когда вода пришла, мы были уже на берегу.

Отнесло нас в восемь утра, а спасли нас только в четыре часа вечера.

На промысле у астраханского купца Косова работало не меньше семисот — восьмисот человек. И там свои у него были кабаки, всевозможная торговля; так что рыбак никогда ничего не получал денег на руки,— там он пропивал, там он проедал, и всегда должен оставался. А если кто не пил и не брал разных сладостей, чего не нужно, — хотел, что-нибудь для семьи заработать, — ему заплатят, но сейчас же рассчитают: «Такой рыбак нам не нужен».

Дома, когда кончался лов в Ени-Кале, ехали тогда на Среднюю Косу на зиму; хозяин тоже давал харчи за свой счет, — почем он там кладёт — это уж его дело... Одна его книжка знает только. Но бывало и так: подберутся местные ребята и перед самым ловом, — вот-вот начнется и хозяин думает, что «вот будет рыба и все отчеркну», — рыбаки ему заявляют: «Крести книжку, а то уйдем!» Это чтобы простил долг. И вот он крутится-крутится, ну делать нечего. И деньги жалко потерять и лов начинается — и «крестит книжку», перечеркивает. И начинается долг снова.

С девятого мая, с Николы, уже нельзя было ловить рыбу, — запреты были. Ну, тогда здесь заграничные пароходы ходили, была перегрузка, и в это время все рыбаки там работали; эта работа была не каждый день, а может быть, в неделю раз. Туго было! Когда приходила зима, мы тоже нуждались, зимовать было трудно. Приходилось идти к хозяину просить денег вперед под весеннюю путину. Идешь к нему, стоишь у ворот в очереди, и тут уж сколько его милость будет, — дает десять, пятнадцать рублей. И то по его выбору. Понравишься ему: «Ну, тебе дам». А другому: «Тебе нет ничего. Пошел вон!» Тот начинает: «Елизар Александрович! Дайте! Дети там...» А весна приходит, и опять мы в долгу, как в шелку.

И с ватагами, кто на хозяйской снасти рыбачил, тоже расчет был такой. Уже с назначенной цены хозяин и то просит скидку, — говорит, что рыба битая или еще что. А то скажет: «Хотите деньги получить? Так скиньте. А нет — ждите». Нету денег, значит. Атаман ватаги, бывает, в хозяйскую пользу тоже скажет: «Да что, скиньте, ребята!» И еще скинули. И рыбачили, выходит, «за шапку сухарей».

На все пускались хозяева, чтобы обсчитать рыбаков. У нас хозяин тут был Захлевский. Дом у него был большой, богатый. Позовет к себе рыбаков десять — пятнадцать в комнаты. Рыбакам, конечно, дико. Цветы там... Сажает за стол, там выпивка, закуска. Вот начинает он расчет, отдает рыбакам деньги. А у него две дочери были гимназистки. Ставит на стол он кружку, говорит рыбаку: «Ну что ж, Иван, Наде ничего не бросишь?» Ну, человек выпивший, хозяин добрый, — бросает в кружку Наде. «А Марусе ничего не бросишь?» Бросает и Марусе. И так со всеми было.

По приходу советской власти все это кончилось, — мы, рыбаки, образовали товарищества и этих купцов не стало.

пос. Ени-Кале. Мустафин А. В.

8

[РАСЧЕТ]

Дал хозяин рыбаку дождевик, сапоги и рукавицы в счет платы. А когда приехал тот на расчет после рыбальства, спрашивает: «Сапоги ты брал?» — «Брал». Записывает двенадцать рублей. «А чоботы брал?» (а это то же самое) — «Брал». Опять записывает. «Дождевик брал?» — «Брал». — «А парусинник брал?» (дождевик из брезента). — «Брал». Опять записывает два раза одно и то же. «Рукавицы брал?» — «Брал». «А на́кожни брал?» (кожаные рукавицы) — «На́кожни не брал». — «Ну, положим, не брал». А косточку на счетах все-таки накидывает. Обманство было!

Коса Средняя. Крыжний Я. А.

9

[КОЛХОЗ В ЗАМОСТАХ]

Вернулся я с гражданской войны и жил у отца в Замостах. Снасти для рыболовства осталось совершенно мало. Трем человекам рыбалить нечем было. Имели плохих три лодки, пришли в негодность.

Рыбы было в лиманах, в море и в речке сравнительно с четырнадцатым годом, до войны, очень много, потому что некому было ее ловить во время войны. Батька нас созвал и сказал: «Снасти нету. Ловить нечем. Давайте резать камыш-чакан и плесть коты». А нам не схотелось этим делом заниматься.

В двадцать втором году, рыбалили на косе Вербинской, пришел рыбак Лютенко, стал проводить собрание, говорить: «Организовывается в Темрюке Главрыба и будет очень много снасти давать на отлов, — выловленную рыбу сдавать Главрыбе». Рыбаки засуетились: «Как бы скорей получить снасть?» Дед Соловей: «Наше богатство в снасти. Когда снасть будет, и хлеб и все будет. Вот, давайте выдвинем парня, который за нас побеспокоится, создадим коллектив и пошлем парня в Главрыбу, и тогда дело свое подправим!» И на этом собрании уполномочили меня и сына Соловьева Алексея пойти в Главрыбу и потолковать относительно снастей. А некоторые не верили в это дело. Бондаренко говорил: «Какие теперь снасти? Когда все фабрики и заводы разрушены!»

В тот вечер все мы перессорились и разошлись по своим заводам, ни к чему не договорились. Лежа на койке, с бока на бок переворачиваясь, мечтал я о том, как бы добиться скорей снасти. И утром выехал с моря, продали рыбу, позавтракали. Приходит и дед Соловей: «Ну, мы так вчера говорили и не договорились. Надо все-таки будет пойти. Иди с нашим Алексеем. Может быть, снастишек подобьем, а ры́бишка в море есть. Там вчера этот Бондарёнок покричал, и ничего не получилось».— «А верно, Максим Федорович, давайте все-таки пойдем в контору». — «Да, пускай идут. Дети растут, а работать нечем». Подходит Алексей

Соловей: «Ну, пойдемте в контору!» И мы вдвоем, погрузившись на маленькую байду, поехали в город. Дед кричит: «Погоди, возьмешь рыбы на казан, лучше будет! А то вам там есть нечего будет». Взяли мы по два судака и поехали в город.

Пришли в контору Главрыбы, узнали, как будут снасть давать. «За десять пудов рыбы судака получаешь на пять сетей. И только нужно через коллектив выбрать одного старшего, уполномоченного коллектива». Мы с радостью решили сделать сами тут же. Переписали восемь человек и взяли на 300 пудов рыбы снастей. Но снасть, сказали, привезут с Керчи.

И поехали на косу Вербенскую, а там уже снасть Главрыба разгружает с катера, — сети судачьи, дели толстые для неводов, — и глазам не верится. Дед Соловей тоже здесь уже: «Ну, что, брехали? Наверное, где-то лежала, война ж была!» И рыбаки начали заключать обязательства на получку снастей.

Ну, прасолам это дело не нравилось: «Чего вы идете в кабалу? Закладывать свою шею?» — «А у тебя-то не закладывать свою шею? Ты что даешь?» — «Я деньги даю». Дед Соловей расходился: «Вы только обманываете! Возьмешь без денег и держишь месяца два. А снастей нет. А здесь вот снасть и муку будут, говорят, давать. А нам что? Была бы мука и снасть, а рыбу поймаем. И будем жить без тебя».

И стал коллектив расти. И получили орудия лова, начали рыбу перерабатывать. А дед только посмехивается: «Вот снасть!» Сделали судачьи сетки, выбили в море. Подул сильный восточный ветер с морозом и не пустил восемь дней в море на переборку. Из ста сетей осталось только пятьдесят, а то унесла погода, шторм, но в этих сетках было очень много рыбы, вывезли пудов триста и сдали рыбу в Главрыбу.

Прасолы ругаются: «Что, мол, без денег, за снасть!». А мы как раз пошли к управляющему, он дал двенадцать пудов муки, по пуду на брата, и обещал на зиму дать волокушку. И так стали ловить.

В двадцать пятом году организовался Рыбкооп. Рыбкооп объединил девяносто процентов рыбаков нашего района. Стали помогать бедным снастями. Я имел уже десять сетей и свою собственную байду.

В двадцать восьмом году мы организовали бытовой коллектив. И что получилось? Рыбу ловим вместе, а снасть каждый свою. И каждый за свою сетку, каждый тянет за свою байду, и на работе отражалось очень плохо.

Молодежь настаивала: «Лучше было бы все объединить. Тогда б можно было не такие сетки сделать, общественную постройку поставить!» Старики возражали: «Да, как же! Я наживал, а теперь пойду отнесу всё вместе!» — «Ничего, дедушка, — говорит Вишневецкий Андрей, — у тебя сегодня снастей больше, а завтра море заберет, будем одинаковы».

И тут как раз началась коллективизация рыбаков. Решили и у нас провести собрания по участкам лова. Я был на Пролетарской слободке. Был избран председателем собрания. И вот, когда секретарь ячейки сделал доклад об объединении снастей в колхоз, то рыбаки не стали и разговаривать. Дед Соловей выступает: «Вот видите! Так нужно было сделать и давно». И решили на собрании выбрать три комиссии для обобществления рыбацких снастей.

И на первый раз было очень трудно. Наш колхоз имел членов 1200 человек. И был объявлен: «Гигант»-колхоз. И на 1200 человек — одна кружка. Где кто поймает — и всё вместе. Рыбаки стали говорить: «Чего мы будем ловить, когда наши за горой поймают? Везде наши. И за сопкою тоже наши!» Рыбаки требовали, чтобы расплата, расчет был по бригадам. А им объявили, что расчет будет в конце отчетного года по всему колхозу. Нам говорят: «Надо, товарищи, на сознательность». А дед Соловей отвечает: «Да какая сознательность на тысячу человек! Кабы на бригаду расчет. Мы бы заработали, поделили. Пятак я заработал, пятак должен получить. И за снастью плохой присмотр. Гноится, дурно!»

Пришел я с города, принес газету. В газете было написано: «Головокружение от успехов». Пишет товарищ Сталин. Прочитал рыбакам. И через пять дней мы уже получали побригадный расчет. В том же году колхоз разукрупнился, стал работать по артелям, человек по двести, и наша артель взяла себе имя «Труженик моря».

Стали получать с вылова все продукты. Кто хорошо работал — получал по пятьдесят, даже по сто двадцать пудов муки, по два мешка сахару, крупы, а кто лодырничал — ничего не получал. Колхоз постепенно укреплялся; укреплялась дисциплина, колхозное хозяйство моторизировалось. Начали проводить глубевой лов.

Наш колхоз имени Микояна в четвертом квартале тридцать четвертого года был выделен из «Труженика моря». Рыбаков было полтораста человек. Первый квартал тридцать пятого года план выполнен на тысячу семьдесят процентов — хорошо ловили и рыба пошла. План второго квартала выполнили на триста процентов. Рыбак за первое полугодие заработал в среднем по пять тысяч рублей.

Была втянута в ловлю рыбы женщина. В истории темрюкских рыбаков женщина не занималась рыбной ловлей. И когда была сформирована первая женская бригада (с нею было му́ки, когда я ее делал, ой-ой-ой!), кулаки ругались: «Куда баб прете? Разве баба может рыбалить?» Когда выезжала женская бригада, они кричали, издевались над ней. Правление дало для женщин лучшие тони; женщина заработала в среднем четыре тысячи рублей за два квартала. Стало работать в колхозе уже пятьдесят человек женщин. Работают неплохо, работу усвоили. План жарковской путины третьего квартала выполнили, из одной бригады уже сделали две бригады. Смотрят, — у женщин чистенько. «Ну, и у нас так!» Строим четыре культурных рыбацких стана.

Колхоз за перевыполнение плана имеет своих собственных средств на текущем счету полмиллиона рублей.

пос. Замосты. Михлик А. М.

10

[ЖЕНСКАЯ БРИГАДА]

Семья у нас восемь душ со мной вместе была. Отец у меня неродной. Жили мы с ним очень, очень плохо. Я пошла рыбачить. В тридцать третьем году только налаживалось, а в тридцать пятом совсем хорошо стало. До тридцать третьего года я в тресте работала год, корзины носила, бычок солила. Потом заинтересовало меня пойти в бригаду, и я пошла. Когда я пошла в бригаду, и женщины и мужчины говорили: «Это не

женское дело, что вы пошли сюда, — все равно вы разбежитесь из этой бригады». Мне далеко ходить было, два километра, мне было трудно, но я держалась — ходила. И работала.

Нам дали очень хорошего бригадира. Он до нас идти не хотел сначала. «Что я с ними буду делать? Что я заработаю? Женщины!» Но пришел, и он с нами заработал хорошо. Мы всё выполняли, что он нам говорил: «Поедемте на море сегодня, девчата!» И мы едем. Мужчины говорят нам: «Куда вы срываетесь? Ведь ветер!» А он говорит: «Ну что, женщины, едем?» А мы ни с чем не считались: «Едем!» Мы во время выезжаем, и рыбу у нас не сбивает с крючьев. Когда мы поедем, привезем рыбы, тогда уж мужчины, их бригада собирается ехать. Мы выезжали на сутки. Сутки на море бывали. И вот мы едем за восемь, за десять километров. А мы как-то всегда с рыбой, потому что снасть у нас была свежая. На ней все-таки чешуя садится, а мы ее меняем, и на свежую снасть лучше рыба идет, чем на кислую. А эту моем, сушим, точим крючья. Нам была норма восемьсот крючьев на человека, а я вытачивала тысячу — тысячу двести. Не хотела отстать от мужчин. Мужчины вытачивают, и я тоже хотела.

Теперь уж не говорят, что это не женское дело. Уже все уверились, потому что мы лучше поймали, чем мужская бригада. В тридцать пятом году у нас стало очень хорошо. Я заработала в том году 5910 рублей. У нас есть завод на двенадцать человек. Теперь у нас бригада двадцать человек. Я когда ехала на слет рыбаков-стахановцев, то еще шесть новых мобилизовалось. Раньше одни девушки шли, а теперь и семейные. Теперь уже завлекаются.

д. Китень. Ващенко Н. А.

ПЕСНИ

4 Зак. 95.

ПЕСНИ

Песни занимают в быту промыслового населения особое место. Своим ритмом они часто помогают работе (при гребле веслами, при тяге невода). В дореволюционное время, когда бытовой уклад был в значительной степени регламентирован древними традициями, многие песни сопровождали определенные обряды и игры. Так, существовали свадебные песни, святочные и другие. На посиделках, вечеринах, гуляньях молодежи исполнялись сложные игровые и хороводные песни, в которых принимали участие все собравшиеся.

Все эти группы песен, связанные с ушедшим в прошлое бытом, никак нельзя считать живым, тем более одним из ведущих разделов песенного жанра.

Свадебные песни, даже в тех случаях, когда они еще поются на свадьбах, обычно не прикрепляются к определенным моментам обряда, как это было прежде. Другой характер приняли и развлечения молодежи. В то же время эти высокохудожественные песни представляют большой исторический и эстетический интерес.

В несколько другом положении находились всегда старинные лирические песни. Нельзя отгораживать их какими-то перегородками от песен предыдущих групп, так как и в поэтических средствах, а нередко и в тематике их много общего. Однако назначение их было другое. Они давали выход определенным общественным настроениям, отличались большой эмоциональностью. Среди них выделяются песни мужчин — промышленников и песни девичьи и замужних женщин. В песнях промышленников большое место занимают темы, связанные с промысловой жизнью, в особенности с мореплаванием. В них слышится отклик социального протеста против эксплоатации промышленников «хозяевами», против тяжести службы и угнетенного положения матросов в царском флоте, куда издавна брали поморов и южных рыбаков. В старинных песнях моряков-промышленников поется о суровом труде на промыслах, о молодости, прошедшей «во тяжелых во работушках» (№ 3), о том, что

Я не видел, мóлодец, светлого праздничка,
Я не нашивал, мóлодец, цвéтного платьица.

У наемных рабочих — «казаков» (в северном значении этого слова), — рассказывается в песнях, — заработка хватало лишь на то, чтобы купить жене суму, с которой она будет ходить «по подо́конью» собирать «куски ломаные да ломти резаные» (№ 20).

Большой интерес представляет чрезвычайно распространенная в прежнее время среди старшего поколения северных моряков песня «Сядем-ка, ребятушки, во единый круг» (№ 4), которая в форме эпического повествования дает сатирическое описание страха и неприспособленности к морскому делу какого-то злополучного «полковничка», предмета насмешек и осуждения матросов. «Да не видал ли ты, наш полковничек, страсти-ужасти, страсти-ужасти, погодушки синеморской», — поется в ней. При первой же буре он «исполо́шился» — испугался до беспамятства и был смыт волной за борт. Матросы, спрыгнув «в лёгоньки шлюпочки», вытаскивают его из воды «за русы кудри», и он отлеживается «трое суточки», а в одном варианте дело кончается даже смертью полковника. Чувствуется, что в основе этой песни лежит воспоминание о каком-то действительном историческом факте. Возможно, что специальное исследование помогло бы восстановить этот факт. Последние слова этой старинной песни связаны с настроениями рекрутских песен и служат подтверждением того, что она была сложена именно в матросской среде:

«Есть ли на бело́м свете таковой корабль, —
На синём море не шатается ведь?
Есть ли, есть на белом свете таковая мать,
Отдала сына в солдатушки, не проплакала?»

В девичьих песнях (№№ 12—18), в песнях о семье и браке (№№ 19—24), а также в свадебных песнях доминировали свои темы: протест против невозможности для девушки распорядиться своей судьбой при выборе «суженого», жалобы на подневольное положение в семье мужа, а также упреки родным в случаях, когда брак был заключен с неровней — стариком, немилым, который добился этого своим богатством, прельстившим родителей.

Лейт-мотивом старинных колыбельных песен служит пожелание ребенку счастья и избавления от нужды. В промысловых селениях, наряду с обычными колыбельными песнями с характерными для них персонажами и пожеланиями, в качестве колыбельных используются иногда песни других жанров, снабженные припевом «баю-бай», как и в других местностях.

Социальный протест пронизывает также и песни промыслового населения уже более позднего происхождения, рифмованные, испытавшие сильное влияние литературы. Эти песни о местных промыслах и о жизни во флоте сближаются с песнями революционной эпохи 1905 года.

Революционные песни стали любимыми массовыми песнями в период гражданской войны. С переходом к мирному социалистическому строительству советские песни промыслового населения приобрели бодрый, жизнеутверждающий характер, они воспевают радость социалистического труда и отражают черты преображенной советской действительности.

Всего в экспедициях было собрано 644 песни. Из них 53 находились в рукописных сборниках из Кемского Поморья и села Кушреки, а не-

которая часть современных песен — в рукописных тетрадях, имевшихся в большом количестве у молодежи.

Песни, находящиеся в экспедиционном архиве, не равноценны по их идейной и эстетической значимости.

Наряду с подлинно художественными произведениями песенного народного творчества, обладающими здоровой идейной направленностью, среди экспедиционных записей встречаются различные «романсы», вошедшие в песенный обиход промыслового населения предреволюционного времени под разлагающим влиянием капитализма и к периоду записи еще не вполне вытесненные советской песней. В архиве имеются также песни, в основе которых лежат стихи поэтов, так или иначе связанные с маринистической тематикой: «Тростник» и «Русалка» Лермонтова, «Нелюдимо наше море» Языкова, «Хуторок» Кольцова, «В лесу над рекой жила фея» М. Горького и т. д. Варианты эти не содержат существенных изменений подлинных текстов.

В настоящем издании помещены, в основном, старинные традиционные песни, игравшие большую роль в культурной жизни промысловых селений и органически связанные своим содержанием и формой с другими жанрами традиционного устного творчества. Особое место занимают революционные песни, сложенные в эпоху 1905 года и позднее.

Среди песен советского времени многие относятся к периоду гражданской войны. Наряду с песнями, отражающими период социалистической реконструкции промыслового хозяйства Севера (№№ 56—58), даны песни и об освоении Арктики (№№ 59—63), так как в походах советских ледоколов принимали участие жители многих промысловых сел Беломорья — Золотицы, Койды и других.

На Юге, в Балаклаве, были записаны песни от краснофлотцев Военно-морского водолазного техникума; многие из этих песен были известны в списках и устно среди рыбацкой молодежи (№№ 66 и 67).

Бытование той или иной песни в различных удаленных друг от друга районах рыболовства (вследствие подвижности рыбацкого населения и влияния книг и пр.) и популярность ее у населения одной местности представляют несомненный интерес для науки. В настоящем издании везде в примечаниях к песням указано, где и от кого записаны варианты их, имеющиеся в экспедиционном архиве.

В песенном репертуаре промыслового населения и на Севере и на Юге большое место занимают песни советских композиторов, в особенности из кинофильмов, широкой струей влившиеся непосредственно через звуковое кино и через радио. Эти песни поются обычно без особых изменений, и потому тексты их не приведены. В годы записи большой популярностью пользовались песни из фильмов «Семеро смелых» (о советских зимовщиках), «Дети капитана Гранта», «Путь корабля» (о водолазах) и другие. Довольно распространены были переделки на «морской» лад популярных песен, например «Сердце» из фильма «Веселые ребята» с припевом «О, море, как ты прекрасно» и другие, но в художественном отношении они были очень слабы.

Следует сказать несколько слов о значении для экспедиционной работы рукописных сборников и тетрадей. Сборник из Кемского Поморья, который был составлен, судя по ряду данных, лет сорок—пятьдесят назад, содержит образцы песен, уже не бытовавших ко времени моих экс-

педиций, но еще хранившихся иногда в памяти старшего поколения. Помимо непосредственной ценности этих текстов, знакомство с рукописными сборниками давало возможность наводить справки об этих песнях у населения, записывать их вновь, иногда более точно. Кроме того, песни из рукописного сборника, принадлежащего Ф. М. Михову, были записаны как «народное творчество Кемского Поморья». В результате же экспедиционной работы удалось установить их бытование в прошлом или настоящем и на Зимнем берегу Белого моря.

Материалы, взятые из рукописных тетрадей молодых моряков и девушек-учительниц из разных местностей, не всегда могли быть точно определены — являются ли они песнями или просто стихами. Можно все же предполагать, что большинство их пелось на подходящий мотив; поэтому в настоящем издании они даны в разделе песен. Использование стихотворений в качестве песен молодежью — обычное явление. Содержание рукописных тетрадей дает возможность проследить, что именно отбирается промысловым населением из литературных произведений, соответственно его интересам («морская» тематика), и затем переходит в песни.

Наибольший интерес в песенном отношении представляло село Койда. Здесь еще бытовали старинные, прекрасной сохранности песни, но в то же время ведущее место в песенном репертуаре молодежи занимали советские песни. Песельники и старшего и младшего поколения почти не знали песен типа «мещанского романса». Наиболее яркой песельницей была двадцатидвухлетняя Г. Н. Малыгина, прекрасно исполнявшая и старинные традиционные песни и новые, советские.

Своеобразный характер носило песенное творчество в двух посещенных мною на Севере портовых центрах — у моряков Архангельска и Мурманска.

Кроме уроженцев Архангельска и различных мест Архангельской области, население которых издавна было потомственными моряками-профессионалами, работавшими на торговых морских судах, там можно было встретить много моряков с Юга, главным образом с Черного моря, из Одессы. Поэтому песни тралового рыболовного флота, записанные в то время, отличаются пестротой.

В песнях керченских рыбаков больше внимания уделяется изображению самого рыбацкого промысла, а не мореплавания вообще, как это имеет место в песнях Севера. Песни крымских и таманских рыбаков, кроме того, отличаются часто юмористическим колоритом, живостью, что мало свойственно песням архангельских промышленников, сдержанных и серьезных и в повседневном быту.

В настоящем собрании сначала идут традиционные старинные песни Севера и синхронистические, по периоду живого бытования в прошлом, песни Азово-Черноморья, имеющие значительные включения украинской речи. Они связаны с песенной культурой Украины и другими чертами.

Эти песни подобраны по условиям их исполнения и бытовому назначению: песни эпического склада (№№ 1—11), песни лирические (№№ 12—24), игровые, свадебные, колыбельные (№№ 25—39).

Затем идут северные и южные песни, по типу приближающиеся к литературным произведениям, разделяющиеся на строфы, с рифмой

обычного типа. Они сгруппированы по основному тематическому признаку, так как большинство их бытовало в различных районах рыболовства. Это относится даже и к тем из них, которые были сложены на месте, на какой-нибудь конкретный случай промысловой жизни. Например, песня каспийских рыбаков об аварии на косе Чечень была известна и на Дальнем Востоке через переселенцев с Каспия.

Раздел заканчивается песнями, сложенными в советское время, начиная с периода гражданской войны.

Старинные северные песни своей тематикой и поэтическими приемами органически связаны с другими жанрами, бытовавшими в промысловой среде. Они снабжены зачинами, троекратными повторениями, постоянными эпитетами, устойчивыми сравнениями. Тема увоза на корабле женщины, например, распространенная в песнях, известна и в былинном и сказочном жанрах, но в более развернутой форме.

Эпизод похищения невесты, обычный для свадебных песен, наряду с описанием приезда жениха, ворвавшегося с поезжанами на двор невесты на «ко́монях» — конях, в приморских районах дан по-иному: жених появляется на судне с поезжанами-гребцами (№ 30).

Своеобразна песня об увозе девушки на судне. Хотя эта песня совершенно оторвалась от свадебного обряда, но многое в ней наводит на мысль о том, что в прошлом она пелась как свадебная. Так, девушка, взошедшая на корабль, чтобы купить золота, жемчуга и разноцветных шелков для вышивания, и увезенная корабельщиками, причитает (№ 7):

«Красно золото — да ро́дной батюшка,
Чисто се́ребро — да ро́дна матушка,
Скатны жемчуги — да ро́дны бра́телки,
Да все разны шелки — да родимы сестры».

Прощание с оставленными родными, тоска по своему «роду-племени» характерны для свадебных песен.

В сходной по содержанию песне «Зацвило́ся все сине море разными цветами» (№ 8), записанной у керченских рыбаков, связь со свадебными песнями выступает еще яснее. Девушка просит матросов отпустить ее

«Хоть до броду, хоть не до броду,
Хоть до моего роду!»

Они же отвечают:

«Теперь тебе, красна девка,
С родом не видаться;
Было б тебе, красна девка,
С родом распрощаться».

Характерно, что популярная в конце XIX — начале XX века баллада «На берегу сидит девица, она шелками шьет платок», является переложением того же древнего сюжета об увозе на корабле девушки-вышивальщицы (с. Койда. Коптяков М. Д.).

В северных песнях часто поется о море. В святочной песне «Виноградье» (№ 25) море показано как составная часть русского пейзажа:

Да на первом углу шила светлый месяц со луна́ми, со часты́ми со звездами,
А на другом углу шила красно солнце с марева́ми,

На третьем-то углу шила круты горы со лесами, со рыскучими зверями.
На четвертом-то углу шила сине море со волнами, со черными кораблями.
На середке вышивала всю Россию со людями...

«Общее место» северных песен «Вы не дуйте-ка, ветры, с моря» — своеобразное изменение общерусского песенного зачина: «Не шуми, мати-зеленая дубравушка».

Ярко описана в песнях буря на море, застигающая суда (№ 4):

Тут ударила погодушка на синем море,
Всколыхнулося сине морюшко из конца в конец,
Из конца в конец, со края на край.
Как перва волна ударила да по черёв корабль,
А втора волна-то вдоль по палубе,
А третья-то волна ударила в тонки паруса...

Герой северной песни обычно моряк: «корабельщик» (капитан), «кормщик» (рулевой), «носовщик» (лоцман). В песнях упоминаются постоянно «молодые матросы» и «гребцы-молодцы».

В новгородской былине-балладе, близкой к эпическим песням, о сестре, попавшей в плен к своим братьям — морским разбойникам, название «морьян», «морьянка» означает жителей приморской страны (г. Новгород. Николина Т. А.; д. Завал. Максимова Т. И.).

Мореплавание определило и тематику лирических песен промыслового населения. В одной из этих песен (№ 1) повествуется о том, как

...по морю, да морю синему,
Синему да соленому,
Тамо ездили да гуляли добрые мо́лодцы,

вспоминая об оставленной родной стороне и «красных девушках» «с их веселыми вечеринами». В девичьих же песнях поется о разлуке с милым, уехавшим «на чужую сторону» «в синее море». Неожиданное возвращение с моря связано в песнях с тем, что «неспособные пали встречу ветры» (№ 13). Задержка же на чужой стороне происходит из-за того, что «замерзали-то бы́стры речки и губы» и нет обратного пути (№ 12). Тоска девушки в разлуке развернута в песне как образная картина: «от слез реченька быстра спротекала», по реке плывет карбас под белыми парусами, на котором уезжает милый девушки (№ 15).

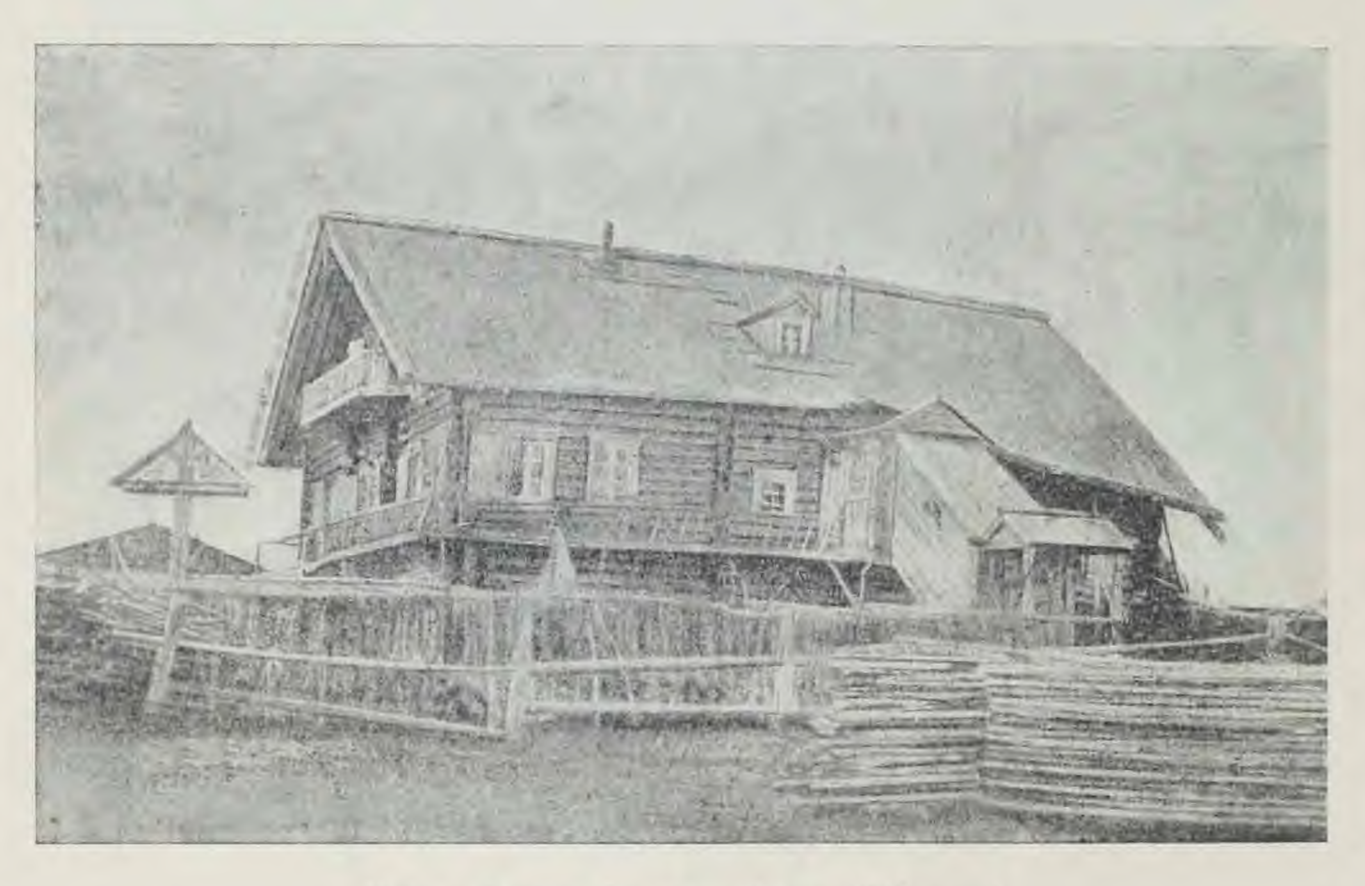
Для старинных песен характерна конкретность во всем, касающемся мореплавания; в них упоминаются различные северные суда: «черный» (смоленый) корабль «о двенадцати тонких парусов» (на Севере под «кораблем» подразумевается определенный тип судна); старинная поморская «лодья» — плоскодонное грузовое судно, крашеный — «раскрашенинненький карбасок», «насад» — судно с наставными бортами, упоминаемое еще в древнерусских летописях, «шлюпка» — в одной из песен со сказочно раззолоченной кормой. В песне об увозе девушки (№ 7) корабельщик приказывает при отчаливании от берега для скорости не поднимать якоря на борт, а перерубить якорные цепи:

«Вы рубите-ка цепи кованые,
Да отпускайте-ка якоря булатные,
Да поднимайте-кось тонкие па́руса,
Да то́нки белые да поло́тняные,
Да увеземте-ка мы да красну де́вицу»...

Старинные девичьи наряды (под Архангельском)

Хороводная игра в Поморье (конец XIX века)

Изба в Зимней Золотице (конец XIX века)

В песнях отразились и впечатления промысловой трудовой жизни. Особенно интересна песня промышленников, зимовавших на Шпицбергене (Груманте), о которых была сложена поговорка: «Не таковы спины у груманланов, чтобы бояться океана». Песня о таком зимовщике, «покрутившемся» на Грумант, в передаче М. С. Крюковой (№ 2) штрих за штрихом рисует его одинокую жизнь на острове, охоту, шитье одежды из шкур при свете «сальничка», игру «сполохов» и т. п.

Рыболовство дало один из устойчивых образов в песнях: вылавливание рыбки из воды — участь невесты, отрываемой от жизни в девичестве (№ 19):

Сине море сколубалося,
Удалы ловцы захарьевцы,
Они закинули шелковы невода,
Эту рыбицу споловили,
На песочек рыбку выкидали;
Стала рыбица сплясывати,
Красна девушка рассказывати:
«Каково же тебе, рыбка, без воды,
Таково же красной девке без воли»

Эта песня бытовала также и в другом районе рыболовства — у рыбацкого населения Прибайкалья [1].

Характерно, что в известных на Севере свадебных причетах невеста упрекает родителей в том, что они не дорожили ею даже как работницей, — разве она

Не берей была красным наливным ягодкам?
Не ловей была свежия рыбы трепущия?[2]

Песни северных промысловых сел и деревень сохранили черты далекого исторического прошлого русского населения, пришедшего некогда сюда и основавшегося здесь у «синего моря», на «быстрых реках» и в «темных лесах».

В песнях часто упоминается Новгород. Одна из песен начинается, например, словами: «Ехали бояра из Нова-города» (№ 38).

Имеются в песнях упоминания о древнерусском оружии — луке и стрелах, причем именно как промысловом, а не боевом (№ 30). Больше же всего в песнях воспоминаний о промысле «кунных» — ценных зверей: соболя, бобра, куницы, который в основном и привлекал сюда поселенцев. В святочной песне «Виноградье» (№ 25) молодец

Да он куницами-лисицами он обвешался,
Да он черным-то бобром опоясался...

Деревце, за которым прячется невеста от жениха, «расцвело» соболями и кунами (№ 33); ковер, на который она ступает, — из куньих лапок; одеяло на девичьей постели — «соболиное» (№ 18). В колыбельных песнях в ногах колыбели сами «кунки спят»; ребенка в них пугают тем, что вместе с волченком на него выскочат «заюшка из-за ельничку, горносталюшко из-за березничку» (с. Койда. Малыгина Е. Ф.). В игровой песне дается инсценировка ловли зайца силками — «тенетами» (д. Константиново. Михайлова К. П.).

---

[1] А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Старый фольклор Прибайкалья, т. I Улан-Удэ, 1939, стр. 272, № 127.

[2] С. В. Максимов. Год на Севере. 3-е доп. издание, СПб, 1871, стр. 367.

В свадебных песнях говорится о древнерусских деньгах: золотых и серебряных слитках в виде брусков — «гривнах». Жених хочет выкупить невесту «золотой гривной, гривной серебряной» (№ 33). В новгородской величальной песне (д. Радома. Емельянова В. Е.) поется:

Он с гривенки на гривенку ступал,
Рублями дорожки устилал,
Полтинами ворота открывал...

Девушка в песнях «белится, румянится, во цветнóе платье рядится», как и в быту, надевая праздничный наряд из парчи и шелка, она, по старинному обычаю, покрывала лицо белилами, румянами, «сурмила»— чернила брови. Старинный традиционный костюм молодца подробно описан в игровой песне (№ 28), где девушка, не узнав своего возлюбленного,

Пуховую шляпушку долой сшибла,
Желтые кудеречки сворошила,
Серебряны пуговки расстегала,
С молодца синь кафтан скидывáла,
Шелкову рубашечку всю сорвала,
Сафьянны сапоженьки в грязь замяла.

Вырисовываются также в старинных песнях типичные черты внешнего быта, жилищ, домашнего хозяйства северной деревни дореволюционного времени. Так, в песне о «козе» — молодце, пришедшем проведать девушку, описана бревенчатая высокая изба с высоко от земли прорубленными окнами верхнего этажа (б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова). В одной из песен подруги невесты советуют ей начинать плач за свадебными «столами дубовыми, за скатерками берчатыми», так как в доме мужа ей придется плакать «за столбами сосновыми да за заплóтами еловыми» (№ 34).

В песнях вырисовывается и старинная обстановка избы: массивные столы на точеных ножках, шкапы со стеклянными дверками, заставленные нарядной посудой, а также и самодельная деревянная утварь, по местному, «суда». В вечериночной песне о варке овсяного киселя (в которой подшучивали над «молодцами», пришедшими на вечеринку) перечислены все эти «кулёмы», «квашни полупудовые», «корытца» и т. п. (с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина). Отказ сватам, под предлогом ранней молодости невесты, звучит так (№ 38):

«Тесто в квашне у нас не повыкисло,
Краска дéвица-та не выросла».

Среди песен более позднего происхождения много таких, которые сложены на местные события в селе или на промысле. Основное в их идейной направленности — социальный протест, выражающийся в форме гнева, сарказма или жалобы.

Население помнило часто авторов этих песен — своих односельчан. В селе Койде А. В. Поповым была сложена песня (№ 40) о прошлом села — о зверобоях, закабаленных хозяевами-судовладельцами. В ней, в образах, достигающих эпической силы, показана жестокая эксплоатация зверобоев, по «сорок лет» работавших на «богачей»:

Из своёго-то хребта
Им настроили суда,
Кровью красили дома,
Из кожи шили паруса,

Им же были сочинены и другие песни, в том числе сохранившаяся лишь в отрывке песня о жизни батраков у местного богача Кренева. Песни Попова вошли в устное обращение. О его песне про зверобоев мне пришлось слышать от нескольких лиц в Койде.

В селе Кушреке И. Клочихиным, около шестидесяти лет назад, была сложена песня об учениках мореходного училища — «штурманах», принадлежавших к семьям богачей. В песне подчеркнуто социальное расслоение деревни. В ней говорится о возвращении заносчивых «штурманов» на родину из плавания в «Норвегу»; проходят одна за другой сатирические сценки из быта богатых «кухмано́в» — купцов: безобразные кутежи с драками, их показное «благочестие» и т. п. (с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина).

О местных событиях поется и в каспийских песнях. Одна из них была сообщена ловцом А. Я. Поляковым в с. Камызяк. В ней рассказывается о шторме, разбившем промысловое судно на косе Чечень:

Шли праздники, шли будни,
А мы всегда трудились, —
Несчастные мы люди,
Зачем на свет родились!

В другой каспийской песне (№ 42) речь идет об относе ловцов «в отзимок», во льды Каспия. Полузамерзшие ловцы мужественно ожидают гибели, от которой «сердце коробом ведет», спасение же приходит лишь случайно.

В песне «Доля матросская» (№ 46) поется о гибели моряка-бедняка, который окончил мореходное училище, «штурманом звался и классы окончил, но плавать матросом пошел». Здесь речь идет о том, что многие юноши из трудовых семей, окончившие это училище, долгие годы «лямку матроса» несли, выполняя одновременно фактически и работу судоводителей, так как обычно вакантные места на судах занимали сынки судовладельцев. Социальная направленность этой песни особенно ярко выявлена в словах:

Жмут вас, бедняжки, на суше,
На море крохи последние рвут;
Жмут капитаны, помощники всякие
Штрафы большие берут.

Северные варианты этой песни (известной и на Черном море и на Каспии) говорят о тяжести работы на судне зимой: «Тянешь канаты, льдом все обмерзшие, кровь по ладоням бежит». В Крыму — это песня о «вольной каторге, доле рыбацкой».

В известной песне «Кочегар» подробно повествуется о гибели кочегара от невыносимых условий работы и от бездушного отношения судового начальства. Эта песня была широко распространена среди моряков и промышленников всех районов русского рыболовства благодаря социальной остроте ее содержания. Она часто помещалась в песенниках старого времени, выходивших в лубочных изданиях. «Кочегар» вышел даже отдельной книжечкой в серии песенников В. И. Семакова. В устном бытовании песня подвергалась различным изменениям и сокращениям, приобретала местные черты. В одном из северных вариантов (№ 48) механик говорит о кочегаре:

«Эх, если бы знал я, что он в рейсе умрет,
В Архангельске взял бы другого».

В промысловой среде бытовали многочисленные флотские песни. Некоторые из них относятся к русско-японской войне, в том числе известная песня «Варяг» (№ 49), другие — к первой мировой войне, когда была сложена песня о потоплении крейсера «Паллада» подводными лодками (Онуфриевский выселок. Коптяков С. А.).

Во время гражданской войны большим распространением пользовались матросские революционные песни эпохи 1905 года.

Некоторые песни были сложены в стиле старых героических флотских песен о гибели судов в бою. Такова известная песня «Три эсминца» и др.

Ряд песен эпохи гражданской войны представляет собою переделки старых популярных песен, в том числе о Степане Разине — «Из-за острова на стрежень». Песня, записанная мною в Архангельске, в отрывках, от участника боев на Петроградском фронте И. Шагина, начинается стихами:

Из-за острова Кронштадта
На простор речной волны
Выплывают боевые
Коммунаров корабли.

Дальше в песне идет речь о разгроме интервентов под Петроградом. На Юге сохранилась в отрывках переделка той же песни; в ней поется о кочегаре, взорвавшем свой пароход, на котором плыли белогвардейские офицеры и бахвалились близкой расправой с рабочими (г. Балаклава. Богус В. Н.).

Было сложено и много новых песен, но, к сожалению, в большинстве они не были своевременно записаны, забылись и исчезли безвозвратно. Участник гражданской войны на Севере Н. Н. Марков из Великого Устюга, капитан речного флота, вспоминал, что существовали песни о речных боях на Северной Двине, о пароходах «Дедушка», «Могучий», «Мурман», «Советский». В последней песне, по его сообщению, говорилось о том, как было разбито выстрелом колесо парохода, но кочегары и команда продолжали держать пар и не вышли из боя.

В песне о гражданской войне, сложенной в селе Ровдине, Архангельской области (№ 55), перечисляются места боев в б. Шенкурском уезде: Ровдино, Высокая Гора, Кицы, Усть-Вага, Березник и т. д.

Тогда же получили широкое распространение песни советских поэтов о современных событиях.

Песни-воспоминания о 1905 годе и о гражданской войне, сложенные позднее, ведут обычно повествование в прошедшем времени и часто начинаются словами: «Не забыть мне» (№ 53), «Мы вспомним» (№ 51) и т. д.

С началом социалистической реконструкции народного хозяйства нашей страны основным содержанием песен стало прославление величия Родины и трудовых побед советского народа. Среди песен промыслового населения многие посвящены колхозному и индустриальному рыбному промыслу.

На колхозных промыслах ловцы, вооруженные передовой техникой, стали чувствовать себя победителями моря, которому «трудно спорить с коллективом», с которым «теперь мотор поспорит». Уверенность в

победе не покидает их, даже когда море грозит штормом моторному боту (№ 58) или заковывает в ледяную броню рыболовный тральщик (№ 57).

Промысловые песни откликаются на большие общественные движения, организующие социалистический труд рыбаков: коллективизацию промысловых хозяйств, ударничество, плановость выполнения путины; вырисовываются в них и черты нового рыбацкого быта на берегу. Для рыбаков, справляющих «временный привал» из-за шторма, «открыты настежь клуба двери» (№ 56).

Северные песни о завоевании Арктики, прославляющие торжество науки и мужество советских людей, отразили наиболее яркие события того времени, когда производилась запись: спасательная экспедиция на ледоколе «Красин» по розыску экипажа дирижабля «Италия» (№ 60), первый поход ледокольного парохода «Седов» к Земле Франца-Иосифа (№ 59), челюскинская эпопея (№ 63).

Обычный образ советской песни об Арктике — алый флаг на «ледяной равнине». Поход корабля дается как символ неудержимого стремления вперед Советской страны.

Участники полярных походов всегда чувствуют себя под надежной охраной Родины, которая «крепчая, над миром встает». Работники полярных станций, как и моряки арктических судов, сознают необходимость своего самоотверженного труда для процветания родной страны, — они стремятся стереть «белые пятна» на карте, изучить ветры и «движенье опасное льдов» (№ 61).

Внедрение новой промысловой техники и огромные культурные сдвиги определили иные образы и иную лексику в песнях советских промышленников и моряков. В них упоминаются «моторы», «сирены», «радио» (в смысле — радиосвязь), «самолеты», «аэропланы», летающие над морем, «траловый флот». Сияющий на солнце стальной самолет стал одним из ведущих образов советской морской песни.

Наряду с глубокой эмоциональностью, советским песням свойственна торжественность, которой в особенности соответствует форма гимна. Не случайно известный гимн авиации был дважды переделан: моряками дальнего плавания на Черном море (№ 65) и водолазами-краснофлотцами (№ 66).

Уверенной силой дышат воинские песни моряков об Архангельске — «приморском городе», покой которого берегут стальные суда Северного флота (№ 68); о Черноморском флоте, готовом сняться «с якорьев» в любую минуту (№ 69). Песни эти, записанные незадолго до Великой Отечественной войны, служат как бы прологом к героическим краснофлотским песням военных лет.

СТАРИННЫЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

Ох, как было по морю, да морю синему,
Синему да соленому,
Тамо ездили да гуляли добрые мо́лодцы,
Вспоминали свою родную сторонушку
С красными девушками
С их веселыми вечеринами:
«Сторона ли ты наша, да сторонушка,
Сторона ли ты наша да родная-родима,
Больше век-то на тебе, моя сторонушка,
Будет не бывать, не бывати,
Ох, как нам черной-то грязи, да грязи
С муравой-травой будет не топтати.
Вы не дуйте-ка, ветры, с моря,
Не мешайте вы мне, доброму мо́лодцу, думушку думать!»

с. Кушрека. Кучин С. Г.

2

Ай ты, зло́йка, зло́йка, зла поминка,
Зло́йка, чужа-та дальня сторонка!
Кто на Гру́манте, братцы, не бывали,
Те-то горюшка-печали не видали,
Они в морюшке-то, в море на лединочках не плыва́ли,
Окиянской погодушки в море не видали,
Как ведь белых-то ведь медведей они не промышляли,
Холодной-то зимы они не зимовали,
Страсти-ужасти, погоды не видали.
Я-то, добрый мо́лодец, помор же,
Я на Грумант-от ходил не год, не два же
И не три годочка —
Я ходил-плавал двенадцать-то годочков,
Зимовал-то двенадцать зим-то на пустом местечке,
На пустом-то местечке жил в пустой избушке.
Хорошо-то было мне, весело провожати,
Когда сало-то есть у меня зажгати,
Вот во сальничек его засветити;
Тогда по́здны-ти, по́здны-ти вечерочки
Я из оленьих-то шкур я шил да одежду.
По темным-то по улкам-то смотрел я,
Ходил смотрел я на улицу,
Я по спо́лохи, когда спо́лохи в избушке играют,
А и часы по ним-то будто знал же,
Знал же время, проверял же.

В свою книжку памятну да писал же,
Писал про мое-то про всё же вот хожденье,
Как про грумантское-то все проживанье.
В двенадцать лет-то кабы мне писати,
Была у меня бумага, вот бумага,
Были у меня бы да чернила,
Было перышко лебедино, —
Написал-то книг-то очень, очень много,
Тут ведь было чего-то почитати,
Всем народу-то, людям добрым было что же рассказати,
Да что было им да пропевати.
Да ты прощай-ка, прощай, родна́ сторонка,
На тебе-то боле, стороночка, будет не бывати,
Черной осенной-то грязи будет больше не топтати,
Отца с матушкой в очи не видати,
С братьями, с сестрами будет тут разлука тяжелая.
Про род-племя будет не слыхати.
У меня-то, у молодца, су́дьба несчастлива, —
Моя-то зазнобушка, девушка красотка,
Померла-то она у меня же;
С того горюшка, с той досады
Я на Грумант, молодец, покручуся да снаряжуся,
На кораблик уйду, боле назад не явлюся.

(Слышала от Акинфия Ивановича Стрелкова; сом не ходил на Грумант. У нас ходили старики, только они уже померли. И с ними парень был и не вернулся.)

д. Нижняя Золотица, Крюкова М. С.

3

Молодость моя молодецкая,
Молодецкая молодость безотеческа,
Ты зачем скоро прошла так, скоро прокатилася?
Ты ни в чем, моя молодость, миновалася,
Не в гульбах прошла у меня, молодость, не в прохладах,—
Во путях прошла, молодость, во дорожках,
Во тяжелых прошла, молодость, во работушках;
Я не видел, мо́лодец, светлого праздничка,
Я не нашивал, молодец, цве́тного платьица.
А вы, соседушки мои порядовные,
А вы, подружки мои поближённые,
Посоветуйте, мне холосту ходить иль женатому,
А мне вдову взять иль красну девушку?
А мне женитьба палась неудачная, —
Молода жена палась не по разуму
И ма́лы детушки пались несчастливые,
А несчастливые пались, молчажливые.

с. Койда. Коптяков М. Д.
Вар.: там же. Сахарова Е. И. В этом варианте поется, что молодость прошла:

Не в пирах-то у меня, не в собраньицах,
Не в барышах-то у меня, не в убытках.

4

Сядем-ка, ребятушки, во единый круг,
Во единый круг, на зеленый луг,
Мы подумаем-ка, ребятушки, думу крепкую,
Запоем-ка, ребятушки, песню новую,
Мы которую, братцы, пели на синем море
На батюшке «Соколе», на черном ка́рабле,
Утешали мы полковничка молоденького:
«Не бывал ли ты, наш полковничек, да на синём море,
Да не видал ли ты, наш полковничек, страсти-ужасти.
Страсти-ужасти, погодушки синеморской».
Тут ударила погодушка на синем море,
Всколыхнулося сине морюшко из конца в конец,
Из конца в конец, со края на край.
Как перва́ волна ударила да во черён корабль,
А втора́ волна-то вдоль по палубе,
А третья-то волна ударила в тонки паруса, —
Зашатался наш корабличек со борта на борт,
Со борта на борт, из конца в конец.
Испужался ведь наш полковничек, исполо́шился ведь,
Опустились-то у полковничка ручки белые,
А подломились-то у полковничка ножки резвые,
А помутилися у полковничка очи ясные —
А тут упал-то наш полковничек с корабля долой.
Тут метались матросики в лёгоньки шлюпочки
И хватали-то полковничка за русы кудри,
И вывозили-то полковничка на черной корабль;
А лежал-то наш полковничек ровно трое суточки,
А на четвертые сам прого́ворил:
«Есть ли на бело́м свете таковой корабль, —
На синём море не шатается ведь?
Есть ли, есть на бело́м свете таковая мать, —
Отдала сына в солдатушки, не проплакала?»

с. Койда. Коптяков М. Д.
Вар.: 1—3) с. Койда. Малыгин А. А., Малыгин В. П., Малыгина К. А.; 4) б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

5

Где солнце не светит,
Луна никогда,
Где моря синеют,
Зеленеют луга, —
По синему морю
Плыли корабли.

Поморы с Летнего берега на парусном судне (конец XIX века)

Кемский помор с промысловым снаряжением (конец XIX века)

Обработка улова на рыболовном тральщике

Учащиеся советского мореходного училища

На первом кораблю
Отец-мать родная,
На втором кораблю
Солдат помирае,
У офицера-майора
Домой просится:
«Ой, офицер-майор,
Отпусти меня домой,
К отцу-матери родной,
К жене молодой!»

пос. Замосты. Зобнева М. А.
Вар.: 1) пром. пункт Вербенский. Тюрикова А. З.;
2) с. Койда. Малыгин В. П.

6

На матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове
Молодой матрос корабли снастил,
Корабли снастил, мачты парусил
О двенадцати тонких пáрусов,
О шестнадцати шелковы́х флагóв.
Из высóка ли нóва терема,
Из косещета из окошечка,
Из хрустальной из околенки
Увидала тут красна дéвица,
Красна девица, дочь отеческа;
Увидавши-то, за водой пошла,
За водой пошла, воду черпати,
И, почерпнувши ведро, поставила,
И поставила, призадумалась,
А призадумалась, слово молвила:
«Уж ты, душечка, молодой матрос,
Молодой матрос, добрый мóлодец,
Ты зачем рано корабли снастишь,
Корабли снастишь, мачты парусишь
О двенадцати тонких пáрусов,
О шестнадцати шелковы́х флагóв?»
Тут ответ держит добрый молодец,
Добрый молодец, молодой матрос:
«Не своей волей корабли снащу, —
По указу я государеву,
По приказу я адмиральскому».
А тут из-под камешка из-под белого
Не огонь горит, не смола кипит, —
Кипит сердце молодецкое
Ни по батюшке, ни по матушке,
Ни по брáтелку, ни по родной сестре,
А по душечке, красной девице.

с. Койда. Коптяков М. Д.

7

Отпрошалася дочка от матушки да сударь батюшки
На Неву-реку да кораблей смотреть;
Кораблей смотреть да золота купить,
Золота купить, чистого се́ребра,
Чистого серебра да скатного жемчуга,
Всех разных шелков не одного цвету.
На корабль пришла да поклонилася:
«Уж вам бог помочь, добрые мо́лодцы,
Добрые молодцы да корабельщички,
Вы кажите-ка да красного золота,
Кра́сна золота да чистого серебра,
Чиста серебра, скатного жемчуга,
Да всех разных шелков не одного цвету».
Да тут воспрого́ворил да добрый молодец,
Добрый молодец да корабельщичек:
«Вы рубите-ка цепи кованые,
Да отпускайте-ка якоря булатные,
Да поднимайте-кось тонкие па́руса,
Да то́нки белые да поло́гняные,
Да увеземте-ка мы да красну де́вицу,
Красну девицу да дочь отецкую!»
Тут девушка она расплакалась да разрыдалася,
Во слезах она да словцо молвила,
В возрыданьице да речь гово́рила:
«Красно золото — да ро́дной батюшка,
Чисто се́ребро — да ро́дна матушка,
Скатны жемчуги — да ро́дны бра́телки,
Да все разны шелки — да родимы сестры».

б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

8

Зацвило́ся все сине море
Разными цветами;
Промеж тыми разными цветами
Плывут кораблями;
Промеж тыми кораблями
Матросы гуляли,
Они с собой красну девку
С собой подмовляли:
«Пойдем, пойдем, красна девка,
С нами, матроса́ми,
А мы тебя, красну девку,
Напоим, накормим,
Ще и спать положим».
Ой, спи, ой, спи, красна девка,
Спи аж до горя!

Проснулася красна девка
Уже серéд моря:
«Матросики, молодчики,
Вернитесь до броду,
Хоть до броду, хоть не до броду,
Хоть до моего роду!» —
«Теперь тебе, красна девка,
Домой не вертаться;
Теперь тебе, красна девка,
С родом не видаться;
Было б тебе, красна девка,
С родом распрощаться».

пос. Ени-Кале. Махнова А. Г.

9

Под славным под городом под Архангельским,
А на пристани было корабельной,
На прибежище было на лодейном,
Тут построена была изба новая,
Изба новая, карауленка.
И у той избы новой, новой карауленки,
Восемьсот сидит удáлых добрых мóлодцев,
А меж ними-то ли замешалася красна дéвица.
А мастерица ли была девушка во игры играть,
Во игры играть — пешки, шахматы;
А отыграла тут красна девица
У доброго молодца три черных кáрабля.
Закручинился, запечалился добрый молодец,
Он повесил свою буйну голову со могучих плеч
И потупил очи ясные в матушку-сыру землю.
«Не кручинься, не печалься, добрый молодец,
Ты бери-ка меня за праву руку,
Ты веди-ка меня, молодец, в божью церковь,
Примем мы, молодец, с тобой по златý венцу —
закон божий!» —
«Нет, не иду я с тобой, красна девица, во божью церковь,
Не примáю я с тобой, красна девица, закон божий, —
У меня есть ли, у молодца, еще семь корабликов».

с. Койда. Коптяков М. Д.

10

По садочку ходила,
Два купчика любила;
Два сыночка родила
И Ванюшу — Василя.
В китаечку сповила,
В Дунай-речку отнесла:
«Ах, ты, Дунай, ты, Дунай,

Выгоду́й моих дито́к,
Ах ты, тихонький зыбок,
Прикачай моих дито́к!»
Забожилася вдова
На тридцать лет воду брать;
На тридцатом году
Пришла вдова по воду́.
Стала вдова во́ду брать,
Стал корабль приплывать,
А на том корабле
Два молодчика сидят.
Один сидит на руле,
Другой сидит на про́ве;
Один книгу читает,
Другой вдову пытает:
«Ах, ты, вдовушка, вдова,
Чи пойдешь ты за меня?» —
«Я за одного сама иду,
За другого дочь даю».
Какой теперь свет настал, —
Сын матери не узнал!

11

Дивченочка дитя родила,
Спородила мало дитя,
В море утопила.
Наехали рыбалочки
Рыбочки ловить;
Не поймали рыбу-щуку,
Поймали линя,
Рассмотрели рыбалочки, —
То мало дитя.
Да понесли мало дитя
На казенный двор,
Да вдарили рыбалочки
В большой колоко́л:
«Собрать, собрать дивчаточек
Всех на перебор!
А которая дивченочка
Дитя родила,
Не пустила на белый свет,
В море утопила?»
А в неделю ранесенько
Все звоны гудут,
А уже тую дивче́ночку
Под наказ ведут;
А за нею идет стара мати,
Плачет-рыдает.

«Не плачь, мати, не плачь, стара, —
Еще дома пять,
Не пускай их на до́свитки,
Нехай дома спят,
А на до́свитках чужа мати
Кладет дома спать».

пос. Ени-Кале. Махнова А. Г.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

12

Разливалась мати-вёшняя вода,
Спотопляла-то все зеленые лужка;
Оставался-то один маленький лужок,
Собирались все друзья-братья в кружок.
Оставался-то один молоде́ц,
Один молодец неженатый, холостой:
«Не с одной ли-то мы сторонушки с тобой?
Не поедешь ли, друг-товарищ мой, домой?
Скажи любушке нижающий поклон,
Не ждала бы дружка во все ле́тичко домой,
Во все ле́тичко вплоть до самой зимы.
Замерзали-то бы́стры речки и губы,
Западали все дороженьки и пути.
Мне нельзя стало ко милушке сходить,
Мне нельзя стало следочка проложить».

с. Койда. Малыгина Г. Н.
Вар.: б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

13

Во тумане-то пекёт красно солнышко, ой да во тумане,
Как при печали-то сидит моя любушка, при большом несчастье:
«Что ль несчастная, красная девушка, на свете родилась,
Я-то недавненько с миленьким дружком я с ним поводилась.
Я со утренней со зорюшки зорьки до вечерней.
Не простившись, уехал мой миленький на чужу́ сторонку,
На чужу да́льну сторонушку, на синее море.
Неспособные пали встречу ветры, назад воротился,
Под моим любым окошечком дружок колотился,
Новомодную снял милый фуражечку, низко поклонился:
«Оставайся, моя ли любезная, наживай иного
Что ль богачеством ли да дородством дружка красотою».

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

14

Распечальное девушкино сердце
Всегда занывает,
Сердце ноет-занывает,
Тоски придавает,
Дружка наживает.
Нажила-то я себе дружка
По мыслям по верным,
По любви старопрежней.
На что, на что дружка было лучше?
До меня дружок был ласков,
Как соколик ясный.
Высоко́ сокол летает,
Все меня пытает,
Все меня, девушку, пытает,
Сам разлуку чает,
По разлуке-то моя душа-радость
Сам прочь отъезжает;
Оставляет-то меня, девку, в горе,
Во слезах, как в море,
Оставляет меня во кручине.
Шел корабль с моря в пучине,
Молоде́ц-парень кручинен;
Во кручинушке-то, во печали
Пишет миленький ко мне письма:
«Рад бы, душечка, письма писати,
Не с кем переслати;
Напишу письмо слезами,
Отошлю с друзьями,
С тем ли я милым дружочком,
С сизым голубочком».
Стану голубя имати,
Письма отбирати,
Грамотку читати.

с. Койда. Сахарова Е. И.

15

Нигде дружка не вижу,
Ни в долинушке я его, ни в лужках;
Увидала я своего мило́го
У суседушка поздно ввечеру́.
«Ты ночуй-ка, ночуй, миленький-любезны
Ночуй ноченьку, радость, у меня!
Ты не бойся, мой миленький-любезный,
В бесчестьице тебя не введу, —
Не введу я любезного в бесчестье,
До зорюшки рано провожу».
И до тех мест буду провожати,

Где зачалася с миленьким любовь,
Где зачáлась и жизнь моя скончалась.
И слезно плакала по нем,
И плакала-рыдала,
От слез реченька быстра спротекала;
Течет реченька Фонтанка,
Не широка реченька, очень глубока,
Не широка течет реченька, глубока,
И перевозчичка на ней нет.
И хоша éся, да не здеся,
А есть на другой стороне,
Есть-то на зарецкой было на сторонке
Один лёгонький стружок,
Раскрашениненький новый карбасок;
На нем тоненьки бéлы паруса,
А на корме сидит матросик,
То мой миленький дружок.
Крутым я бережком бежала,
И не могла я любезного догнать;
Пала грудью о водý,
Пала да ему сказала:
«Для тебя я, мой миленький, тону!»

б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

16

Вы не вейте-ка, ветры, с моря,
Потяните-ка с чиста поля
На мои-ка на сеночки новы́,
На мою ли кроваточку тесовý.
Моих сенечков не качайте,
Тесовой ли кроваточки не трясите,
Меня, девушку, не будите;
Хоть разбýдите, не браните.
Без того мне-ка, девушке, тошно,
Помочь горюшку невозможно, —
Любил миленький сам да спокинул,
При глазах дружок надсмеялся,
При беседушках похвалялся.
На, мой миленький, не спасибо,
Зажигай-ка огня-лучину,
Разгоняй-ка тоску-кручину;
От лучинушки пала искра
Ко ретиву сердцу близко;
Стала искорка разгорати,
Стала девушка тосковати:
«Чем мне искорку потушати?
Тушить искорку не водою
Не холодною ключевою,
Тушить искорку мне ли да мыслями.

Мне приятными словами». —
«Ты ходи-то, гуляй,
Своей волюшки, девушка, не теряй».
Загуляла я, млада,
Со девичьего с [*неразборчиво*] да ума,
Потеряла я, млада,
Всю прекрасну с лица красоту.
Что ль за ту ли за вину
От родителей мне прощенья нет;
Призадумали злы мои родители
Взамуж отдаватъ.
Присмелилася два словечика
Батюшку сказать:
«Хотя выдашь, отец, замуж —
Ой, не слагаюсь я себе живой быть;
Хотя буду я жива —
Не забуду девичьего житья».
Во житьи, во бытьи,
Размолоденький это дружок мой,
Ваши ласковые, сколь приятные ко сердцу да слова;
Не эти ли слова меня, девушку, довели,
Что ль без огня ли мое сердце, сердечушко разожгло,
Что ль без ветра ли мои мысе́лки с думушкой разнесло.
Разнесло-то мысли вдоль по чистым
По широким по полям,
По ракитовым маленьким да кустам.
Не сидела бы я в новой горенке, девушка, я одна,
Не лежала бы я белой грудью я, девушка, об окно,
Не ронила бы я горючих слез я, девушка, за окно,
Не глядела бы в чисто полюшко за лес далеко,
Не бранила бы я чужой дальней я, девушка, стороны:
«Ты, злодейка, злодейка,
Зла чужая ты да́льня сторона,
Разлучила ты меня, развела
С отцом, с матерью, девушку, да меня,
Пуще злее того ли
Со надёженькой, с миленьким раздружком».
Кто бы, кто бы моему, братцы,
Горюшку помог?
Кто помог-пособил со дороженьки
Дружка воротить?
Хоть на час воротись-ка ты, мой миленький,
Наглядитесь-ка, очи ясные,
На дружка в запас,
Про такой про запас —
На весь кругленький на весь на годок,
Чтобы не боле́ло мое сердце
Ни в какой да часок.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

17

Я по бережку похаживала,
Пароходика посматривала;
Пароход бежит скорёхонько,
Моему сердцу тошнёхонько.
Я стояла на потоке, на реке,
Увидала я милóго в сюртуке, —
Сюртук, брюки одинаковые
Да рубашка с каймой,
Таки с каймой.
«Мой-от миленький, хорошенький, баской
На извозчике не стой,
Таки не стой,
Про меня песен не складывай, не пой».
Как повыбрали родители,
Как повыбрали желанные
Щеголя, парня сýмского,
Прищёголя матигорского,
Сиротинушку кабацкого,
Подвéрнишку бурлацкого.
Один миленький за речкой в штурманáх,
Другой милый во конторе в писарях,
Третий миленький ничем не дорожил,
Взял последнюю гармошку заложил;
У гармошки ножки тóченые,
Все задвижки позолóченные,
Гармошка на два тону, на два тону,
Посиди-ка, милый, дома, милый, дома!
Я сидела под косящатым окном,
Говорила своей матушке тайком:
«Ах ты, матушка рóдненька,
Моему горю помощница». —
«Дай-ка, девушка, платочка подержать,
От погодушки гармошку завязать,
От погоды, от великого дождя,
Чтобы не было гармошке вреда,
Не вредило бы гармошку никогда».

б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

18

Мне вечóр тоска да нападала,
Всю я ночь, молода, да не сыпáла,
Соболиное одеяло в ногах продержала;
Я из горницы в горницу ходила,
Ко стеклянну шкапу да подходила,
Со алмазным замком речь говорила:
«Вы, алмазны замки, да отомкнитесь,

Скиприсские двери, отворитесь!»
Я хрустальну посуду разбирала,
Я побольше стакашек выбирала,
Я побольше, потолще, покрасивей,
Дополна я стакан рому наливала,
Я милу́ дружку да подавала,
Я милу дружку да Иванушку:
«Выпей, выкушай, детинушка, не чванься,
Надо мной, над красной девкой, не ломайся!
У меня, у красной девушки, несчастье,
Зло несчастьице да разоренье,
Разоряет меня маменька родная,
Отдавает меня взамуж за такого,
За такого, за сякого, за урода.
Еще где ему, уроду, мной владати,—
Не владать, не владать да милу дру́жку,
Я которого во де́вицах любила,
Золотым его колечушком дарила,
За серебряно маменька бранила».

с. Койда. Малыгина Г. Н.
Вар.: там же. Сахарова Е. И

19

Уж вы, кумушки-голубушки мои,
Вы придите, посидите у меня,
Не судите, не рядите про меня.
Сколь я, девушка, забависта была,
Молодой женой разгулиста.
Из саду гусей выганивала,
Лебедушек заворачивала:
«Полетайте, гуси серые, домой!»
Гуси серы спорхнулися,
Сине море сколубалося.
Удалы́ ловцы захарьевцы,
Они закинули шелко́вы невода,
Эту рыбицу споловили,
На песочек рыбку вы́кидали;
Стала рыбица сплясывати,
Красна девушка рассказывати:
«Каково же тебе, рыбка, без воды,
Таково же красной девке без воли».

г. Мурманск. Спиридонова Л. А

20

Уж ты, хмель, ты, мой хмель,
Хмель, удала голова,
От чего же ты, хмель, зарождаешься?
Зародился хмель от сырой земли,

Поднимался хмель по тычинке вверх,
По тоненькой да по еловенькой,—
Да кто за хмелем погонится,
Тот будет [*неразборчиво*] человек.
Погонился за хмелинушкой да детинушка;
У детины-сиротины нет уса, ни бороды,
Нет уса, ни бороды да нет ума в головы́, —
На кабак идет детина, будто маков цвет,
С кабака идет детина, будто мать родила,
Будто мать родила его, купеческа жена.
Встречает-взвеличает молода жена:
«Поди, муж, поди, муж, поди, пьяница, домой,
Поди, бражник, домой, поди, курвяжник, домой!
Ты пропил, прожил житье-бытье свое,
Житье-бытье свое да все приданое мое,
Все приданое мое да да́нье материно!» —
«Да ты не плачь, бе́дна жена,
Да ты не будешь голодна:
В казаки наймусь да три рубля возьму,
Три рубля возьму да сарафан куплю,
Да я мешок сошью да тебя в мир пущу, —
Да ты ходи, бедна жена, да по подо́конью,
Да ты сбирай, бедна жена, да куски ломаные,
Куски ломаные да ломти резаные;
Да уж мы сядем за стол, не нать ножика на стол,
Да уж мы сядем-посидим да сухарей поедим,
Да мы водой запьем да каблуком забьем».

б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

21

А выросла роза край окна,
Ой, ма́ла я, ма́ла я мужа рыбака.
А мой муж не робит, тай все пьет,
Приде до дому, мине бьет.
«Не бей мине, муже, не ругай!
Я тибя покину с малыми детями,
Сама уеду за Дунай».
Жинка на лодочку сидала,
Правою рукою, правою рукою
Белым платочком махала.
«Ой, вернися, жинка, до дому,
Горе мине жити с малыми детями само́му!»
Как вернулась жинка до дому, —
Ложки не помыты, все чашки побиты,
Малы дети плачут на печи.

(Нахозяйнувал!..)

22

Как выйду я на гору,
На гору крутую,
И взгляну я, взгляну
На речку быстру́ю:
Все рыбалки едут,
К молу подъезжают,
А моёго милого
Нигде не встречают.
«Где ты, милый, едешь
И где отъезжаешь,
На кого ты меня, милый,
Спокидаешь?» —
«А я еду, еду
В путь, в дорогу,
Тебя спокидаю
Единому богу».

23

Мостят мостушки, мостовинушки
Против милого двора;
Мостовинушка обломилася,
Мой милый утонул.
Ах, вы, хлопчики-рыболовчики,
Закидайте невода,
Вы поймайте мого милого,
Его кудри в три ряда!
Как поймаете мого милого,
Буду век вас вспоминать;
А не поймаете мого милого,
Буду век вас проклинать!

24

Ай, встану я раненько,
Приберуся я беленько,
Ах, сяду я против оконца
Выглядати черноморца.
А мой милый черноморец ехал, ехал,
А до ме́не не доехал;
А поехал в чисто поле до Дунаю,
Стал коников напувати, напувати,
Стало сине море грати.
Он коников напувае,
Сине море грае, грае, —
А мой милый утопае,
Тай на милую гукае:
«Ра́туй, ра́туй, моя мила,
Когда верно любила!» —

«Ой, рада б я ратувати,
Да не вмею выплывати;
Когда б джоник да весельце,
Ратувала б, мое сердце!
Ой, пойду по люди,
Чи не жаль кому буди».
Пока люди исошлися,
И мой милый утопился.
Плыви, плыви за водою,
Остаюся я вдовою;
Плыви, плыви, реченька,
Осталася с деточками.

пос. Ени-Кале. Махнова А. Г.

ИГРОВЫЕ, СВАДЕБНЫЕ, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

25

Не во далече, во далече да во чистом было поле,
Виноградье красно-зеленое[1],
Там стоял да постоял белполо́тняный шатер да полубархатный.
Да что во этом-то шатре столы ду́бовы стоят,
Да столы ду́бовы стоят, ножки то́ченые,
Ножки то́ченые да позолоченные,
Да что за этими за столами за дубо́выми красна де́вица сидит;
Она шила-вышивала то́нко бе́ло полотно,
Да тонко бело полотенце о четырех об углах,
Да на первом углу шила светлый месяц со луна́ми, со часты́ми со звезда́ми,
А на другом углу шила красно солнце с марева́ми,
На третьем-то углу шила круты́ горы со лесами, со рыскучими зверями,
На четвертом-то углу шила сине море со волнами, со черны́ми кораблями,
На середке вышивала всю Россию со людями да отца с матушкой.
Да там еще подале на другой на стороне
Уж там шел-пошел удалой молоде́ц,
Да он куницами-лисицами он обвешался,
Да он черным-то бобром опоясался:
«Уж я был бы, был на той стороне, да у белого-то шатра,
Да я разбил бы, расшатал бы весь поло́тняный шатер да полубархатный,
Уж я бы эту красну девицу да за себя бы замуж взял».

с. Койда. Коптяков М. Д.

[1] Припев повторяется после каждого стиха.

26

Вдоль да по речке да вдоль по Казанке
Лёгка лодочка плывет;
Вдоль по бережку, вдоль по крутому
Добрый мóлодец идет,
Сам он со кудрями
И сам с волосами
Разговаривает:
«Кому эти кудри, кому эти русы
Да достаются чесать?
Доставались кудри, доставались русы
Старой бабушке чесать;
Это мне не радость,
Это не веселье, —
Она не умеет, она не горáзна,
Только волосы дерет».
Вдоль да по речке да вдоль по Казанке
Лёгка лодочка плывет;
Вдоль по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет,
Сам он со кудрями
И сам с волосами
Разговаривает:
«Кому эти кудри, кому эти русы
Да достаются чесать?
Доставались кудри, доставались русы
Да молодой вдове чесать;
И это мне не радость,
И это не веселье, —
Она не умеет, она не горазна,
Только волосы дерет».
Вдоль да по речке да вдоль по Казанке
Лёгка лодочка плывет;
Вдоль по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет,
Сам он со кудрями,
Сам он с волосами
Разговаривает:
«Да кому эти кудри, кому эти русы
Да достаются чесать?
Доставались кудри, доставались русы
Красной девушке чесать;
Это мне-ка радость,
И это мне веселье, —
Она умеет, она и горазна
И волос к волосу кладет».

д. Топса. Горулева А. Е.

27

(Все становятся кругом, руку за руку сцепят и ходят. В кругу стоит «красна девушка»).
Что по морю, морю синему
Плывет стадо лебединое,
Плывет, плывет и окунется
(Ходят кругом и кланяются)
И встряхнется.
За тем стадом, за тем стадом
Молодой белый орел.
Схватил он, пымал белую лебедушку,
Он пустил пух по синему морюшку,
А перышки по зеленому лужку.
(Одна другую теребят за рукав)
К ним навстречу красна девушка
Шла по бережку,
Собирала она себе мелкий пух на перинушку,
А перышки на подушечки.
(Они в кругу собирают к себе в фартук щепочки)
К ней навстречу выходит добрый молодец:
(Выходит в круг девушка)
«Бог на помочь тебе, красна дéвица!»
Она ему ничего не ответила.
«Эх ты, гордая, эх ты, непокорная!
Хоть ты гордая, непокорная —
Возьму замуж за себя!»

с. Камызяк. Васюнкина А. Г

28

Вдоль было по травушке, вдоль по муравке,
Лешеньки-лели вдоль по муравке [1],
Ходит-гуляет тут удалый молодчик,
Ходит-выбирает он красну девицу:
«Пойди-выйди, девица, за ворота
Со мной, со молодчиком, постояти,
Со мной, со удалым, речь говорити!»
Тут девица ко мóлодцу подходила,
Тут девица молодцу речь говорила:
«Я вас, миленький, прибесчещу!»
Тут девица молодца поборола,
Пуховую шляпушку долой сшибла,
Желтые кудеречки сворошила,
Серебряны пуговки расстегала,
С молодца синь кафтан скидывáла,
Шелкову рубашечку всю сорвала,
Сафьянны сапоженьки в грязь замяла.
Пошел миленький, сам заплакал:

---

[1] Припев «лешеньки-лели» повторяется после каждого стиха, с повторением его последних слов.

«На что меня матушка спородила,
Нехорошей участью наделила!» —
«Воротись, мой миленький, я вас не узнала!»
Желтые кудеречки причесала,
Пуховую шляпочку одевала,
Синь кафтан на молодца одевала,
Серебряны пуговки застегала,
Сафьянны сапоженьки начищала,
Потом миленький взвеселился,
Что со своей миленькой примирился.

г. Новгород. Николина Т. А.
Эта игра называлась «Перехожей». Играли двумя партиями: «девушки и молодцы, человек по пять в ряду. В начале игры шли пара за парой, потом становились напротив друг друга в два ряда; по песне подходили девушки к молодцам, а потом те поворачивались к девушкам спиной и начинали уходить. Девушки их возвращали». Все действие, описанное в песне, изображалось играющими: снимали шапку и держали в руках, трепали волосы, топали ногой по сапогу молодца, трогали его кафтан.

Вар.: с. Койда. Малыгина Е. Ф.

29

Как была вдова,
Имела три дочки,
Да все голубочки.
Одна дочка кажет:
«Отдай, мати, замуж
Да за хлебороба!»
А другая дочка кажет:
«Отдай, мати, замуж
Да за рыболова!»
А третья дочка кажет:
«Отдай, мати, замуж
Да за музыканта!»
Перва дочка едет
До матери в гости,
Везет пирог под полою, —
Вот такой длининою,
Вот такой шириною.
Друга дочка едет
До матери в гости,
Везет рыбу под полою, —
Вот такая длининою,
Вот такая шириною.
Третья дочка едет
До матери в гости,
Везет скрипку под полою, —
Вот такая длининою,
Вот такая шириною.

«Как наемся пирога
Та соленой рыбки,
Ударю трепака
До новой скрипки.
Пирог солоде́нький,
Рыбка солоне́нька,
А скрипка веселе́нька.
Эй, эй, ха-ха-ха,
Скрипка веселе́нька!»

пос. Ени-Кале. Махнова А. Г.

30

Из-за устья лодейного
Со ходу корабельного
Выгребал там черный корабль-да ихи[1].
На кораблике-то немножко людей,
Всего семеро-то гребцов-молодцов,
Восьмой-то был кормщичек,
Во девятых-то носовщичек,
Во десятых удал молодец,
Удалой добрый молодец,
Василий Никанорович.
Он по судну-то прогуливает,
Во карман руки посукивает,
Из кармана плат-то выдергивает,
Из плата гребень-то вывязывает,
Жёлты кудри-то расчесывает,
По белой шее-то раскладывает,
По едину то́нку волосу,
По едину кудрева́сту;
Свой тугой лук-то натягивает,
Калену́ стрелу накладывает,
Ко стрелы́ приговаривает:
«Уж ты, стрелка, ты, стрелка моя,
Калена́ ли ты мура́вленая,
Полети, моя ты каленая стрела,
Высоко вверх под облако,
Дальше во чистое поле,
Устрели, моя ты каленая стрела,
Чёрна ворона-то с подтучи,
Белу лебедь-ту на перелете,
Серу утицу-ту на за́береге,
Красну де́вицу-ту в высоком терему́,
Девицу душу красную,
Александру Федоровну:
«Не стреляй, не стреляй, молодец,
Не стреляй, удала голова,

[1] Припев «да ихи» повторяется после каждого стиха.

Удалой добрый молодец
Василий Никанорович!
Черный ворон-то—ворог твой,
Белая-то лебедь — яства твоя,
Сера утица — кушанье,
Красна девица-то — невеста твоя,
Девица душа красная,
Александра Федоровна».
Тут спрогово́рит-то девица:
«Вы, сестрицы, подружки мои,
Дороги мои голубушки,
Вы берите золоты́ мои ключи,
Отмыкайте окованные сундуки,
Вынимайте заморско сукно,
Уж вы кройте Василию пальто,
Уж вы шейте-то Никаноровичу,
Чтоб ему оно не долго́ было,
Чтоб не коротенькое,
По подолу-то раструбленное,
По середочке-то поджилистое,
Василию приставистое,
Никаноровичу приложистое,
Гулять идти со душой с красной девицей
Александрой Федоровной».

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина
Вар.: б. Кемский уезд. Рук сб. Михова.

31

«Что ты, что ты, сине море,
Что ты, Хвалынское,
Ты стоишь, не колыблешься?
Что ты, что ты, березынька,
Что ты, кудрявая,
Стоишь в поле, не шатаешься?
Что ты, девушка, что ты, Анфусенька,
Сидишь, не рассме́хнешься?» —
«Ни к чему рассмеятися,
Перед чем зрадова́тися,—
Мне ночесь мало́ спалось,
Мало спалось, во сне виделось,
Мне привиделся грозен сон,
Грозен сон, немилослив,
Немилослив, нежалослив.
Уж вы, девушки, подружки мои,
Рассудите мой грозен сон!
Если вы не рассудите,
Я сама знаю-ведаю,
Молода-то догадаюся:
На печище котище лежит —
Богоданный свекор-батюшка;

По полу ходит утица,
То свекровушка-матушка;
По лавочкам голуби,
То деверьица-братьица;
По окошечкам ласточки,
То сестрицы-золовушки;
В новой горнице ясён сокóл,
То ведь мой богосуженый,
Богосуженый, ряженый,
Иван Федорович».

(Пели девушки до венца.)

с. Койда. Попова А. О

32

Что во тереме, во тереме,
Во высоком новом тереме,
Красна девица узор шила;
Она шила узор серебром,
Не дошивши, узор бросила,
Сама пошла, слезно заплакала
Ко родителю-батюшку,
Ко родименькой маменьке:
«Ты, родитель мой, батюшка,
Ты приголубь ясного сокола,
Ясного сокола залетного;
Он, ясён сокóл сизокрыленький,
Он садится на окошечко,
На серебряну причалинку.
Никто сокола не увидел,
Да вдруг увидел братец родненький,
Да он сказал своей матери.
Да не сносивши платье сносится,
Да не сказавши горе скажется,
Да опустились ручки белые,
Да испугалось ретиво сердце.
Да ты, родитель мой, батюшко,
Да не закройте широких ворот
Да от меня, от сиротинушки!»

(Когда невеста просваталась, то к ней ходили петь у крыльца девушки.)

д. Радома. Емельянова В. Е.

33

На горочке деревце высокошенько выросло,
Зеленёшенько расцвело,
Что ль кунами обросло, соболями-то расцвело.
Что ль за это за деревцо, что ль за это за кудрявое,
Там хоронилась душа-красная дéвица,

Что ль сама она похвалялася
Похвальбой, головой своей девичьею,
Красотой своей великою;
Своим милым подруженькам
Сказала Александра, сказала Федоровна:
«Из-за этого деревца, из-за этого кудрявого
Никому будет не высмотреть,
Никому будет не выглядеть,
Что ль не высмотреть да не выкупить
Без целой чётной тысячи!»
Услыхал ту похвальбу удалой добрый молодец,
Василий Никанорович:
«Не хвались-ка, красна девица,
Да девица-душа красная,
Александра Федоровна!
Я один-то тебя повысмотрю,
Да один-то тебя повыкуплю
Без целой чётной тысячи,
Я одной-то тебя золотой гривной,
Гривной серебряной
Я со большой да со сватьюшкой,
Да со большой со матушкой,
Двумя дружками хорошими,
Да с поезжанами удáлыми,
Что ль удалы да отобраны
У дородня добра молодца,
Василия Никаноровича,
И девицы-души красные,
Александры Федоровны!»

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

34

Ты поплачь, поплачь, невестушка,
У родимого у батюшка
За столами дубовыми,
За скатерками берчатыми, —
Ты наплачешься, девушка,
У чужого чуженина
За столбами сосновыми
Да за заплóтами еловыми.
Чужой-то ведь он чуженин,
Он без плеточки выучит
Да без морозу сердце вызнобит
Да щипками да урывками,
Да частыми колотовками.

(Все эти песни пелись у невесты на свадьбе, а у жениха, когда обвенчаются, особые.)

д. Константиново. Михайлова К. П.

35

Вы подуйте, ветры буйные,
Со восточныей сторонушки,
Принесите моего дорогого братца
Из синего моря из широкого,
Из широкого моря и из глубокого!
Родимый мой братец,
Прилети-ка ты ясным соколом,
Прилети-ка ты из синего моря
Из широкого, из глубокого
Ко мому часу горькому,
Благослови-ка ты меня
Заместо ро́дной матушки!
(Невеста-сирота причитает брату-моряку.)

с. Камызяк. Васюнкина А. Г.

36

Мать ты моя Федора,
Зачем отдала Елену за помора?
Чем тебе помор прилюбился?
Ай на красной ладье прикатился?
Красотой приглянулся?
Красоту-то не лизать!

37

Баю, ба́ю, ба́ю, бай,
Ба́ю малого дитя.
Ба́ю милого!
Да баю́, баю, баю,
Сидит голубь на дубу,
Он играет-то во трубу,
Во серебряну струну.
Он сидит-то, голубочек, поглядывает,
Как на все на четыре на стороночки посматривает:
«Мне-ка надо, голубку,
Вот далёко же лететь,
Во дальную страну,
На Буян на остров-от, —
На Буяне на острову́
Чёрны ка́рабли стоят,
Корабельщички же там;
Там на острове Буяне
Золоты́ сидят орлы,
Вот прекрасны-ти соколы́,
Рушат перьице они,
Золотое ронят всё».
Насбирай-кось, голубочек,
Золотого-то перьица,

Принеси-ка, голубочек,
Ко дитю-то милому,
Как ко малому.
Станет Ва́нюшка подрастать,
Станет в школочку ходить,
Будет книжечки читать.
На тетрадочках писать,
Он на счётиках считать,
Эти перышка золоты́
Будет в школочку носить,
Красно золото тогда
Будет на книжечки потреблять.
Ты расти, расти, дитя,
Будь счастливый у меня, —
Ты пади таланью-участью
Во Илью-то Муромца,
Как ведь мудростью пади
Во мудрого царя,
Да во Соло́мана его;
Пади храбростью, дитя,
В Александра, царя храброго:
Пади силой-то в царя
Петра Первого,
Красотой-то вот пади
Вот в Иосипа в царя,
А богатствицем пади
Во Садка Новогородского,
Как ведь важностью пади
Во Добрыню Никитича,
А смелостью пади
Как в Алешу Поповича,
А и удалью пади
В Микулу Селяниновича,
Как ведь мужеством пади
В Светогора бога́тыря,
Как в его же, сильного;
А в поездочку пади
Во Ивана бога́тыря,
Во Иванушка Гонёновича.

38

Ехали бояра из Нова-города[1],
Увидали красну де́вицу
У высока-то терема.
Они стали-то тут низко кланяться,
Низко кланялись, на ней сватались.
«Тесто в квашне у нас не повыкисло,
Красна девица-та не выросла».

[1] Эта песня известна обычно как хороводная

Стала красна дѐвица-та ударивать
Она мамушек, своих нянюшек;
Девиц-то дарила красным золотом,
Мóлодцов-то дарила чистым сéребром,
Молодых малых девушек она ленточкам
Молодых молодиц она повойничками,
Красных девиц она колечушками,
Она шелкóвыми чулочками,
Сафьянными она всё башмáчками,
Старых-то стариков она кáтанцами,
Старых-то старушек она шубочками.

д. Нижняя Золотица. Крюкова М. С.

39

Иленька-дружок,
Ты не бегай на лужок,
Не прокладывай следок, —
Тебя рыбка съест,
Либо ящерка,
Либо серый волченок
Из-за кусточка
Иленьку-то схватит за бочок
Да потащит во лесок;
Либо деревце падет,
Нашего Иленьку зашибет.

с. Верхняя Уфтюга. Вячеславова А. М.

ПЕСНИ О ТРУДЕ

40

Уж как наши-то отцы,
Они были молодцы, —
Работáли по ночам,
Уважали богачам;
Им служили сорок лет,
А штанов дырявых нет;
Они своих детей морили,
А чужих детей кормили;
Из своёго-то хребта
Им настроили суда,
Кровью красили дома,
Из кожи шили паруса.

с. Койда. Малыгин А. А.

Песня была сложена в с. Койде Александром Васильевичем Поповым, умершим за несколько лет до времени записи. Песня была известна среди койденских зверобоев. Варианты ее были сообщены в отрывках там же Ю. В. Сахаровой, 22 лет, и еще двумя жителями с. Койды. Мною записан отрывок еще одной песни А. В. Попова — о сеносплаве по реке на карбасах местного богача.

41

Пригрело льдину солнышко,
Разнежился тюлень,
Уткнул на лед головушку,
Глядеть на солнце лень.
Притихли в лодке, прячутся
Поморы-мужики,
Убить тюленя ладятся,
Чуть щелкнули курки.
Испытана умелая
Рука, не задрожит;
Взметнулась чайка белая,
Встревоженно кричит,
Пугает зверя клёкотом,
Но так чудесен день;
Раздался выстрел с грохотом —
Навек заснул тюлень.

(Поют зверобои.)

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А.

42

Хорошо вам жить на воле,
Слушать песни моряка, —
Слезы льются на морозе
У него, у бедняка.
Жизнь хорошая бывает,
Когда у промысла стоят,
Но много горя испытают,
Когда в отзимок угодят.
Сидят под баком, дуют руки,
Чтоб не замерзнуть им самим,
И разговор ведут от скуки:
«Давай хоть чаю заварим!»
И вылазиют на палубу,
И начинают чёчу бить,
А в этих маленьких сапожках
Ведь можно ноги ознобить.
Братва вся точно веселится,
А сердце коробом ведет, —
В чернях мы с якоря снялися,
А лед в глубь моря нас несет.
Мы третий день ждем с Низу ветру,
А на него всё роду нет,
А если злой норд-вест подует,
Тогда прощай весь вольный свет!

с. Камызяк. Арефьев Н. Н.

43

Однажды раз в саду гуляла
И повстречалась с молодцом;
Когда я с ним разговорилась,
Он оказался рыбаком.
Забьется в море он зимою,
Забьется в море день и ночь,
Дрожит весь мокрый и холодный,
Как будто в каторге лихой.
Когда на берег выплывает,
Добычу всю распродает,
Спешит баркас на якорь ставить,
А сам скорей в трактир идет.
В конце концов, когда сойдутся,
Промеж себя поделят пай,
Один кричит: «Давай полкварты!»
Другой кричит: «Скорей давай!»
Трактирщик дело понимает,
С таким восторгом подает,
Как будто свадьбу он играет,
А сам он денежки берет.

г. Балаклава. Костанди П. Н.

44

Казал ме́не батька: «В море не ходи,
Сиди, сынку, дома да жинку гляди».
Не послухал батьку да в море пошол,
Думал найти счастье, да горе нашол.
Як повеют ветры, схвате полоса,
Лезьте, хлопцы, в гору убирать паруса.
Кончил, оборвался сам чуть-чуть не так.
Ой, упал же в море несчастный моряк.
Батька не заплаче, мать не буде знать,
Де его могила, де его шукать.

д. Осовина, Полтавский А. А.

45

Наш баркас идет по морю,
Треплет парус, рею гнет,
То сгарцавит, то даст ходу,
То чрез прову зыбь дает.
Замерзают наши сети,
Локти мокрые, коленки,
Это, братцы, нам привычка, —
Лишь бы рыба нам была.

г. Балаклава. Костанди П. Н.

46

Доля матросская, жизнь невеселая
Так тяжела и горька,
Потом и кровью копейка добытая,
Многие ночи без сна.
Часто рискуешь ты жизнью отчаянной,
В море на судне плывешь;
Не видеться будешь с родною отчизною,
В море погибель найдешь.
С полночи вахту пришлось мне стоять,
Холодно, дождь моросит,
Дикую музыку ветер играет,
Море бушует, кипит.
Ну и погодушка, — судно бросает,
Будто бы щепку в волнах,
Месяц на миг лишь покажется,
Скоро нырнет в облаках.
Мысли упрямые гнёздятся в голову,
Мысли о смерти подчас...
Скоро ль нам помощь окажется,
Скоро ль вы вспомните нас?
Вспомни, товарищ, ты прошлую осень,
Как с реи несчастный упал, —
Подняли с палубы кровью облитого,
Мучился бедный, страдал.
Я помню лицо, искаженное муками,
Дикий страдальческий взгляд,
Лужи кровавые всюду на палубе,
Кучей матросы стоят.
Он штурманом звался и классы окончил,
Но плавать матросом пошел;
Много трудился и много работал,
Но сам далеко не ушел.
Много видал он таких обездоленных,
Лямку матроса несут,
Терпят обиды и сносят мучения,
Будущим только живут.
Вот вам не даром копейка добытая,
Вот вам и жизнь моряка,
Каторга вольная, жизнь вся разбитая
Так тяжела и горька.
Жмут вас, бедняжки, на суше,
На море крохи последние рвут;
Жмут капитаны, помощники всякие
Штрафы большие берут.
Часто нам слышать приходится,
Про всех моряков говорят:
«Пьяницы горькие, грубые, дерзкие,
Подлый народ все подряд».

Были бы судьи вы менее строгие,
Если бы в море пошли,
Сами тянули канаты проклятые,
Жизнь по-собачьи вели...
Склянки пробили и мысли прервáлися.
Вот уж четыре часа;
Утро опять начинается,
Снова и дождь и гроза.

г. Мурманск. Неклюдов, штурман рыболовного тральщика. Вар.: 1) там же. Бурков С. С.; 2) там же. Фаддев Г. Ф.; 3) там же. Из тетради Бородкина; 4) г. Архангельск. Кочегар теплохода «Воронеж»; 5) там же. Из тетради Хорькова Д. И.; 6) г. Балаклава. Богус В. Н.; 7) с. Камызяк. Мордовченкова Н. К. В публикуемом варианте пропущены строфы, обычные в этой песне:

Вот уж неделя, как в море мы носимся,
Всюду в каютах вода,
В кубрике ветер взвивается, —
Экая, право, беда!
Тянешь канаты, льдом все обмерзшие,
Кровь по ладоням бежит,
Падает каплями, с грязью мешается,
Взглянешь, так сердце болит.

пос. Мудьюга. Бурков С. С.
В камызяцком варианте действие происходит в лодке, в балаклавском же варианте песня изменена на рыбацкую. См. след. текст:

47

Доля рыбацкая, жизнь незавидная,
Эх, тяжела и грустна,
Потом и кровью копейка добытая,
Долгие ночи без сна.
С голодом смолоду, с бурной погодушкой
Часто бывал я знаком,
Значит, бороться со злою невзгодушкой
Смелый рыбак нарождён.
Если б тянули вы сетку проклятую,
Жизнь по-рыбацки вели, —
Руки истресканы, шворкой прорезаны,
Капают капли крови,
Капают, капают, с грязью мешаются,
Вспомнишь, так сердце болит.
Вольная каторга, доля рыбацкая —
Вот вам вся жизнь рыбака!

г. Балаклава. Богус В. Н.

48

Раскинулось море широко,
Лишь волны бушуют вдали,
Товарищ, мы едем далеко,
Все дальше от нашей земли.
Не слышно на палубе песен,
Лишь синее море шумит,
А берег суровый и тесный, —
Как вспомнишь, так сердце болит.
На баке уж восемь пробило,
Товарища нужно сменить,
По трапу он тихо спускался,
Механик кричал: «Шевелись!»
«Товарищ, я вахту не в силах стоять», —
Сказал кочегар кочегару:
«Огни в моих топках совсем прогорят,
В котлах не поднять больше пару.
Поди им скажи, что я, мол, заболел
И вахту, не кончив, бросаю, —
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил, умираю».
Товарищ ушел, он лопату схватил,
Собрав все последние силы,
Дверь топки привычным толчком отворил
И пламя его озарило.
Лицо его, плечи и впалая грудь,
Глаза, опаленные жаром...
И если бы мог кто туда заглянуть,
Назвал кочегарку бы адом.
Сегодня нет ветра, нет мочи стоять,
Нагрелась вода, душно, жарко,
Термометр поднялся на семьдесят пять,
Без воздуха вся кочегарка.
Котлы паровые зловеще шипят,
От силы паров содрогаясь,
Как тысячи змей струи пара свистят,
Из труб кое-где пробиваясь.
На палубу вышел напиться воды,
Воды опресненной, нечистой,
Смывая с лица он катившийся пот,
Услышал он речь машиниста:
«Ты вахты, не кончив, не должен бросать,
Механик тобой недоволен,
Ты к доктору должен пойти и сказать,
Лекарство он даст, коли болен».
За поручень брался дрожащей рукой,
По трапу наверх он взбирался;

Идти за лекарством в приемный покой
Не мог, от жары задыхался.
На палубу вышел, сознания нет,
В глазах его все помутилось,
На миг увидал ослепительный свет,
Упал — сердце больше не билось.
К нему подбегают с холодной водой,
Стараясь привесть его в чувство,
Но доктор, взглянув, покачал головой:
«Напрасно здесь наше искусство».
Пришел и механик тогда посмотреть,
Покойника ткнул он ногою:
«Эх, если бы знал я, что он в рейсе умрет,
В Архангельске взял бы другого».
Всю ночь в лазарете покойник лежал,
В костюме матроса одетый,
В руках восковую свечу он держал,
Воск таял, жарою согретый.
А утром проститься к нему подошли
Матросы, друзья-кочегары,
Последний подарок ему принесли —
Колосник обгорелый и ржавый.
К ногам привязали его колосник
И труп его в саван свернули;
Собралось начальство, пришел капитан,
И слезы у многих блеснули.
Был чист, неподвижен в тот день океан,
Как зеркало, воды блестели;
Пришел пароходский священник-старик,
И вечную память пропели.
Доску приподняли дрожащей рукой,
И в саване тело скользнуло,
В пучине далекой, в пучине морской
Навеки, всплеснув, утонуло.
Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает, —
А волны бегут от винта за кормой,
Бегут и вдали замирают.
Так честная служба и верный наш труд
Напрасно в волнах погибают.

г. Архангельск. Кочегар теплохода «Воронеж». Вар.: 1) г. Мурманск. Махалу, матрос рыболовного тральщика «Краб»; кроме того, песня многократно отмечена в перечнях северного репертуара в экспедиционном архиве; 2) г. Керчь. Сергеев, рабочий; 3) с. Камызяк. Поляков А. Я

ПЕСНИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

49

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской;
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской.
Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их, —
Чу! Загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.
Там, среди синего моря
Вьется Андреевский стяг,
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».
Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем;
Борется стойко команда
С морем, с врагом и огнем.
Пенится Желтое море,
Волны сердито шумят,
С вражьих морских великанов
Выстрелы чаще летят —
Реже с «Варяга» несется
Грозный врагу ответ.
«Чайки, снесите отчизне
Русских героев привет!
Миру всему передайте,
Чайки, последнюю весть,
Что в битве врагу не сдалися,
Пали за русскую честь!
Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский стяг,
Сами взорвали «Корейца»,
Сами потопим «Варяг».
Видели белые чайки,
Как скрылся в волнах богатырь,
Смолкли раскаты орудий,
Стихла далекая ширь.
Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской;
Чайки несутся в Россию,
Крики их полны тоской.

с. Усть-Вага. Денисов И. М.

50

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых маньчжурских полей
Калека-солдат истомленный
К семье возвращался своей.
Приходит в убого жилище,
Ему не узнать ничего, —
Чужая семья там ютится,
Чужие встречают его.
И стиснула сердце тревога:
«Вернулся я, верно, не в срок!
Скажите, не знаете ль брата?
Где мать, где жена, где сынок?» —
«Жена твоя... Сядь, отдохни-ка...
Небось, твои раны болят». —
«Скажите скорее всю правду!» —
«Всю правду? Мужайся, солдат!
Толпа изнуренных рабочих
Решила идти ко дворцу,
Защиты искать с челобитной
К царю, как к родному отцу.
Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,
И насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена». —
«Но где же остался мой мальчик,
Сынок мой?» — «Мужайся, солдат!
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят». —
«Где мать?» — «Помолившись казанской,
Давно уж старушка пошла;
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила». —
«Не все еще взято судьбою,
Остался единственный брат —
Моряк, молодец и красавец!
Где брат мой?» — «Мужайся, солдат!» —
«Ужели и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?» —
«Ах нет, не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою.
Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит,
За то, что вступился за правду,
Своим командиром убит».

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А

ПЕСНИ О 1905 ГОДЕ

51

Мы вспомним старинные были,
Песню лихую споем,
Как при царе мы служили,
Как нас пугали крестом,
Били нас, в тюрьмы сажали,
Вешали нас на столбах.
В камере тесной и мрачной
Спит на соломе сырой
Приговоренный к мучительной казни
Этот матрос молодой.
Слышно, темница открылась,
Слышен был голос: «Вставай!
Ждет тебя священник приобщаться,
На вот, белье надевай».
Белье он надел, от попа отказался:
«Поп пришел душу спасать,
Сам же, подлец, он вчера расписался,
Чтобы меня расстрелять».
Вот зимнею ночью, далеко до рассвета,
Он в летнем бушлате дрожал;
Наголо шашки, полвзвода пехоты —
Строгий конвой провожал.
Вот уж виднеется яма глубокая,
Смертный прочли приговор, —
Смерть неизбежная, страшная, черная.
Щелкнул зловещий затвор.
Грянули залпы, и тело упало
В яму, как скошенный сноп;
Слезы текли по лицу адмирала,
Только спокоен был поп.

г. Балаклава. Вихтовский, **Водолазный техникум.**

52

Чуть светало над краем земли,
День вставал в отуманенной дали;
Молча их в полумраке вели,
Только цепи уныло звучали.
Шли вдоль моря. На мокром песке
След ложился и четко и прямо.
Вон столбы уж видны вдалеке,
Сзади каждого черная яма.
Ближе, ближе. А даль все светлей,
Ярче краски сиянья денницы.
И беспечно бряцанью цепей

Вторит песня проснувшейся птицы.
«Стой! Равняйсь!» Миг ужасный, мучительный миг,
Но сердца у героев не сжались,
И ни стон, ни отчаянья крик
С гордых уст их в тот миг не сорвáлись.
Смело взор их глядел на восток;
Грянул залп, и они повалились,
Алой кровью зарделся песок,
Капли крови текли и дымились.
И зарыли их тут же в земле,
И, уйдя, им прости не сказали;
Только волны в предутренней мгле
С плачем берег немой целовали,
Да взошедшего солнца лучи
Капли крови лобзали с любовью,
Да шептал ветерок: «Палачи, палачи!
Вы за смерть их заплатите кровью».

г. Архангельск. Из тетради Хорькова Д. И.

СОВЕТСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

53

Не забыть мне кровавые были,
Ночь и степь, где шумел Егорлык,
Помню я, как его уводили, —
Лишь матросский белел воротник.
Под винтовкой он вырыл могилу,
Дым махорки растаял кольцом.
Рядом враг... Смерть и мокрая глина —
Трепет тихий упал на лицо.
Не вчера ли трепал его кудри
Революции бурный норд-ост?
Не вчера ль с окровавленной грудью
С белобандами дрался за мост?
Только к вечеру кончилась битва,
Солнце кануло в ржавую муть;
Бронепоезд его был разбитый
И отрезан к Царицыну путь.
Злобно хмуря сердитые брови,
Офицер ему бросил вопрос:
«Твое имя, фамилия?» — «Пронин —

Черноморского флота матрос,
Командир бронепоезда «Ленин»,
А в прошлом — забитый батрак.
Умираю без сожалений
За красный советский флаг!»
Грянул залп, раскололся раскатом,
Замирая в степной дали.
Стук лопаты.
Солдаты ушли.

г. Архангельск. Из тетради Хорькова Д. И.

54

Низвергнута ночь, поднимается солнце
На гребнях рабочих голов.
Вперед, краснофлотцы,
Вперед, комсомольцы,
На вахты встающих веков!
Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда;
По всем океанам и странам развеем
Мы красное знамя труда!
Мы, дети заводов и моря, упорны,
Мы волею нашей крепки;
Не страшны нам, юным,
Ни буря, ни штормы,
Ни серые страшные дни.
Сгустились на западе гнета потемки,
Рабочих сдавило кольцо,
Но грянет и там броненосец «Потемкин»,
Но только с победным концом.
Смелее, бодрее под огненным стягом
С наукой, борьбою, трудом,
Пока не ударит всемирный штормяга,
Последняя схватка с врагом.
Пусть сердится буря, пусть ветер неистов,
Растет наш рабочий прибой.
Вперед, комсомольцы, вперед, краснофлотцы!
На бой!

с. Койда. Матвеева С. Л.

55

Путями бездорожными,
Под вой свинца и вьюг,
Мы шли и песню сло́жили
Под Ро́вдиным в бою.
Наша песня смелая

Родилась, как заря,
Наймитов банду белую
Мы гнали за моря.
Мы белых крепко стукнули,
Бежали юнкера,
И пала неприступная
Высокая Гора.
В походы шли и пели мы,
Пел с нами ветерок;
Пусть помнят гады белые
Под Кицами урок.
Путь помнят все изменники,
Как красные полки
В Усть-Ваге и в Березнике
Их брали на штыки.
Прогнали свору белую,
Всем партизанам честь, —
Звени же, наша смелая
Обветренная песнь!

д. Высокая Гора. Коноплева А. Н.

ПЕСНИ О РЫБНОМ ЛОВЕ

56

Заводят волны перебранку,
В сырой туманности заря;
Бота приходят на стоянку,
Поспешно бросив якоря.
Пока же море хмурит брови,
Пока шумит сердитый шквал,
Бота, уставшие на море,
Справляют временный привал.
Открыты настежь клуба двери,
Матроса сердце только тронь, —
С ногами, ставшими на берег,
Не может справиться гармонь.
День расправляет снова спину,
Все собрались без лишних слов:
«Даешь! Да здравствует путина,
Нас снова ждет хороший лов!»
А море густо пахнет рыбой,
И солнце, весело горя,
Скользит легко по светлой зыби;
Мы поднимаем якоря.

57

Это не ветер баллов на шесть,
Это не легкий бриз —
Был в этот день свирепый, как месть,
Ветра в вантах свист.
Все ледяною корой покрывало
На судне — и бак, и борта,
Море кипело и клокотало,
Горами вставала волна.
Ветер пронзительный режет,
Глаз не дает разомкнуть;
Сил не щадя, матросы держат
Тральщика трудный путь.
Волны громадные судно бросают,
В бездну морскую гнетут;
С мостика еле слова долетают:
«Эй, подтянись, не теряй минут!
Крепче задрайте трюма́ грузовые,
С вант обейте весь лед!
Зорче смотрите и вы, рулевые, —
Видишь, вал снова идет».
Море не станет губить напрасно,
Море не любит шутить, —
Тот, кто сплошал, кто не видел опасность,
Тот безвозвратно погиб.
Так штормовал всю ночь в океане
Траловый северный флот;
Двадцать команд победу стяжали,
Двадцать вернулись в порт.

г. Архангельск. Из тетради Хорькова Д. И.

58

Зашумели на просторе
Волны пеной вдалеке;
Много, много силы в море,
Больше силы в моряке.
Нам не страшен ветер в море,
Нас волной не захлестнуть, —
С ним теперь мотор поспорит,
Разрезая в волнах путь.
Было время, — бил бударки,
На мелях бросал волной,
Выбивал борты в подчалке,
Снасти с рыбой рвал порой.
А теперь поспорим с ветром,
Волны стали нипочем,

Отмеряем километры
На моторе имя «Гром».
Трудно спорить с коллективом,
Шторму уж не устоять,
Под напев волны бурливой
Будем сетки выбирать.
Дома нет в семье заботы,
Вдаль не смотрят старики,
Все в колхозе за работой
Вяжут сетки в штормяки.
И не гнет ловец уж спину,
Как, бывало, старики.
«План свой выполним в путину», —
Заявили моряки.

с. Камызяк. Акиншин, избач.

ПЕСНИ ОБ ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

59

Ты, Белое море, холодные воды
Сердито бросаешь навстречу борьбе,
Но наших судов ледяные походы
Отбить и вернуть не под силу тебе.
Ты, Белое море, готовишься снова
От нас оградиться заторами льда,
Но вспомни про славные рейсы «Седова», —
Его не могло победить ты тогда.
Навстречу буре бросив
Свою стальную грудь,
На землю Франц-Иосиф
«Седов» держал свой путь.
Увидит там и ныне
Любой лихой моряк, —
На ледяной равнине
Сверкает красный флаг.

г. Мурманск. Из тетради Бородкина.

60

Воздушный корабль на полюс летит,
На нем капитаном Нобиле.
«Италии» громко пропеллер гудит,
Гудят и моторы в кабине.
«Смелее, быстрее на полюс вперед,
Поборем стихию наукой,
Не страшен нам голод и холод и лед,

Поборемся с собственной мукой!»
А смерть замахнулась косой ледяной,
Взлетела смерчем урагана,
Рванула, скрутила, и кончен был бой,
А тайна покрылась туманом.
И вздрогнул весь мир, узнавши о том,
О драме в полярной пустыне.
Радио всем: «Мы помощи ждем.
«Италия» гибнет. Нобиле».
Забились сердца у отцов, матерей,
Друзья затрубили тревогу,
И собрались лишь за несколько дней,
Весь мир поспешил на подмогу.
Холодное море сердито шумит,
Страшна глубина океана,
От СССР им на помощь спешат
Два сильных морских великана.
Идут ледоколы, на полюс спешат,
Во льдах пробивая дорогу,
«Малыгин» и «Красин» им радио шлют:
«Держитесь, идем на подмогу».
«Быть может, в живых не застанем совсем,
Опасны полярные звери...»
Но радио с «Красина», радио всем:
«Найдена группа Вильери».
И дальше вперед, пробиваясь сквозь лед,
Наш «Красин» в борьбе не устанет.
А вот и Чухновского смелый полет,
Над морем он смело летает,
На солнце сияет его самолет;
И вдруг показалися тени:
«Смотрите, смотрите скорее на лед!»
Напрасны надежды — тюлени.
И вновь, наблюдая, стоит у окна
Механик Шелагин в кабине,
И вдруг показалась фигура одна,
Флагом махая, на льдине.
На «Красине» руль повернул капитан,
И громко завыла сирена,
И радио с «Красина», радио всем:
«Найдена группа Мальмгрена».
Лишь двое остались, Мальмгрена же нет,
Погиб он в полярной пустыне;
Погиб Амундсен, и тужит весь свет,
Следов не нашли и поныне.
О подвигах «Красина» песни звучат,
Его прославляют в народе.
Встречает героев родной Ленинград
Из их ледового похода.

г. Архангельск. Из тетради Кузнецова В.

61

Что смотришь на море невесело, друг,
Чего затуманился взгляд?
Последний корабль отплывает на юг,
Последние чайки летят.
Отправлены письма жене и друзьям,
И в сердце кольнул холодок, —
Последнее солнце блистает, а там
Надолго погаснет восток.
Возьмем карабины, подтянем пимы,
Собачью упряжку возьмем;
Пойдем на разведку полярной зимы,
На «белые пятна» пойдем.
На «белые пятна», за синие льды,
Исследуем глуби до дна,
И бурей повитые наши следы
Положит на карты страна.
И ветры изучим, чтоб было видней
Движенье опасное льдов,
Чтоб плыли спокойно к далекой Лене́,
Дымя, караваны судов.
Далёко, далече родная страна,
Крепчая, над миром встает;
Далёко, далече, но с нами она
О Сталине песню поет.
Возьмем карабины, подтянем пимы,
Собачью упряжку возьмем;
Пойдем на разведку полярной зимы,
На «белые пятна» пойдем.

г. Архангельск. Из тетради матроса рыболовного тральщика «Ненец»

62

Летят мечты на север дальний.
Где море, где сплошные льды
Плывут громадою печальной,
Покрыты инеем седым.
Там ледоколы пробивают
По Арктике суровый путь,
Все трудности одолевают,
Чтоб дальше к северу шагнуть.
Сквозь эти льды, туман и бури
«Ермак» и «Красин» и «Садко»
Свой путь упорно продолжали,
На север двигаясь легко.

г. Архангельск. Из тетради Хорькова Д. И.

63

От простора, где бьются за бортом
Косматые комья пурги,
Дрейфующей льдиной затертый,
Отважный «Челюскин» погиб.
Но помощь подать всем умеет,
Железною стройкой сильна,
Крылатая родина смелых,
Простая, как песня, страна.
Их подвиг запомнят все страны,
Их перечень прост и широк:
Там был Михаил Водопьянов,
Каманин, Доронин, Слепнев.
На крыльях, Союзом отлитых,
Вернулись из снежных полей
Челюскинцы лагеря Шмидта,
Искатели новых путей.
Мы знаем, что в челюстях узких,
Морскую сжимающих грудь,
Другой непреклонный «Челюскин»
Продолжит намеченный путь.

с. Чубола-Наволок. Из тетради Латухиной Л.
Вар.: пос. Замосгы. Новикова И.

ПЕСНИ О СОВЕТСКИХ МОРЯКАХ

64

Вдали горит свечой маяк,
Скользит вода, плеща.
Прощай, любимая моя,
Далекая, прощай!
Не дрогни долго на ветру,
Прижав ко лбу ладонь,
Погаснет тлеющий, как трут,
В далекой тьме огонь.
Корабль плывет, плывет легко,
А ночь, как из стекла;
Круглеет на небе луна
Сквозь хмурь и облака.
Пчелой жужжит тихонько лаг,
Ушедший берег сер.
И алой птицей вьется флаг,
На нем же буквы СССР.
Сияющая мгла
И плеск текучих глыб, —

Не плачь, любимая, не плачь,
Моряк умеет плыть.
Когда же бури черный конь
Взметнется на дыбы,
Ты вспомни тлеющий огонь
И ночь и волн горбы.
И пусть же твой угрюмый страх
Летит от сердца прочь,
Моя любовь, моя сестра,
Пошли улыбку в ночь!
Пусть мчится чайкою сквозь хмурь
Поверх седых горбов.
Могу ль страшиться гнева бурь,
Когда со мной любовь?
Давно сгорел свечой маяк,
Скользит вода, плеща.
Прощай, любимая моя,
Далекая, прощай!

г. Мурманск. Из тетради Бородкина

65

Мы рождены, чтоб бороздить стихию,
Суда вести по всем морям земли;
Вперед идем, беря за милей милю,
И видим цель великую вдали.
Все дальше и дальше и дальше
В открытое море идем
И в штурманском бодром марше
О жизни моряцкой поем.
Смелее в даль, где брызгами морскими
Играет с ветром бурная волна;
За труд беремся мышцами стальными,
Чтоб крепла мощью красная страна.
Мы — штурмана́ страны под красным флагом,
Страны рабочих и крестьянских масс,
Вперед идем к великой стройке верной,
Где авангард в борьбе — рабочий класс.
Из нас куются кадры молодые,
И мы должны все оправдать себя;
Задачи дня у нас стоят большие,
Мы в жизни станем скоро у руля.
Мы рождены, чтоб бороздить стихию,
Суда вести по всем морям земли;
Вперед идем, беря за милей милю,
И видим цель великую вдали.

г. Керчь. Из тетради Колтуновича С. И.

66

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью
И овладеть пространством под водой,
Чтобы и там был разум человека,
Который смог бы строить под водой.
Все ниже и ниже и ниже
Стремимся спуститься мы в глубь,
И в каждом скафандре у нас дышит
Спокойно развернута грудь.
Идя на суше, мы не сробеем
И не сробеем также на водах;
Когда где что-нибудь утонуло,
Готовы мы поднять всегда.
Мы побеждали и победим,
Установили мировой рекорд,
И мы добьемся спусков еще ниже —
Поднять «Челюскин» из глубоких вод.

г. Балаклава. Фрейтаг, Водолазный техникум

67

Солнце смотрит с скалистых вершин.
Мы — водолазы морских глубин,
Поднимем подлодку, корабль, баркасы.
Эй, смелей, бойцы-водолазы!
Краснознаменный ЭПРОН, шагай
И песни громко распевай!
В холод, в стужу, в жару и зной
Работаем твердой рукой;
Во льдах океана, в озерах и в море
Мы ходим в подводном просторе.
Не страшны нам угрозы врагов, —
Водолаз дать отпор готов.
Если мины мы в море найдем,
Для защиты страны сбережем.
Ударной работой всюду кипят
Сотни подводных рабочих бригад;
Советский Союз никому не сдадим,
Врагов зарубежных всегда победим.
Мы песню запели во сто голосов,
Наш главный начальник — товарищ Крылов,
Старый подводник глубоких морей.
На грунт водолаза спускайте скорей!
Шагайте, эпроновцы, смело вперед,
Вам уже новая смена идет.
Солнце светит с скалистых вершин
Нам, водолазам морских глубин.

г. Балаклава. Зиновьев И., Водолазный техникум

Идут миноносцы,
Но их не боятся
Все краснофлотцы.
Поднимем флаги,
Что к бою готовы,
Станем в защиту
Советского моря.

г. Балаклава. Фрейтаг, Водолазный техникум.

ЧАСТУШКИ

ЧАСТУШКИ

«Частушки строятся из чистого языка» [1], — писал А. М. Горький. Это определение особенно характерно для северных частушек. Они отличаются величавостью, сближающей их со старинной протяжной песней. Этому способствуют своеобразный напев, образность, обилие старинных словообразований, характерных и для разговорной речи населения Севера (например, суффиксы «ушк», «юшк» («головушка», «вóдушка»); большое количество слогов в стихе (до девяти вместо обычных шести-семи), причем количество слогов часто чередуется для четных и нечетных стихов частушки (№ 23):

Белогруденькая чаечка,
Не ты ли мне сестра?
Горя не было, печалюшки,
Не ты ли принесла?

Для традиционного северного народного творчества характерна переходная форма от частушки к песне: в шесть — восемь и более стихов (№№ 5, 24).

Частушки органически связаны с песнями не только по художественным признакам — образам, ритму, но и по основным темам. Частушки о море являются самыми характерными для приморского Севера. Для частушек, как и для других жанров устного творчества на Севере, чрезвычайно примечательно наличие близких вариантов под Новгородом, что служит еще одним подтверждением постоянных связей между этими районами русского рыболовства.

Из экспедиционного архива, содержащего 2517 частушек, для настоящего издания отобрано всего 159; из них подавляющее большинство северных и часть астраханских. Это главным образом частушки, в которых отображены черты местного промыслового быта и природы. Многие частушки в экспедиционном архиве представляют собой варианты публикуемых текстов. Частушки, рисующие быт дореволюционной северной деревни и не сохранившиеся в живом бытовании, взяты из рукописных сборников Хохлина и Михова.

[1] А. М. Горький. О бойкости. «Известия ВЦИК СССР», 28 февраля 1934 г.

Для лирических частушек характерны эмоциональность и наличие образов, взятых из окружающей природы, промысла, быта. Частушки, говорящие о каком-либо конкретном бытовом явлении (сватовстве, поездке на пароходе и т. п.), не отличаются сложностью формы и часто носят шуточный характер. К этой второй группе северных частушек ближе каспийские.

Тематика каспийских частушек имеет много общего с тематикой северных: лов рыбы, работа на береговых промыслах, проводы в море.

В советских частушках отражена новая жизнь — колхозное строительство, индустриализация промыслов, социалистические формы труда.

И в северных и в каспийских частушках часто говорится об участии в промысле женщин. При этом интересно проследить изменение роли женщин в промысловой жизни, как оно вырисовывается в частушках советского времени по сравнению с дореволюционным. Раньше девушки занимались только местным промыслом — уженьем и ловлей сетями у морского берега или на речке близ деревни. Молодые же промышленники уезжали на дальние промыслы. Поэтому в дореволюционных частушках так ярко звучала тема разлуки. В частушках советской молодежи, наоборот, выступает тема совместной работы и соревнования на промысле, общественной работы комсомолки.

Среди старинных частушек чрезвычайно популярна была частушка о бедной девушке, сожалеющей о невозможности удержать возле себя милого, уходящего в наем на Мурман на тресковый промысел (№ 15).

О тяжелой судьбе девушек, вынужденных идти в «казачихи», т. е. в наем («покрут») к местным богачам, пелось (Рук. сб. Михова):

Уж ты, бра́телко родной,
Сделай петелку одной;
В казачихи не наймусь,
Лучше в петле задавлюсь.

Мне-ка братец говорил:
«В казачихи не ходи,
О покруте не заботься,
И поумней дома живи».

В рукописном архиве В. И. Семакова[1] имеется записанная на Севере частушка, говорящая об угнетении наемных работниц хозяйками:

Казачихи бедные,
У них кольца медные,
Серьги оловянные,
Хозяйки окаянные.

Отзвуки социального расслоения дореволюционной промысловой деревни слышны во многих других частушках. В одной из них говорится, что «дроле» не следует бояться «бедноты» девушки, так как и он «не из крашеного дома». «Крашеный дом» — признак богатства, так как избы деревенских богачей облицовывались тесом и покрывались масляной краской. Характерно, что образ крашеного дома лег в основу исключительной по силе социального протеста песни покрученника-зверобоя

---

[1] Государственный Литературный музей; фонды.

Ледокол ведет пароход в Архангельск

Ледокол ведет караван судов во льдах

Ледокол «Красин»

из с. Койды о том, что рабочие «кровью красили дома» своих хозяев (№ 40).

В частушках, взятых из рукописных сборников, черта за чертой вырисовываются быт и интересы старой приморской деревни.

Характерны для этих сборников частушки о «пароходских ребятах» и о самом пароходе — «ревушеньке», который заменил образ парусного «карбаска».

Кроме мореплавания и промысла, в частушках отражен также лесосплав, занимавший издавна большое место в занятиях жителей северных деревень. Много частушек посвящено сенокосу.

Частушки, говорящие о положении женщины в старой деревне, о ее неравноправии, перекликаются с тематикой и настроениями свадебных и лирических песен о браке (№ 97).

По ритму и юмористическому характеру ряд частушек о сватовстве близок к «плясовым» частушкам (отчасти и песням), что объясняется обстановкой, в которой они исполнялись — их пели гости на свадебных вечерах.

Черты окружающей северной природы — море, озера и реки, обрывистые крутые берега, ельник, скудный вереск, серый камень, туманы, суровый ветер — запечатлены в частушках.

Море (№№ 16—36), так знакомое девушкам-северянкам, его бесконечная даль, глубина и волнение служат в частушках образом невольной разлуки с милым.

В старинных частушках о море слышится то острая горечь недавнего прощания, то наивная досада, что нет милого — провести с ним время на вечеринах и праздничных качелях; то зависть к подругам, у которых «дроли» дома; то стремление послать о себе весть с птицей милому, находящемуся неизвестно где — «далеко морями»; узнать от ветра о его судьбе. Девушка ищет сочувствия своей грусти то у матери, то у подруги; в сердце ее закрадывается тяжелое сомнение о судьбе милого: жив ли он, не погиб ли в море на промысле. Приближается время возвращения моряков, и с замиранием сердца девушка встречает каждое судно, пока не дождется своего милого.

Для частушек, сложенных в советское время, обычны бодрые пожелания девушки послать милому письмо с «почтовым карбасом», получить от него весточку с самолета, дать ему знать о себе телеграммой на далекую «речку Каню» — на Канинский полуостров. Пред ней встает образ милого, который читает письмецо, прислонившись к стене каюты на моторном боте, на промысле. Ее желание — по телефону «во всякий час» «рассуждать» с милым, уехавшим на Мурман.

«Зыбучий» морской и речной лед (№№ 37—40) обычно является образом непрочности любовной привязанности или ожидаемой перемены в жизни. Образ ветра используется как зачин в частушках о разрыве с милым, об его измене, легкомыслии (№№ 41—43). Непостоянного человека в северных деревнях называют «ветродуй», что соответствует литературному «ветреный». «Угор» — крутой обрывистый берег — символизирует утрату девичьей чести (№№ 44—46). Любопытен также образ «отлива» как любовного охлаждения.

В частушках нередко упоминаются северные птицы — чайка, белая куропатка, дикий гусь, утка. Утка — обычно образ счастливой соперницы,

8. Зак. 95

как в песнях утка — образ замужней женщины. В этих частушках идет обычно речь о соперничестве двух девушек, одну из которых и ждет замужество.

Частушки о переезде через реку особенно популярны на Севере, где сообщение водой — самое удобное, а любая девушка—отличный гребец. В этих частушках образно выражается то надежда на соединение с милым: девушка или сама переезжает в лодке к милому или он переносит ее; то отказ от брака: отчаливание от берега, на котором он остается, или невозможность справиться с течением (№ 51).

Обычны в частушках местные названия, конкретное географическое приурочивание их. Наиболее часто упоминается Северная Двина.

Частушки быстро откликаются на все новое, что появляется в быту промыслового населения Севера и Юга. Эта злободневность позволяет их считать одним из ведущих жанров советского народного творчества.

В частушках того периода, когда производилась запись их (1930—1938 гг.), поется о работе в колхозах, в колхозных бригадах, о соревновании девушек с молодыми промышленниками-колхозниками «на вентерях» — особой снасти, о стахановском движении, об их активном участии в колхозном промысле:

Задушевная подружка,
Мы в колхозе будем все,
Будем весело работать
На хорошей на тоне́.

В частушках часто говорится о заново освоенных районах Крайнего Севера: Мурмане, Канинском полуострове (Канине). На Канин, лежащий на сотни километров севернее села Койды, где были записаны частушки, издавна уходили промышленники на сезонный лов наваги. В советское время там стали основываться постоянные поселки с благоустроенными жилищами для местных и приезжих рыбаков, морозилки для рыбы и т. п. Часто упоминаются реки Канинского полуострова: Кия, Каня (№№ 115, 121). В советских частушках, посвященных лову трески на Мурмане, поется о промысловых моторных судах и о рыболовных тральщиках.

Много художественных и своеобразных частушек сложено о морском промысле гренландского тюленя с ледоколов. Сохранены в них названия ледокольных пароходов: «Седов», «Малыгин» и других, на которых уходили на «зверобойку» промышленники беломорских колхозов, преимущественно с Зимнего берега:

Пароход идет «Седов»,
Как бела снежиночка,
А на этом пароходе
Брат да ягодиночка.

В койденских частушках поется о том, как зверобои с ледокола «промышлять спустилися», о промысловой авиаразведке залежек тюленей во льдах, о «стро́жке» — съемке сала со шкур, проводимой уже в порту, о фактории — пристани со складами и мастерскими в Архангельске, где сгружают с тральщиков и ледоколов их добычу.

По-новому звучат советские частушки о проводах милого, отправляющегося служить «на флот» (№№ 148—152). Девушка полна бодрости:

Взяли дролечку на флот
На четыре годика,
Хоть и на восемь — дождусь,
Девушка молоденька.

Запись частушек, в основном, проводилась от молодежи — девушек в промысловых деревнях и селах или на месте их работы в городах: на тралбазе Севгосрыбтреста в Архангельске, на фактории и в сетевязальной мастерской; на канатной фабрике имени Розы Люксембург, на лесозаводе имени Молотова. Молодые работницы, обступив меня во время перерыва на работе или в общежитии, пели или передавали частушки обычно наперебой, почему и не было возможности отмечать фамилию каждой, и пришлось затем ограничиваться в паспорте частушки указанием: «Работницы такого-то предприятия». В селах установить фамилии было легче.

Наиболее выдающимися «частушечницами» из числа тех, у кого мне случилось записывать на Севере, являются А. Н. Волкова из села Верхней Уфтюги и Г. Н. Малыгина из села Койды. Мастерство этих частушечниц не случайно: обе они — хранительницы и других традиционных жанров устного народного творчества. А. Н. Волкова — внучка лучшей сказочницы того же села А. М. Вячеславовой, от которой она переняла множество сложных и высокохудожественных загадок.

Г. Н. Малыгина принимала участие в путине на Канине, где сама составила серию частушек под названием «Калинка» для живой газеты. Она знала много песен, сложенных советскими поэтами. От нее же были записаны и лучшие образцы старинных песен — «отвальных», которые пелись при проводах промышленников в море, «рекрутских», лирических. Таким образом записи от Г. Н. Малыгиной особенно показательны для характеристики состояния устного народного творчества того времени в далеком селе на Зимнем берегу.

СТАРИННЫЕ ЧАСТУШКИ

1

Мой миленочек уехавши
На озеро Ильмень;
Я, молоденькая девушка,
Проплакала весь день.

2

Я мальчишечка-поозёр,
Девченка-поозёрочка;
Возьмем сетки, сядем в лодку,
Поедем на озёрочко.

д. Завал. Максимова Т. И.

3

Наше озеро в тумане,
Тихо барочка плывет;
Мой забавочка на льяле,
Всю дорожку воду льет.

4

На окошечке ерань
Морозом приморозило;
Мой забавочка ловец —
Не дождаться с озера.

с. Самокража. Пехова **А. О.**

5

Девки у́дили, поуживали,
По рекрутику потуживали.
Да сказали — запала вода,
Скоро из Кеми приедут некрута;
Да сказали — вода прибыла,
Семерых забре́ли—приняли,
Да еще одного в Кеми оставили,
Горевать его заставили.

д. Лапино. Рук. сб. **Михова**

6

Уж я у́дить-то ходила,
Поморозила лицо;
Один раз гулять сходила,
Подарил дроля кольцо.

с. Койда. Попова А. О.

7

Зябнут ножки ото льдинки,
Ручки от наживочки;
Не видала я мило́го
Кроме вечериночки.

с. **Кушрека.** Рук. сб. **Хохлина**

8

Хорошо рыбу ловить,
Кото́ра попадает;
Хорошо парня любить,
Который уважает.

Сумский посад. Рук. сб. **Михова**

9

Я спрошу у рыболова:
Рыба ходит ли по дну?
Я спрошу-ка у мило́го:
Любит трех или одну?

г. Архангельск. Работницы тралбазы

10

Неглыбокая канавка,
Рыбочка за рыбочкой;
Интересный мой приятка
Говорит с улыбочкой.

с. Сергово. Аввакумова Е. В.

11

Нет, нету рыболе́ту(?)
Свежу рыбицу ловить;
От родных приказа нету
Тебя, дро́лечка, любить.

с. Койда. Малыгина Е.

12

Скучаю, дролечка, по вам,
Как се́ра утка по волнам,
Бе́ла рыба по воде, —
Скучаю, дроля, по тебе.

с. Койда. Малыгина А. П.

13

Вы подумайте-ка сами,
Как расставаться мне-ка с вами, —
Легче ры́бинке с водой,
Чем, хорошенький, с тобой.

с. Сорока. Рук. сб. Михова

14

Рыба по́суху не ходит,
Без воды не может жить;
Парень девушку полюбит,
Без нее не может быть.

г. Архангельск. Работницы тралбазы

15

Кабы я была богата,
Откупила бы дружка,
Не спустила бы на Мурман,
На приглу́бы бережка.
с. Чубола-Наволок. Латухина Л.

16

Мама, горе, мама, горе,
Под окошком сине море;
Море сине глубоко́,
Мил уехал далеко́.
б. Кемский уезд. Рук. сб. Михова

17

Я у маменьки одна,
Речку смерила до дна;
Уехал ягодка на морюшко,
Осталася одна.
с. Сорока. Рук. сб. Михова

18

Была я у морюшка,
Видела погодушку,
Еще крутые бережка,
Хожу без милого дружка.
с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

19

Сине морюшко глубо́ко,
Не видать у моря дна;
Мой-от дролечка далёко,
Не видать годочка два.
с. Койда. Матвеева С. Л.

20

Ты не дуй-ка, ветер Север,
Со синёго морюшка, —
У меня дроля в той сторонке,
Прибавляешь горюшка.
с. Койда. Малыгина Г. Н.

21

Не буду плакать-горевать,
Слезами море наливать —
Слезами моря не нальешь,
Только сердечко надорвешь.
с. Койда. Матвеева А. Ф.

22

Далеко-далеко
Дролечка морями;
Был бы дролечка поближе,
Сбегал вечерами.
с. Койда. Матвеева С. Л.

23

Белогруденькая чаечка,
Не ты ли мне сестра?
Горя не было, печалюшки,
Не ты ли принесла?
с. Койда. Малыгина Г. Н.

24

Платочек бел, платочек бел,
Платок на воздух улетел, —
Через сине морюшко
Да к милому в стеко́лышко,
Через Волгу-матушку
К милому в палатушку.
д. Лапино. Рук. сб. Михова

25

Мне бы крылышки гусиные,
Серебряный полет, —
Полетела бы, проведала,
Где дролечка живет.

26

Я надену платье бе́ло,
Буду лебединочка;
Посмотрю на сине море:
Где мой ягодиночка?
с. Койда. Малыгина Г. Н.

27

Купи, батюшка, на платье
Голубого гарусу.
Погляди на ягодинку
На́ море на ярусе!

Сумский посад. Рук. сб. Михова

28

Пойдем, подруженька, на пристань,
На сине море поглядим, —
Там буйные погодушки,
О том поговорим.

29

«Пойдем, подружка, помолотим,
Дружков с моря поворотим!» —
«Сыро, не молотится,
Ушли, так не воротятся».

с. Сорока. Рук. сб. Михова

30

Ездил миленький по морюшку,
По самой глубины́,
Уронил свою тальяночку,
Не придет никады́.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

31

Не́що взамуж торопиться
Не за милого дружка, —
Лучше в морюшко спуститься
Со крутого бережка.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

32

Уж ты, Аннушка-подружка,
Приразбай-ка горюшко, —
Не ходи не за любого,
Дожидай-ка с морюшка.

д. Лапино. Рук. сб. Михова

33

Говорят, суда видать,
Видать и по́лы водушки;
Мне вовеки не забыть
Мило́го поговорюшки.

34

Из-за Па́сканца выходят
Два судёнка, оба вдруг;
На одном судёнке дроля,
На другом подружки друг.

35

Из-за Па́сканца-мыска
Выбега́т два паруска, —
Наконец-то дроля едет,
Отойдет у меня тоска.

36

Поедешь, дролечка, на морюшко,
У Па́сканца постой;
Сколько я потосковала,
Потоскуй же, дроля мой!

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

37

Скоро, скоро снег сойдет,
На нашей речке лед пойдет;
Сяду я на льдиночку,
Спроведаю кровиночку.

с. Самокража. Пехова А. О.

38

Я иду по синю морюшку,
Качается ледок;
Мне недолго жить на Уфтюге,
Еще один годок.

с. Верхняя Уфтюга. Волкова А. Н.

39

Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу;
Перебрось, дроля, тесиночку,
А я перебегу.

40

Я на льдиночку ногой,
Льдинка выгнулась дугой;
Через неделю я узнала, —
Дроля ходит со другой.

41

Скоро-нет ветер задует,
Скоро-нет засеверит?
Скоро-нет милёнок женится
И меня освободит?

с. Койда. Малыгина А. П.

42

Дуй, погода, дуй, погода,
Дуй, погода, белый снег;
Задувай-ка ты, погода,
У крылечка дролин след.

с. Койда. Матвеева С. Л.

43

Вы повейте, ветерочки,
С четырех сторон в одну,
Унесите, буйны ветры,
Кре́пку думушку мою.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина.

44

По уго́рушку иду,
По самому надве́су;
Не для замужества люблю,
Люблю для интересу.

с. Койда. Попова А. Ф.

45

У крутого бережка
Дроля умывался;
До меня, до девушки,
Три года добирался.

46

Не ходи ты, дроля, тут,
Ведь ты потонешь, берег крут!
Ягодиночка ты мой,
Готова я тонуть с тобой.

д. Нюхча. Рук. сб. Михова

47

Через быструю речёночку
Просила перевоз;
Расхорошенький парнишечка
На ручках перенес.

48

Как те, реченька, не тесно
Между камешков бежать?
Как, забавочка, не совестно
Другую провожать?

49

Наша речка пересохла,
Выйду я на рёлочку;
Привыкай, мое сердечко,
К новому милёночку.

с. Сергово. Аввакумова Е. В.

50

Наша речка не широ́ка,
Посередке полынья;
Поздно, милочка, схватился
Уговаривать меня.

с. Самокража. Пехова А. О.

51

Я гребу, гребу, гребу —
Лодочка ни с места;
Отписала я дружку, —
Се́йгод не невеста.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

52

За реку́ ведь не переехать
И пешком не перейти;
У меня не стало смелости
К миломý подойти.

53

Дайте лодочку, весёлышки,
Поеду за реку́;
Не моя ли ягодиночка
Стоит на берегу?

с. Койда. Матвеева С. Л.

54

Сроду в лодочку не сяду,
По реке не поплыву;
Ягодиночки не брошу,
На людей не погляжу.

55

Села в лодочку на кро́мочку,
Машу, машу рукой, —
Сероглазый ягодиночка
Остался за рекой.

г. Котлас. Нечаев А. О.

56

Я тогда тебя забуду
И в спокое буду жить,
Когда Уфтюга обсохнет
И Двина не побежит.

с. Верхняя Уфтюга. Волкова А. Н.

57

Посмотрите на Двину:
Несет платок на льдиночке.
Девки, кончена любовь,
Скажите ягодиночке.

с. Койда. Матвеева С. Л.

58

До свиданья, речка Ка́менка
И Северна Двина,
Ой как, маменька, наскучила
Чужая сторона!

с. Койда. Малыгина Г. Н.

59

Я уеду, я уеду
Вдоль по Северной Двине;
С кем мой дроля загуляет,
Отпиши, подруга, мне.

г. Архангельск. Работницы лесозавода

60

Погляжу я на Двину,
Лес разносит по бревну;
Моя глупая головка
Привязалась к одному.

с. Красноборск. Работницы столовой

61

Засвистели пароходы,
Загорели фонари;
Скоро, скоро отработаем
На бирже у пилы.

г. Котлас. Нечаев А. О.

62

Скоро барочки-яро́вочки
Нагрузятся дрова́м;
Замечай, моя хорошая,
Высокий караван.

г. Мурманск. Богданов Я.

63

На беляевских плашко́тах
Паруса вертели;
Дай-ка, душечка, платочек,
Страсть перепотели!

с. Сорока. Рук. сб. Михова

64

Обойдемте кругом о́строва,
У всех ли огоньки?
Посидим, мой расхорошенький,
Последние деньки.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

65

Утка се́ра, шейка бе́ла
Возле бе́режка плыла;
Девка сме́ла к парню села,
Разговоры завела.

с. Койда. Матвеева С. Л

66

Как те, уточка, не холодно
Реку́ переплывать?
Как те, дролечка, не совестно
Меня позабывать?

с. Койда. Матвеева А. Ф.

67

Вижу, вижу по походке —
Рученькой пома́хиват;
Второй год на пароходе
Штурманом поха́живат.

д. Лапино. Рук. сб. Михова

68

Нету, нету интересу
В кочегарку дров возить;
Нету, нету интересу
Кочегарщиков любить.

с. Сорока. Рук. сб. Михова

69

Распроклятая ревушенька,
Ты куда торопишься?
На тебя народ насядет,
Ты не поворотишься.

с. Койда. Матвеева С. Л.

70

Ягодиночку садила
На «Воронеж»-пароход;
Поневолюшке осталась, —
Пошел на полный ход.

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А.

71

На пароходике была,
Спускалася по тро́стику;
Последний раз дроля махнул
С парохода с мостику.

с. Койда. Малыгина А. П

72

Мне не весело, грит, летом,
А мне весело зимой:
Пароходы не заходят,
Придет дролечка домой.

73

Дролечка на пароходе,
А спит на узкой коечке;
Дайте адрес с пароходу,
Я поеду к дролечке.

г. Котлас. Нечаев А. О.

74

Пароход-то идет «Кереть»,
С пароходу дна не смерить;
Дна не смерить — глубоко́,
Уехал дроля далеко́.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

75

Пароход идет «Анюта»,
На нем кра́шена каюта;
Пароход идет парами,
Печка топится дровами.

с. Койда. Матвеева С. Л.

76

Пароход идет по морю,
Белое сияньице;
А приходи, дроля, на пристань,
Сделаем свиданьице.

г. Котлас. Нечаев А. О.

77

Пароход пошел на низ,
Помашу перчаточкой;
Да поздравляю, дроля, вас
С новой супостаточкой.

78

Пароходики из Вологды,
Из Вологды опять;
С ягодиночкой увидимся
Годочков через пять.

79

Пароходы не заходят,
И свистки не засвистят;
От тоски меня схоронят,
Дролечки не известят.

с. Верхняя Уфтюга. Волкова А. Н.

80

Пароходы из Архангельска
Тихонечко идут;
Нет ли весточки от дролечки,
Скажите кто-нибудь?

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А.

81

Пароход идет в Онегу,
Я глядела на него;
Молоды́ идут ребята,
Нет ли дроли моего?

82

Ветерочки подули,
Пароходики пришли;
Почему же наши дроли
Се́йгод с моря не пришли?

83

Все суда к реке приходят,
Парохода долго нет;
Все ребята дома ходят,
Моего мило́го нет.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

84

Я сижу на бережку́,
Дожидаюсь любушку;
Пароходик зашумит,
Да ко мне милый прикатит.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

85

Пароход идет «Никита»
Из-за Ольского мыса́;
Дроля в беленькой рубашечке
Стоит у колеса.

г. Архангельск. Работницы тралбазы

86

Пароход идет «Анис»,
С парохода кланялись;
Пароходские ребята
Очень нам понравились.

пос. Териберка. Никулина

9. Зак. 95

87

Пароход в реку заходит,
Он свисточек подает;
С парохода мил съезжает,
Пра́ву руку подает.

с. Койда. Малыгина А. П.

88

В поле чаечка летает,
Золотые крылышки;
Не сошел бы с парохода,
Завлекает милочка.

г. Архангельск. Работницы лесозавода

89

Берег с берегом не сходится
Вове́ки никогда;
Мой забавочка не женится,
Пока не выйду я.

90

Меня мама берегла,
В каждый день блины пекла;
Рыбку жарила сижки,
Чтоб любили женишки.

с. Сорока. Рук. сб. Михова

91

Я сегодня рыбу ела,
Рыба ко́стливая;
Для того ребята любят —
Незано́сливая.

д. Лапино. Рук. сб. Михова

92

Дорогую рыбу ела,
Рыба у́жена была;
Видно, я тебе, мой дролечка,
Не су́жена была.

г. Архангельск. Работницы тралбазы

93

Я сегодня рыбу ела,
В рыбе сердце видела;
За кого взáмуж хотела,
Маменька не выдала.

с. Койда. Малыгина Е. Ф.

94

На чужой сторонушке
Поклонишься воронушке:
«Здравствуйте, воронушки,
Не с нашей ли сторонушки?»

с. Койда. Матвеева С. Л.

95

Не пойду в Сороку замуж,
Сельдей кáрбасом ловить;
Лучше выйду в Сýму к речке,
Буду барыней ходить.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

96

Не ходите замуж рано,
Белые лебёдушки —
После вас будут у нас
Веселые бесёдушки.

с. Койда. Матвеева С. Л.

97

Эко морюшко синее,
Житье девушкой красивое;
Эко море окиянское,
Житье бабье окаянское.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

98

Парусник идет на море[1],
На волнах качается;
Мой миленок на судне́
За шкота́ хватается.

99

Чьи таки бегут подча́лки?
Камызяцки моряки.
Не боли, мое сердечко,
Через эти пустяки.

100

Я выйду на край моря,
Паруса белеются;
Мой милый на корме,
Фуражка чернеется.

101

«Дорогая, куда едешь?»—
«Дорогой ты, по морю».—
«Дорогая, простудишься
По такому холоду».

102

Полута́рочки катала,
Мил уехал, — не видала;
Полута́рки-ме́лки доски,
Мил уехал, а я в слезки.

103

А мы рыбу режем, режем,
Да назад оглянемся:
Не бежит ли приёмочка,
Кого дожидаемся.

---

[1] №№ 98—108 записаны в с. Камызяк и на Калиновском промысле.

104

Бежит лодочка бочком,
Нагружёна судачком.

105

В море лодочка мота́тся,
Зимовать хочет остаться.

106

Бежит лодка, кре́нится,
Мой батёнок женится.

107

Проводила с берегу
Во вторник под середу.

108

Пароход идет «Маре́я» —
Выдирай сетки скорее.

СОВЕТСКИЕ ЧАСТУШКИ

109

Пароход идет,
Вода кольцами;
Будем рыбу ловить
С комсомольцами.

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А.

110

Скоро, скоро снег растает,
Скоро новый нападет;
Скоро буду комсомолка,
Жизнь по-новому пойдет.

с. Верхняя Уфтюга. Волкова А. Н

111

К нам зима бежит бегом,
Снег комами ва́лится;
Укрепим свою коммуну,
Вечно не развалится.

112

Кулачье молву пустило,
Что рассыпался колхоз;
А колхоз, как всем на диво,
На сто про́центов подрос.

с. Кузомень. Двинин

113

По завету Ленина,
По наказу Сталина,
Мы построили колхоз —
Верный путь крестьянина.

с. Койда. Малыгина А. П.

114

Задушевная подружка,
Мы в колхозе будем все,
Будем весело работать
На хорошей на тоне́.

с. Койда. Малыгина Г. Н.

115

Хорошо мне в Кие жить,
Хорошо наваг ловить;
Если б דролечка с собой,
Не подумала домой.

с. Койда. Малыгина А. П.

116

Раньше девушки венчались,
Нынче нет нужды в попах;
По весне соревновались
С милым мы на вентерях.

с. Красноборск. Работницы столовой

117

Пойдем, дролечка, в бригаду,
Будем вместе работáть, —
Каждодённое свиданьице
Не надо хлопотать.

с. Койда. Малыгина А. П.

118

Ты, тальяночка, тальяночка,
Зеленые меха;
Мой милёночек — стахановец,
Стахановка и я.

г. Архангельск. Работницы канатной фабрики

119

Ты лети, лети, постукивай
Над речкой, самолет!
Дроля, будь самостоятельным,
Тогда любовь пойдет.

с. Верхняя Уфтюга. Волкова А. Н.

120

Где ты, «Чижа»-пароход,
Ты куда торопишься?
Дролю на Кáнин увезешь,
Сам домой воротишься.

с. Койда. Малыгина А. П.

121

Через речку через Кáню
Подай, дроля, телеграмму;
Через темненький лесок
Подай желанный голосок.

с. Койда. Матвеева С. Л.

122

Я гуляю, веселюсь,
В Кáнин жить переселюсь;
Вставлю раму и стекло,
Будет весело, тепло.

с. Койда. Малыгина Г. Н.

123

Дуй-ка, ветер-ветродуй,
Дуй-ка, ветродуечка!
У меня дроля на путине,
Я-то дома, дурочка.

с. Койда. Малыгина А. П.

124

Задушевная подружка,
Дролечки уехали;
Они звали нас с собой —
Дуры, не поехали.

г. Архангельск. Работницы тралбазы

125

Запустела наша Койда
И на сердце не легко, —
Ягодиночка на ботике
Уехал далеко.

с. Койда. Малыгина А. П.

126

Ягодиночка на боте,
Его белое лицо;
Обвалился о каюточку,
Читает письмецо.

127

Дроля в Мурмане живет,
Я во Койде маюся;
Он не знает про меня,
Что я к нему сряжаюся.

с. Койда. Малыгина Е.

128

У нас реченька растаяла
И все льдинки унесло;
Схожу проведаю на почте,
Не пришло ль мне письмецо?

129

Скоро, скоро я не буду,
Скоро я не запою;
На почтовый ка́рбас сяду,
До свиданьица скажу.

с. Койда. Матвеева А. Ф.

130

Я уеду, я уеду
Вдоль по Северной Двине
На мурма́нском пароходе
К ленинградской стороне.

с. Койда. Малыгина Е.

131

На фактории мы жили,
Сеточки вязали;
О деревне о своей
Часто вспоминали.

132

Тральщик в морюшко пошел,
Ночь была туманная;
Милый кепочкой махнул:
«Прощай, моя желанная!»

г. Архангельск. Работницы тралбазы

133

Едет лодочка-моторочка,
Знакоменький флажок;
Я узна́ю по судёнышку, —
Это мой дружок.

д. Лопшеньга. Федотов А. Ф.

134

Дайте лодочку-моторочку,
Серёбряно весло, —
У меня за реку-матушку
Платочек унесло.

135

Дролечка, на Мурман едешь,
Там чужая сторона,—
Завлекут тебя мурма́ночки,
Забудешь про меня.

г. Архангельск. Работницы тралбазы

136

Кабы в Мурман телефон,
Горюшка не знала, —
Каждый вечер, каждый час
С дролей рассуждала.

с. Койда. Малыгина Г. Н.

137

Сине море, сине море,
Сине море, берега;
У меня дролечка на промысле,
Приедет-то когда?

с. Койда. Малыгина Е.

138

Пароход идет «Седов»,
Что бе́ла снежиночка;
А на этом пароходе
Брат да ягодиночка.

с. Койда. Матвеева С. Л

139

Пароход идет «Малыгин»,
Красный пояс на носу;
Ребята деньги наживают
На табак да на кису́.

с. Койда. Малыгина Г. Н.

140

Пароходики-то шли,
Шли, остановилися;
Разжеланны ягодинки
Промышлять спустилися.

с. Койда. Матвеева С. Л.

141

Высоко на аэроплане
Дролечку увидела,
Пишет белую записку:
«Скучаю, милая!»

с. Чубола-Наволок. Латухина Л.

142

В море не было залёжек,
Самолет не извещал;
Две недели наш «Малыгин»
В море зверя проискал.

с. Койда. Малыгина Г. Н.

143

В небе носится высоко
На разведке самолет, —
Обнаружена залёжка
В пяти милях на восток.

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А

144

Ягодиночка, на стро́жке
Долго-нет пробудете?
Горожаночку полюбите,
Меня позабудете.

145

Погодите, не летите,
Белые снежиночки, —
Дайте море перейти
Желанной ягодиночке.

с. Койда. Малыгина Е.

146

Открой, маменька, окошечко
Другое от реки;
Скоро, скоро к нам наедут
С ледокола пареньки.

с. Койда. Малыгина Г. Н.

147

Скоро лето, скоро лето,
Скоро травы закосят;
С ледокола-то приедут,
Перед нами зафорсят.

с. Койда. Малыгина А. П.

148

Как на флоте люди служат,
Да и мы не пропадем, —
Через два года на третий
Мы туда же попадем.

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А.

149

Прощайте, сосенки и елочки,
Сажусь на пароход,
Прощай, Костю́нинска дере́венька,
Развеселый наш народ!

г. Котлас. Нечаев А. О.

150

Вижу, вижу: дым дымится,
Вижу белый пароход,
Вижу: дролечка садится,
Отправляется на флот.

с. Койда. Матвеева А Ф.

151

У меня дролечка на флоте
И платочек у него;
Ну и пусть он вытирается,
Любила я его.

Онуфриевский выселок. Коптяков С. А

152

Взяли дролечку на флот,
Да на четыре годика;
Хоть и на восемь, — дождусь,
Девушка моло́денька.

с. Красноборск. Работницы столовой

153

На лодках в море мы, друзья[1],
На крыльях белой птицы;
В ка́жну сеть загоним мы
Севрюжин штук по тридцать.

154

Я — колхозник молодой,
Двадцать три мне года;
Ловить рыбу я пойду
Для призывного года.

155

Я на лодочку садилась,
Легкой ласточкой взвилась;
В комсомолки записалась
И делами занялась.

156

По́ морю плывет корабль,
А по речке — лодочка;
Мой братишка — пионер,
А я — комсомолочка.

157

Волга снегом убралася,
Отгуделся пароход;
Молодежь вся собралася
Она в культликбез-поход.

[1] №№ 153—159 записаны в с. Камызяк и на Калиновском промысле.

158

Пошла бабка провожать
В море да с иконами;
Шла б ты, бабка, лучше спать, —
Мы с красными знаменами.

159

По реке плывет сазан
На большие сети;
Ты не ба́луйся, Иван,
Протащу в газете!

ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИГОВОРКИ

ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИГОВОРКИ

Запись пословиц и загадок не входила в специальные задачи экспедиционной работы. Материалы по этим жанрам, имеющиеся в архиве, лишь частично записаны непосредственно от населения, бо́льшая часть их содержится в рукописных сборниках Михова и Хохлина, и поэтому в них отражен преимущественно старинный быт.

Всего было собрано пословиц — 433 и загадок — 295.

В прежнее время загадывание загадок было обычным на свадебных и святочных празднествах, но с изменением характера развлечений молодежи и отмиранием старой обрядности этот способ бытования загадок исчез.

В экспедициях тексты загадок записаны почти исключительно от пожилых женщин и подростков. Например, в селе Верхней Уфтюге в семье учительницы М. М. Волковой тексты загадок были записаны от ее матери, А. М. Вячеславовой, и от дочери 13 лет, А. Н. Волковой (см. Указатель имен).

В традиционных северных загадках и пословицах вырисовывается характерная картина Севера дореволюционного времени: его природа, животный мир, занятия населения, жилище, домашнее хозяйство и пр. В настоящем издании помещены лишь загадки и пословицы о рыболовстве и мореплавании. Загадки, связанные с рыболовством, содержат промысловые образы или в самом тексте загадки или в ее отгадке. Характерной чертой их является «остранение» знакомого, что делает, вследствие кажущейся бессмыслицы, отгадку особенно трудной. Такова, например, загадка о ловле рыбы сетями: «Жили хозяева; пришли люди, хозяев забрали, а дом в окошки ушел» (№ 2); отгадка ее: «хозяева» — рыбы, «люди» — рыбаки, «дом» — вода, «окошки» — ячеи сети. В другой загадке также использованы образы рыболовства, но отгадка ее относится к домашнему хозяйству (№ 3).

В загадках тех районов Архангельской области, где наряду с рыболовством и охотой занимались также земледелием и лесными промыслами, последние также нашли отражение. Таковы загадки, имеющиеся в экспедиционном архиве, об изгороди, «стерегущей» рожь, посеянную в лесу; о жердях таких изгородей, связанных попарно лыком; о косе-гор-

10. Зак. 95.

буше, приспособленной для окашивания кустов на лесных сенокосах и болотистых местах. В загадке, записанной среди смолокуров на реках Ваге и Уфтюге, речь идет о прежнем кустарном способе — о вырезании части коры на дереве, чтобы вызвать на месте выреза появление смолы, и засыхании вследствие этого дерева: «Выйду на гору-горушку, обдеру телушку, кожу брошу, мясо брошу, а сальце съем» (с. Усть-Вага. Мургина И. А.).

Многие из старинных загадок не могут быть поняты без пояснения особенностей местного старинного хозяйства и быта, так как все это давно ушло в прошлое: печь без трубы, топящаяся по-черному, с дымом, выходящим в оконце: «Серое сукно тянется в окно» (с. Самокража. Пехова А. О.), лучина в светце и т. п.

Загадку о берде «Сто полен, сто полен — истопель не будет» (с. Усть-Вага. Мургина И. А.) можно понять, только представив себе бердо, часть ткацкого стана — рамку с множеством вертикальных палочек или дощечек, между которыми пропускаются нити основы, чтобы они не путались и удобнее было прибивать поперечную нить утка к ткани; истопель — количество полен, достаточное для одной топки. Есть загадки, говорящие и о громоздком ткацком стане, на время тканья «кросен» установленном в углу избы.

В загадках говорится также о бревенчатой крестьянской избе, проконопаченной мхом: «Что ни гость, то постелька» (когда ставят избу, на мох кладут каждое бревно). Есть загадки о домашней скотине и птице, о деревянной и глиняной самодельной утвари и пр.

Многие северные загадки обнаруживают связь не только с устной, но и с древнерусской книжной традицией. К этим загадкам можно отнести ряд особенно сложных и витиеватых загадок о делении года на месяцы и дни, о колючем растении.

Характерно для загадок, в числе других поэтических средств, употребление собственных имен, которые помогают разгадке; например, об образовании льда на море и реке: «Сам Самсон мост мостил без топора, без клина и без подклинков» (№ 6); Самсон — библейский силач, что сразу наводит на мысль о силе мороза. Некоторые загадки с подсказывающими собственными именами, подобранными по близости их звучания с названием загаданного предмета, заданы в форме прямого вопроса: такова серия загадок: «Что в избе [такое-то] имя?». Одинаковые имена, употребленные в одной и той же загадке, указывают на однородность предметов.

Есть загадки, составленные так называемым «заумным» языком, расшифровка которого и дает ключ к отгадке.

Пословицы, в которых, по выражению А. М. Горького, «сжат трудовой опыт бесчисленных поколений»[1], представляют собою, до известной степени, кодекс народной мудрости. Многое в них является поистине бессмертным, но многое отразило этические нормы, отошедшие уже в прошлое.

Пословицы и поговорки о рыболовстве и мореплавании наиболее характерны для Севера. Они четки по логике и форме, выражая мысль то в виде сентенции, то в виде развернутой метафоры. Таковы, напри-

[1] А. М. Горький. О «маленьких» людях и о великой их работе. Сб. «О литературе», М., 1937, стр. 34.

Замужняя женщина у ткацкого стана (под Архангельском; конец XIX века)

Свадебный шатер, покрытый парусами, в селе Камызяк

То же. Общий вид

мер, две поговорки, относящиеся к необходимости терять много времени в ожидании рыбы при старинных пассивных способах лова: «Морская (озерная) коровушка не всегда доит, а всегда быть велит» (№ 3) и вторая: «Не всегда рыба в тоне, был бы тонщик на тоне» [1].

Пословица «Море — рыбачье поле» (№ 17) была чрезвычайно распространена на Севере; морские промыслы действительно заменяли там для населения земледелие. Пословица эта известна во многих вариантах, что доказывает ее популярность. Бытовала она и в форме отрицательного сравнения с земледелием: «Море не поле, рад бы посеять, да не держится зерно» [2].

Во время экспедиций были записаны также рифмованные короткие «приговорки» при рыбной ловле и простые пожелания-приветствия, специфические для каждого вида работы, за которой приходящий застает кого-либо (№№ 1—4). Для этих пожеланий характерна образность языка: «Море под кормилицей!» — об обилии молока при доении коровы и др.

Наиболее своеобразны приговорки, относящиеся к местным видам промысла рыбы: лову трески «на поддёв» и на уженье наваги (№№ 5—7). Эти приговорки обращены непосредственно к самой рыбе. В одной из них, сообщенной М. С. Крюковой и услышанной ею еще в детстве, обращаются к ершу с просьбой пригнать рыбу:

Ерш Ершович, запеченничек,
Все море обойди,
Реки обгони,
Ко мне приди
И наважку с ревцóй пригони!

Образ ерша здесь совпадает с традиционной его характеристикой в русском народном творчестве, как безродного гуляки и посла для выполнения поручений. Эпитет «запеченник» применяется обычно к «непочетным» людям, которым на пиру или вообще в доме отводят самое худшее место — за печкой. В былинах, например, «за печным столбом» сажают на свадьбе неузнанного Добрыню и других приезжих богатырей; в сказке о том, как Ерш поселился в Онежском озере, он — бойкий безродный пришелец.

Язык всех мелких жанров северного устного творчества близок к разговорной речи, отличающейся также большой образностью. Когда же речь идет о промысле рыбы и морского зверя и о мореплавании, язык поморов поражает богатством изобразительных средств, точным обозначением оттенков смысла.

Это отразилось и в промысловой терминологии.

Гренландский тюлень — «кожа» (название по основному использованию его, как объекта промысла) имеет множество наименований в зависимости от пола и возраста животного: «лысýн» — взрослый самец, «ýтельга» — взрослая самка, «зеленéц» — новорожденный детеныш, в течение нескольких дней сохраняющий желто-зеленый оттенок меха; «белёк» — детеныш, уже немного окрепший, с пушистым белым мехом; «серóк» — молодой тюлень по первому году.

---

[1] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 119.

[2] Там же, стр. 92.

Для морского льда имеются также различные наименования: «са́ло» — кружки смерзающегося льда на полой воде, «шуга́» — мелкобитый весенний лед, «торо́с» — нагромождение крупных глыб льда, «припа́й» — береговой лед, «ропа́к» — остроконечный осколок льда, «стаму́ха» — ледяная гора с большой подводной частью, легко садящаяся на мель, и т. п.

Не менее своеобразны и «беломорские» названия ветров: «шело́нник», дующий с гор («шелоней») — юго-западный ветер, «озерик» — дующий с озера, «обе́дник» — ветер, поднимающийся обычно около полудня, — юго-восточный ветер, «полуночник» — северо-восточный ветер.

Принятые у поморов образные и точные промысловые обозначения обогатили научную терминологию. Начало использованию их в науке положил великий русский ученый М. В. Ломоносов.

ЗАГАДКИ

1

Клеть дыровата, а выхода нет. *(Мережа.)*

Сумский посад. Рук. сб. Михова

2

Жили хозяева; пришли люди, хозяев забрали, а дом в окошки ушел. *(Ловля рыбы сетями.)*

г. Новгород. Николина Т. А.

3

Берега железны, вода дорога, рыба без костей. *(Блин на сковороде.)*

4

Щука в море, а хвост на угоре. *(Ковш в кадке.)*

5

Щука-белуга хвостом махнула; леса пали, горы стали. *(Сенокос.)*

6

Сам Самсон мост мостил без топора, без клина и без подклинков. *(Мороз и лед на реке и море.)*

7

Сани бежат, оглобли стоят. *(Река и берег.)*

Сумский посад. Рук. сб. Михова

8

Еду-еду — следу нету; режу-режу — крови нету. *(Лодка.)*

9

Красное коромысло через реку повисло. *(Радуга.)*

с. Верхняя Уфтюга. Волкова А. Н.

10

На море плашка не сохнет, не мокнет, не ржавеет. *(Язык.)*

11

За морем тешут, а к нам щепки летят. *(Письма.)*

Сумский посад. Рук. сб. Михова

12

Бегут кони буланы, все узды порва́ны; ни сесть, ни погладить, ни плеткой ударить. *(Облака.)*

г. Новгород. Николина Т. А.

13

Без ветра шумит, без крылья летит, без коренья растет. *(Порог на реке, ветер и камень.)*

ПОСЛОВИЦЫ

1

Половлено — поломлено.

2

Ловля — кай: тянешь — каешься, не станешь — каешься.

д. Неронов Бор. Васильев М. И.

3

Морская коровушка не всегда доит, а всегда быть велит.

с. Кереть. Коргуев М. М.

4

Чей берег, того и рыба.

5

В тихой губке больше рыбки.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

6

Щучки да окуньки — потеряй деньки.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

7

Замуры́жишь меня, как пикшу́ на уду́.

с. Койда. Малыгин К. А.

8

Надейся на него, как на вешний лед.

9

Не все переймешь, что по речке несет.

10

По какой реке плыть, ту и воду пить.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

11

На тихого водой нанесет, суровый сам наскочит.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

12

На волне да на воде нет борозды.

д. Унежма. Евтюков В. Г.

13

На воде ноги жидки.

с. Койда. Малыгин К. А.

14

Кручиной моря не переедешь.

15

Кто на море не бывал, тот и страха не видал.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

16

Море — строгое дело. Море правду любит.

17

Море — рыбачье поле.

18

Море мягко — бойся берега.

с. Умба. Нестеров П.

19

Погоды не бранить и тиха не хвалить.

д. Нижняя Золотица. Шибаев Ф. Н.

20

Паруса — воевода судну.

с. Кереть. Коргуев М. М.

21

Без парусов — корабль ворона.

22

Сpост веревки не портит.

23

Из корабля да в кро́шни.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

24

Сколько лодья ни рыщет, а на якоре будет.

Сумский посад. Рук. сб. Михова

25

Править не вижу, а грести ядрен.

с. Кушрека. Рук. сб. Хохлина

26

Родины да именины, да привально, да отвально — это и старит.

с. Кереть. Коргуев М. М.

ПРИГОВОРКИ

1

Первый лов — с перьем в рот!

с. Лопшеньга. Федотов А. Ф.

2

Лов на рыбу!

д. Вельцы. Семенов И. П.

3

Клев на уду!

пос. Териберка. Кожин С.

4

Море под кормилицей! *(Доят корову.)*

с. Верхняя Уфтюга. Волкова М. М.

5

Наважка-матушка,
Дерни-подерни
На нашу губерню!
У меня удочка золотая,
Наживочка медовáя.
Ерш Ершович, запеченничек,
Все море обойди,
Реки обгони,
Ко мне приди
И наважку с ревцóй пригони!

д. Нижняя Золотица. Крюкова М. С.

6

Пошла леса свистать,
Пошла пáлтаса искать.
Палтаскá за глазкá,
За свежие мыскá.
Клев на ýду,
Треска по пуду,
На удý попади,
В карбас залети!

пос. Териберка. Кожин С.

7

Поклюй, треска,
За глаз, треска,
За рот, треска,
За пуповину, треска,
Да и за хвост, треска!

с. Кереть. Коргуев М. М.

СКАЗКИ, БЫЛИЧКИ, ПРЕДАНИЯ

СКАЗКИ, БЫЛИЧКИ, ПРЕДАНИЯ

Сказки были особенно популярны среди промыслового населения. Так, на Кубенском озере большие артели рыбаков, до пятидесяти человек, уезжая за десятки километров на «осенóвья» — осенний лов рыбы, проводя ночи в «шатрах» — шалашах или сидя у костров, рассказывали различные сказки и «случаи». На Каспии на глубевом морском лове, в свободные от промысла часы, ловцы также любили слушать сказки и там же «артелью» пели песни. Известно, что на Севере встарину хорошему сказочнику выделяли пай — часть улова, лишь бы он поехал с артелью на дальний промысел.

Сказки, в особенности фантастические (№№ 1—5, 10, 11), сохранили на Севере древнюю «обрядность», т. е. традиционные стилистические особенности этого жанра, утраченные, большей частью, в других районах русского рыболовства, например, в низовьях Волги, как можно судить и по моим записям, сделанным там.

Бытовые сказки значительно проще по форме и короче. Близки к ним небылицы (№№ 9, 13, 14) — повествование, в котором элементы повседневного быта сплетены в причудливые нагромождения несообразностей.

Обращались в среде промыслового населения также сатирические сказки, обычно очень небольшие по размеру: о глупцах, простаках и т. п., связанные по содержанию с промысловой жизнью (№№ 7, 8).

Всего в экспедиционном архиве имеется 55 сказок, из них в настоящем издании опубликовано 14 текстов. Часть архивных текстов представляет варианты публикуемых; остальные же не являются специфически «морскими» или характерными для местного быта вообще. В Новгородской экспедиции мне иногда случалось слушать сказки в обстановке, исключавшей возможность непосредственной записи их за сказочником (в пути, при беглых встречах с ловцами на приемных пунктах рыбы и т. п.). Впоследствии я записала эти сказки по памяти; в сборник такие пересказы не включены.

В экспедициях были записаны также другие повествовательные жанры, близкие к сказкам — былички и предания; всего 168 текстов (часть их представляет варианты). Среди этих материалов имеются образцы быличек, показывающие, как пытались объяснить себе ловцы непонятные явления, связанные с промыслом. Под фантастической обо-

СКАЗКИ, БЫЛИЧКИ, ПРЕДАНИЯ

Сказки были особенно популярны среди промыслового населения. Так, на Кубенском озере большие артели рыбаков, до пятидесяти человек, уезжая за десятки километров на «осенóвья» — осенний лов рыбы, проводя ночи в «шатрах» — шалашах или сидя у костров, рассказывали различные сказки и «случаи». На Каспии на глубеком морском лове, в свободные от промысла часы, ловцы также любили слушать сказки и там же «артелью» пели песни. Известно, что на Севере встарину хорошему сказочнику выделяли пай — часть улова, лишь бы он поехал с артелью на дальний промысел.

Сказки, в особенности фантастические (№№ 1—5, 10, 11), сохранили на Севере древнюю «обрядность», т. е. традиционные стилистические особенности этого жанра, утраченные, большей частью, в других районах русского рыболовства, например, в низовьях Волги, как можно судить и по моим записям, сделанным там.

Бытовые сказки значительно проще по форме и короче. Близки к ним небылицы (№№ 9, 13, 14) — повествование, в котором элементы повседневного быта сплетены в причудливые нагромождения несообразностей.

Обращались в среде промыслового населения также сатирические сказки, обычно очень небольшие по размеру: о глупцах, простаках и т. п., связанные по содержанию с промысловой жизнью (№№ 7, 8).

Всего в экспедиционном архиве имеется 55 сказок, из них в настоящем издании опубликовано 14 текстов. Часть архивных текстов представляет варианты публикуемых; остальные же не являются специфически «морскими» или характерными для местного быта вообще. В Новгородской экспедиции мне иногда случалось слушать сказки в обстановке, исключавшей возможность непосредственной записи их за сказочником (в пути, при беглых встречах с ловцами на приемных пунктах рыбы и т. п.). Впоследствии я записала эти сказки по памяти; в сборник такие пересказы не включены.

В экспедициях были записаны также другие повествовательные жанры, близкие к сказкам — былички и предания; всего 168 текстов (часть их представляет варианты). Среди этих материалов имеются образцы быличек, показывающие, как пытались объяснить себе ловцы непонятные явления, связанные с промыслом. Под фантастической обо-

лочкой быличек, которые сохранились лишь в памяти старшего поколения, явно прощупывается рациональное ядро, чувствуются наблюдательность и пытливый ум народа.

Из преданий для сборника отобраны некоторые, в которых можно проследить отображение реальных местных исторических событий.

Многие из сказок, помещенных в настоящем издании, принадлежат к числу любимых сказок русского народа, как это видно по числу вариантов их, имеющихся в печатных изданиях и в различных рукописных научных фондах (например, №№ 2, 3).

Сюжеты сказок, бытующих и на Севере и на Каспии, отличаются ярким морским колоритом.

Следует учесть, что большинство русских сказок известно по записям на Севере (основные сборники: Ончукова, Зеленина, Соколовых и др.). В значительной части этих сказок говорится о мореплавании и рыболовстве — занятиях, имевших для Севера очень важное значение. Это свидетельствует о «несомненной диференциации сказочного репертуара по различным краевым и областным районам»[1].

Характерно, что наиболее популярная сказка о бедняке, спущенном в море как дань морскому царю, который задержал корабли среди пути (№№ 3, 4), записана в большом числе вариантов, но исключительно на территории Севера, некогда входившей в состав новгородских владений, и, таким образом, должна быть отнесена к областному репертуару.

Распространенные на Севере сказки — морские новеллы о приключениях моряков в чудесных странах, о драмах, разыгрывающихся в оставленных далеко семьях, о похождениях ловкого и бесстрашного корабельщика — излюбленного героя сказки, очевидно, новгородского происхождения. Понятна историческая причина развития этого жанра в древнем центре морской торговли Руси — Великом Новгороде.

Образцом такой сказки может служить новеллистическая сказка о приемыше купца — Кольке Рыжем, записанная в Поозерье, хотя она сильно модернизирована (д. Завал. Царев Д. Я.): помощь чудесной рыбки, «заклад», выигранный хитростью, и пр.

Новгородцы унесли сказку на Север, и там, на побережьях «Студеного моря», она продолжала жить и развиваться. В сказках, записанных мною на побережьях озера Ильменя, торговый корабль нагружен сукнами — одним из предметов торговли древнего Новгорода с Ганзой; «раньше суклами больше занимались», — заметил сам сказочник. На Архангельском же Севере, например в сказке, записанной в Койде, на родине морских зверобоев, введены специфически местные черты. Герой ее со своими братьями отправляется на судне с грузом звериного сала (№ 5): «Вот в одно прекрасное время собрались идти в Архангельск с салом, — у нас зимою напромышляют зверя, а весной везут всё в Архангельск». (Правда, в дальнейшем Архангельск в сказке подменяется столичным городом, где живет царь со своей дочерью.) Вместо старинных корабельщиков и парусных кораблей в современных сказках говорится о капитанах, матросах, о пароходах и шлюпках.

Герои «морских» сказок — обычно крестьянский сын, бедняк, гораздо реже — купеческий сын (что показывает демократическую на-

[1] Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938, стр. 305.

правленность сказки-новеллы); заморская царевна или подводная мудрая дева, в конце сказки обычно покидающая своего мужа, которому лишь иногда удается вернуть ее. С мудрой девой герой встречается в подводном царстве, где он находится против своей воли у ее отца (№ 2); заморскую же царевну он добывает сам, иногда хитростью увозит на корабле на свою родину (с. Камызяк. Лексуткин М. Н.).

В тематике многих сказок как новгородских, так и северных, популярных в дореволюционное время, отразилось стремление крестьян избавиться от нищеты, что выразилось в мечте о чудесном обогащении. Существуют многочисленные сказки о «закладах» — пари: «Чей корабль дороже?», «Что дороже: счастье или деньги?» и т. п.; герои сказок выигрывают на этом состояние, а их противники идут опять в море, уже «в приказчиках» на кораблях победителя. Распространен также эпизод находки драгоценностей во внутренностях рыбы. В новгородской сказке купцы, поспорившие о том, что лучше — «деньги или счастье?», дважды дают деньги бедняку, который плетет мочальные веревки для неводов. Оба раза деньги пропадают благодаря случайностям. На третий раз бедняку дают кусок свинца, оказавшийся под рукою. Рыбакам, постоянно покупавшим у него веревки, понадобилось грузило, и он отдает им свинец. В благодарность те приносят ему большую щуку: «Первое грузило и первая рыба!». В кишках рыбы жена бедняка находит два бриллианта величиной с голубиное яйцо (д. Неронов Бор. Васильев М. И.). В астраханской сказке волшебное кольцо, упущенное в воду, находят во внутренностях рыбы, пойманной рыбацкой «ватагой» — артелью.

В рыбацких сказках лов рыбы показан с местными особенностями и конкретными деталями. Так, упомянутые в только что приведенной новгородской сказке «мочальные веревки» для невода — особенность рыболовства на озере Ильмене. Это отразилось и в поозерской песне о ловцах, которые «все с сетями заносилися, с веревками мочальными, с ватама́нами начальными». Неводной лов вообще упоминается особенно часто. Молодца, принявшего облик камня и укатившегося в море, вылавливают оттуда «шелковыми неводами» (№ 1); в сказке-быличке о Марье Кице лов семги испортился потому, что рыба ушла в «станы» — глубокие места, где она держится в реке. На Каспии в небылице ловцы ставят сети с «окрайки льда» (№ 13), в других сказках рыбу ловят удочкой (№ 6, 10) и т. п.

Еще более подробно и конкретно вырисовывается в сказках «мореходство». Сказки Новгорода и Севера в особенности подробно описывают условия плавания, направления ветров, силу отлива и т. п. В упомянутой койденской сказке (№ 5) три брата, приготовив к плаванию парусное судно, хотят выйти на нем из реки в море, что в самой Койде, вследствие сильных приливных и отливных течений, было сопряжено с большими затруднениями. «Вот и пошли, а выйти из реки не могли под парусами, — тогда моторов не было, — по́ветерь пала плохая, противная. А от угора все-таки отвалили. Вернулись обратно...». «Вдругорядь» пошли на судне, «а прилив был малый, их и не сняло с мели. Опять они вернулись домой». Лишь в третий раз «погода схороша́ла... вышли на море и ушли в Город»[1]. Там старшие братья пошли «сало за-

[1] Местное название Архангельска.

продавать», а младший, Иван, остался караулить судно. В сказке описывается его непромокаемая одежда, обычная теперь для матроса на рыболовных тральщиках: рокан, буксы и зюдвестка; в ней он является во дворец к царской дочери.

В новгородской сказке, имеющейся в архиве, злые братья, едущие из-за границы на торговом судне, не хотят пустить своего брата с его невестой в «будку» (местное название маленькой каюты на промысловой парусной лодке — «двойке»), а мальчик, подобранный ими в море, сам хочет остаться «под парусом» на палубе (с. Сергово. Копчиков М. А.).

В северных сказках отражены также черты местной природы и быта. В богатырской сказке об исцелении Ильи Муромца (с. Верхняя Тойма. Попова П. В.) он «чистит поле», т. е. корчует деревья в лесу, чтобы освободить участок под пашню, как это еще в недавнее время делалось на Севере. В другой сказке из Приморского района, Архангельской области, «дурак» бросает топором в утку на лесном озере, чтобы добыть «жаркое», и затем до поздней ночи ныряет, ища топор; поехав в лес за дровами, он привязывает лошадь к огромной ели, которая «чуть не в небо ввивается», подрубает ель, дерево валится и убивает лошадь; в избе он лезет на полати, опрокидывает стоящую там квашонку с опарой и т. д. (с. Чубола-Наволок. Прилуцкий Е. И.).

Нередко упоминаются в сказках различные предметы крестьянского домашнего обихода: деревянная ступа во дворце Змея, под которую он прячется; «полу́мера» с обручами (мера для зерна), которой меряют деньги, и т. п. (с. Верхняя Уфтюга. Вячеславова А. М.). Чрезвычайно богата местными чертами сказка М. Д. Коптякова из села Койды об охотнике, поспорившем с лешим, что он расскажет небылицу, которую тот призна́ет за ложь (№ 9). Интересно отметить, что в этой небылице охотник наменял коровьих и бычьих шкур и с ними «потащился» к морю, как зверобои тащили «юрки» — свертки тюленьих шкур. «На море перевоза не было», и он перекидал их через море, а с последней шкурой перелетел сам — «еропланом», по замечанию сказочника.

Ввод современности в сказки вообще характерен для М. Д. Коптякова. Именно он, говоря о трудностях плавания на судне, отметил, что «тогда моторов не было»; свадебный пир он называет «банкетом», а героя наряжает в проолифленный костюм современного матроса.

Астраханские сказки (из села Камызяк) отличаются от северных бо́льшим влиянием книги и городской культуры, но имеют ту же тематику. Действие в сказках происходит у моря или на судах, действующие лица — моряки. В одной сказке описывается таинственный пловучий дом из стекла, принадлежащий жестокому хозяину-купцу (№ 11). Рыбацкий промысел обрисован во многих астраханских сказках и притом чаще и конкретнее, чем в северных.

Характерно, что в камызяцком варианте сказки о лисе, притворившейся мертвой и выбросившей с воза всю рыбу, старик не покупает рыбу, как обычно, а сам рыбак — «наловил воз рыбы и возвращался домой». Царский быт приравнен в сказках к быту ловецкого села: свадьба царской дочери в одной из них происходит в шатре из парусов, как это было в обычае в селе Камызяк. Там же записаны небылицы о поглощении человека рыбой чудовищных размеров.

Сказки включили в себя отчасти традиционную промысловую фантастику, известную и по быличкам, но по-другому использовали ее. То,

что в быличках принимается большей частью всерьез и составляет основное содержание, в сказках служит одним из эпизодов; к этому относятся, как к художественному вымыслу. Эпизод принимает форму развитого повествования, усложняется произвольно выбранными подробностями; главное же, эти эпизоды подчинены основной идее произведения, трактующего общие этические проблемы — дружбы, верности, мужества — и подчеркивающего социальные противоречия.

Былички представляют собой коротенький, иногда в несколько фраз рассказ о фантастическом происшествии, якобы случившемся с рассказчиком или с кем-либо из его односельчан. В основе их нередко лежит превратно осмысленный реальный факт, которому рыбаки пытались дать объяснение. Большое влияние на жанр быличек оказали поверья, которые были восприняты с детства, «от стариков».

Былички отличаются стремлением приурочить рассказ к определенной местности и лицам, что должно было придавать рассказу бо́льшую достоверность; они пестрят названиями деревень, урочищ (Инцы, Чаваньга, Томарищина яма), озер и рек. Указано в них и имя «очевидца». Для быличек характерны четкая композиция и сжатый разговорный язык Жанр быличек почти совершенно исчез в настоящее время.

При отборе для настоящего собрания текстов, имеющихся в записи от разных лиц, предпочтение отдавалось крупным мастерам устного слова, например, М. С. Крюковой, М. М. Коргуеву, которые сами воспринимали жанр быличек уже в основном как художественное произведение.

Особенно много бытовало быличек о водяных.

За водяных нередко принимали все мелькнувшее в воде, чего не удалось разглядеть как следует. Рыбаки сами рассказывали о том, как за «водяного» принимали то выдру (пос. Мудьюга. Бурков С. С.), то огромную семгу, то щуку с мертвой, захлебнувшейся в воде совой на спине (д. Вельцы. Семенов И. П.), то пару морских тюленей, заплывших в реку (д. Высокая Гора. Серхачев Я. Ф.).

Во многих местах записаны былички о проигрыше рыбы одним водяным другому (не только на Белом море, но и под Новгородом, что позволяет предполагать ее местное, новгородское происхождение). В этой быличке водяной одного из озер, играя на рыбу в карты или кости с другим, более могущественным «водяным царем» (озера Онего, моря), проигрывает и вынужден отдать тому всю рыбу озера, а иногда и сам идти в кабалу. Так в превратном виде отразилось падение улова рыбы в отдельных водоемах по непонятным для рыбаков причинам, — под Новгородом, например, порча воды в Сиверсовом канале болотными выделениями, приносимыми в иные годы рекой Мстой; в Олонецком крае высыхание озер вследствие ухода воды (вместе с рыбой) через размытый известковый грунт, причем через несколько лет вода, а с нею и рыба по подземным протокам могли вернуться обратно. Характерно, что и в Сибири, в конце прошлого века, когда там однажды белка массами переплывала Байкал, забайкальские крестьяне говорили: «Иркутский чорт нашему в карты ее проиграл».

В других быличках плохие уловы семги объясняли задержкой рыбы рассерженным водяным. Так, например, в Нижней Зимней Золотице такая быличка о Марье Кице — более развитая, чем обычно, — была записана мною от М. С. Крюковой (№ 16).

В память о необычно богатых уловах рыбы были сложены былички о том, что водяной, попавший в рыбацкие сети и отпущенный обратно в воду, посылает за это рыбакам выкуп — рыбу (№ 17).

Скот, утонувший в водоворотах при переправе стада через реку вплавь (при недостатке хороших пастбищ на Зимнем берегу коров пасли нередко на другом берегу реки), в быличках — добыча водяного. В той же быличке о Марье Кице и в другой — о пастухе, отдавшем корову водяному после долгого спора с ним (д. Нижняя Золотица. Плакуева П. В.), говорится об этом.

Порча снасти, засорение невода корягами, илом и тому подобные явления объяснены в быличках, как шутки водяного: это он испытывает терпение рыбаков.

Оторванность в старое время ловцов от семьи, от своей деревни на дальнем и длительном промысле способствовала бытованию быличек, в которых эта желанная связь осуществлялась, якобы, «колдунами»-промышленниками и «колдовками». Обернувшись птицей — совой, сорокой, они летали, якобы, в море, чтобы узнать на месте, «в промыслу» ли родственники, находящиеся во льдах, или чем вызвана их задержка (с. Койда, д. Золотица).

Под Новгородом были популярны былички о колдовских проделках «ватаманов» крупных неводных артелей. Каждая артель старалась выехать первой на озеро, чтобы занять лучшую тоню или раньше других закинуть невод. В одной быличке «ватаман», пережидая вьюгу, предупреждает, чтобы никто не выходил раньше его; один из «ватаманов» все же отправился, и невод его увяз в тине, — «так тот нашутил». В другой быличке после такого же предупреждения «ватамана»: «Рано вышел... ну ничего, скоро домой вернется», — у артели противника стали рваться совершенно новые концы невода (д. Неронов Бор. Васильев М. И.; с. Сергово. Саперов В. И.).

К быличкам близки по форме предания об освоении края, обычно также очень небольшие по размеру. Эти предания отразили многое из истории освоения Севера. В них говорится о борьбе «первых населенцев» — русских крестьян с монастырями за владение промысловыми угодьями и местами поселений; о столкновениях русских на Севере с иностранцами — пиратами и военными захватчиками.

Особенно много таких преданий сложено о Мурмане, где еще свежа была память о том времени, когда это было «необжитое место». О преданиях такого рода писал Н. А. Добролюбов: «Если во всех этих преданиях и есть что-нибудь достойное нашего внимания, то именно те части их, в которых отразилась живая действительность»[1].

Наибольший интерес представляет предание об избавлении русских промышленников на Мурмане от дани Анике-воину заграничному (№№ 22—23)[2]. По этому преданию Аника ежегодно приходил на огромном корабле за данью к рыбакам, промышлявшим на западном Мурмане (у Зубовских островов, Цип-Наволока, Печенги, финской гра-

[1] Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы. Полн. собр. соч., т. I. М., 1934, стр. 205.

[2] Анику этого предания не следует отождествлять с Аникой-воином в духовном стихе о «Прении живота со смертью»; однако можно признать заимствование оттуда имени для самонадеянного силача, побежденного в битве и отомщенного за свои злодеяния.

Река Кемь

«Забор» для лова семги на реке Кеми (конец XIX века)

Рыбацкие лодки на Каспии

Старинный способ перетаскивания лодки и снасти по льду на Каспии

ницы), отбирал их улов или заставлял сперва нагрузить рыбой его корабль, а затем лишь разрешал промышлять на себя. Наконец, один «наживочник»— промышленник из русской промысловой артели вызвал Анику на единоборство, отказав в дани, победил его и предал смерти.

Характерно, что именно «наживочник», представитель низшей категории рабочих, в быличке не получающий даже в артели пая, оказывается не только победителем Аники, но выступает и против хозяина: благодаря необычайной силе он, отвечая ударом на удар хозяина, сбивает его с ног одним пальцем, после чего тот не осмеливается никогда его больше тронуть. Этот же образ героя-наживочника дан в другом предании («О сорока рукавицах на одну руку»), имеющемся в архиве.

В основе предания об Анике лежит, повидимому, воспоминание о действительных столкновениях в течение XVII столетия между русскими, постепенно осваивавшими Мурман, и иноземцами, как это видно из исторических документов. Правительство Михаила Феодоровича в 1623 году в особой грамоте заявляло, что «та земля Лопская и искони вечная вотчина наша Великого Государя, а не Дацкого короля», и что если «Немецкие Дацкие люди учнут к ним впредь приезжая каких оброков и дани и с рыбы десятины у них просить и им Немецким людям велено отказывать»[1].

С преданием об Анике связано и название острова Аникиева близ Рыбачьего полуострова на Мурмане, на котором якобы находится могила убитого великана Аники — куча камней. Остров этот, в действительности, служил в прошлые века пристанищем для судов русских и иноземных рыбопромышленников.

«На самом острове Аникиеве сохранилось много плит со старинными надписями, представляющими собою каменную летопись Мурмана. Одна из таких плит покрыта тщательно и красиво высеченными именами датских, немецких и голландских шкиперов, приходивших на Мурман за рыбою в 16, 17 и 18 веках». Одна из этих надписей, сделанная в 1615 г. неким Бернетом Гундерсеном, гласит: « blef jfeg fratagetskif » (у меня отняли судно)»[2]. Содержание этой надписи относится, повидимому, к развитию в те времена пиратства на западном Мурмане, где скоплялись суда разных стран. Не случайно в некоторых вариантах предания Аника является только пиратом. Варианты предания об Анике, как записанные мною, так и известные в литературе, многочисленны, что свидетельствует о его распространенности.

К истории освоения русскими Крайнего Севера относится предание о «морских червях», якобы топивших суда у Святого Носа и у Рыбачьего полуострова. В действительности в этих местах опасность для парусных судов представлял стык двух течений (по-местному — «субой»); у Святого Носа сталкиваются течения океанское и Йокангской губы, у Рыбачьего полуострова — Мотовского залива и Варангер-фьорда. С этим «субоем» было трудно бороться мелким парусным судам, их часто разбивало о скалы. Поэтому в древности суда через узкие перешейки мысов перетаскивали по «волокам» — бревенчатым настилам, остатки которых долго сохранялись на Святом Носу. Огибание

[1] Жилинский. Крайний Север Европейской России. П., 1919, стр. 62.
[2] Там же, стр. 25.

двух опасных мысов — Святого Носа на восточном и Рыбачьего полуострова на западном Мурмане уже несколько столетий назад освоено искусными русскими мореходами. В преданиях эти успехи русского мореходства связывались, под влиянием церкви, с именем «святого» — Варлаамия Керетского, который якобы заклял «морских», «ледовитых» червей, после чего стало возможным плыть мимо мыса.

Предания об основании монастырей большей частью относятся к XV—XVI векам, так как это было вообще время подъема в освоении русскими Севера, в котором монастыри также играли заметную роль.

Много преданий связано с Кольско-Печенгским монастырем и его борьбой со шведами. Основанный в 1550 году Трифоном (сыном новгородского купца) в Печенгской губе, этот монастырь сразу завязал торговые сношения с Голландией и другими европейскими странами и оказывал вооруженное сопротивление попыткам шведов нарушить здесь русскую границу. Царь Иван IV придавал большое значение этому укреплению на дальнем Севере и, когда Трифон явился к нему, пожаловал в 1566 году монастырь «морским берегом, землею, островами, реками и малыми ручейками» и т. д., а также многими льготами. Монастырь неоднократно подвергался нападениям шведов и, в конце концов, был сожжен шведами после кровопролитного боя с монахами. Восстановлен он был лишь в конце прошлого века. В ряде преданий говорится о чудесном отмщении Трифона Печенгского иноземцам, намеревавшимся разрушить монастырь; он то заключает их в каменную гору, то заставляет их онеметь (№ 25). Легенды об окаменевших людях, о сомкнувшихся горах, естественно, могли возникнуть или развиться в условиях Крайнего Севера, поразившего в свое время русских тем, что «земля здесь пришла камениста», в особенности же среди гранитных гор Мурмана.

Предания о Соловецком монастыре, как морской крепости, также связаны с различными событиями его военной истории.

В другой группе преданий нашла отражение борьба крестьян с основателями монастырей, селившимися рядом и вытеснявшими их с лучших промысловых угодий. Например, в предании Зимнего берега рассказывалось о том, что первые поселенцы Соловецкого острова, рыбаки из Поморья, были изгнаны оттуда, чтобы уступить место монахам будущего монастыря.

В предании же об Антонии Сийском, уроженце с Северной Двины жившем в XVI веке, победу одерживают крестьяне. В различных вариантах этого предания жители сел Майды, Золотицы, Шелековского изгоняют Антония с места, выбранного им для постройки монастыря, или вовсе не принимают его, за что он мстит, проклиная эти села. Даже сами историки церкви вынуждены были отмечать этот эпизод борьбы Антония Сийского с крестьянами за земельные и промысловые угодья: когда Антоний основал было монастырь на реке Шелексне, «крестьяне, жившие в той местности, опасаясь, чтобы пустынники не отняли от них земли ... обошлись с ними очень недружелюбно и настойчиво просили удалиться от них». В 1520 году он перешел на реку Сию [1].

Характерно, что во всех вариантах былички Антоний Сийский, уезжая из деревни, проклинает жителей словами: «живите ни голо,

[1] Макарий. Христианство в пределах Архангельской епархии, М., 1878, стр. 10.

СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ

1

[МОЛОДЕЦ И ЦАРЬ-ВОЛШЕБНИК]

Живало-бывало, жил-был да в некотором царстве, в некотором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был царь, у царя была дочь. Задумал замуж отдавать, стал пир собирать и вот на пиру объявил: «Вот кто от меня спрячется, тому полцарства отдам и дочерь замуж». И вот один выискался: «Я, говорит, спрятаюсь». Вышел за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». И зашел он в стог сена. А там стогов, может быть, больше сотни. «Тут меня не найти будет». Царь наутро встает, ключевой водой умывается, чистым полотном утирается, берет волшебную книгу и читает: «Вышел такой-то за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня», — и завалился в стог сена. Слуги, идите, приведите и голову его срубите». Слуги пошли и, по сказанному, как по писаному, нашли, привели и голову его срубили. Царь опять стал пир собирать. И опять: «Кто от меня спрячется, тому полцарства отдам и дочерь замуж». Опять один выискался: «Я, говорит, спрятаюсь». Опять вышел за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». Опять зашел в стог сена. Царь наутро встает, ключевой водой умывается, чистым полотном утирается, берет волшебную книгу и читает: «Вышел такой-то за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня», — и завалился в стог сена. Слуги, идите, приведите и голову его срубите». Слуги пошли, по сказанному, как по писаному, нашли, привели и голову его срубили. Вот опять стал пир собирать: «Кто от меня спрячется, тому полцарства отдам и дочерь замуж». Вот один молодец выискался: «Я только до трех раз. Если найдешь третий раз, то можешь голову срубить». Вот они условились до трех раз. Вот он стал прятаться, вышел за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». Обернулся он уткою, упал в колодезь; обернулся щукою и ушел в синее море. И семьдесят семь морей обходил, на восемьдесят восьмой остров вышел, обернулся тра́виной и стал в траву. А трава там была густая, может быть, на несколько километров. Вот царь утром встает, ключевой водой умывается, чистым полотном утирается, берет волшебную книгу и читает: «Вышел такой-то за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». Обернулся он уткою, упал в колодезь; обернулся щукою и ушел в синее море. И семьдесят семь морей обходил, на восемьдесят восьмой остров вышел, обернулся он тра́виной и встал в траву. Слуги, идите, берите три корабля и эти корабли накосите, нагребите и в груз нагрузите». Ну, у царя слуг не наймать. По сказанному, по писаному, эти корабли накосили, нагребли и в груз нагрузили. Приходят в царство, и вот царь стал кидать траву через плечо. Один до чаю, другой после чаю выкинул, а третий после обеда. Последнюю тра́вину бросил, оказался мужик. «Нать тебе голову срубить». — «Нет, еще два раза нать спрятаться». Вот опять пошел прятаться. Вышел за город, думу думал, мысли мыслил: «Та

пора искать меня». Обернулся он уткою, упал в колодезь; обернулся щукою и ушел в синее море. И семьдесят семь морей обходил, на восемьдесят восьмой остров вышел, обернулся камнем и укатился на середину моря. Царь наутро встает, ключевой водой умывается, чистым полотном утирается, берет волшебную книгу и читает: «Вышел такой-то за город и думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». Обернулся уткою, упал в колодезь; обернулся щукою и ушел в синее море. И семьдесят семь морей обходил и на восемьдесят восьмой остров вышел, обернулся камнем и укатился на середину моря. Слуги, вяжите шелко́вые невода, идите на этих кораблях и наловите этих каменьев три корабля и нагрузите в груз». Конечно, слуги, по сказанному, как по писаному, живо наловили, нагрузили три корабля и пришли в царство. Опять он стал кидать. Один до чаю, другой после чаю, а третий после обеда выкинул. Последний камень выкинул, и оказался мужик. «Теперь, говорит, голову нать рубить». А тот и говорит: «Нет, еще раз нать спрятаться, а тогда голову рубить». Опять пошел прятаться. Вышел за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». Обернулся уткою, упал в колодезь; обернулся щукою и ушел в синее море. И семьдесят семь морей обходил, на восемьдесят восьмой остров вышел и пошел по этому острову, куда глаза глядят. И шел, шел, шел — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а время все вперед тянется. Вот нашел змеиное гнездо, змеи в гнезде не было, а каваши ее выползли наружу; было холодно, он взял с себя халат снял, кавашей укрыл, а сам завалился в змеиное гнездо. «Все одно, от царя погибать или от змеи. Царь убьет, то и змея приглушит». Потом приползает ли, прибегает ли, прилетает ли змея: «Фу, говорит, русский дух! Веко́м не видала, веко́м не слыхала, а тут сам на дом пришел. Сожгу, спалю!» А потом ей свои дети и говорят: «Маменька, не жги, не пали, он нас от морозу укрыл. Ты его не задевай». Тогда она и сказала: «Что тебе, молодец, теперь надо?» — «А вот, говорит, что. Третий раз прятаюсь, государь меня теперь найдет, то и смерть будет». Она взяла его, кругом себя три раза перевернула и рюмкой поставила государю на окно. Царь наутро встает, ключевой водой умывается, чистым полотном утирается, берет волшебную книгу и читает: «Вышел такой-то за город, думу думал, мысли мыслил: «Та пора искать меня». Обернулся уткою, упал в колодезь; обернулся щукою и ушел в синее море. И семьдесят семь морей обходил, на восемьдесят восьмой остров вышел и зашел он в змеиное гнездо, и теперь он должен быть в змеином гнезде. Слуги, говорит, пойдите на корабле и привезите его и голову его срубите». По сказанному, как по писаному, слуги пошли на корабле и нашли там змеиное гнездо, и в этом гнезде его не оказалось. Тут царь стал перебирать, перебирать, и добиться больше ничего не мог нигде. Тогда стал говорить: «Выходи, молодец, где ты есть!» А он тут как есть соскочил рюмкой с окна, и образовался мужичок. Тогда честным пирком и свадебкой. Повенчались и жить-быть зачали.

с. Койда. Коптяков М. Д.

2

ПОСУЛЁННОЕ ПОДАЙ!

Жил-был купец, все ездил вот по городам за товаром. Поехал, его жена осталась в тягостях; а он худо знал про это. Поехал обратно из города с товаром, ему пить захотелось. Ехал он по реке мимо пролуби, тут в пролубе́ ковшичек серебряный. Он обзарился, хотел напиться им, ну не мог никак схватить его в руки. Тогда он припал к пролубе вприпадку. Его Поганое Чудо и схватило за бороду; говорит: «Отдай, чего дома не знаешь!» Он подумал: «Чего я дома не знаю? Все знаю. Ну, пусть твое», — говорит. Приехал домой, его поздравляют с сыном. Он невеселый; ночь пришла, вот и застукалось, — только дом дрожит: «Посулё-ённое по-одай!» Он вышел на крыльцо: «Дай еще ночку ночевать!». И ушло. Опять на вторую ночь застукалось: «Посулё-ённое подай!» Только дом дрожит. Он опять вышел на крыльцо, говорит: «Еще дай ночку ночевать!» На третью ночь сказал своим: «Вот, я отдал сына-то». Конечно, его собрали; опять застукалось, — только дом дрожит: «Посулённое подай!» Его вынесли на крыльцо, ребенка-то, и отдали. Он стал расти не по дням, не по часам, а по минуточкам. Вот скоро большой стал. А вот тут Марфа-царевна была, тоже унесенная, вот они познакомились с ней. Марфа Премудрая... Вот это Поганое Чудо ему задало задачу: «Вот, Иван-Купеческий сын, сделай ты в эту ночь, говорит, чтобы каменный дом был, чтобы все было готово и в дом войти, — печки, цветы и всё-всё. И утром приходи». Вот он запечалился, голову повесил; Марфа Премудрая говорит: «О чем ты, Иван-Купеческий сын, задумался, о чем запечалился?» — «Как мне не печалиться: вот велел мне Поганое Чудо, чтобы к утру был дом каменный и в нем печки и цветы и мебель, и всё-всё решительно». Она говорит: «Молись-ка спасу да ложись-ка спати, так утро вечера мудренее будет». Ночью вышла на крыльцо, кликнула: «Плотнички, все работнички, няньки, мамки, все сюда собирайтесь» — чтобы дом изладить. Вот все стали работать: кто печки кладет, кто чего делает, и цветы, всё сделали одной ночью, только зайти в дом. Марфа Премудрая говорит: «Вставай, Иван-Купеческий сын, ступай докладывай: всё готово». Вот он пришел. (Как он его звал — забыла... Уж не назовешь Поганым Чудом.) «Всё, говорит, готово, батюшко!..» Он говорит: «Ну, говорит, парень, ты хорош-хорош, да чьими ты мудростями живешь?» — «Да чьими, говорит, батюшко, своими». Вот он говорит: «Я тебе еще задам задачу. К завтрешнему дню чтобы было все готово: насади сад и чтобы всякое деревьё было и канавы прокопать, чтобы вода шла, пароходы ходили, и цветы, и птицы сидели разные, стихи пели по кустикам». Ну, вот опять задумался-запечалился Иван-Купеческий сын. Марфа Премудрая говорит: «Что ты, Иван-Купеческий сын, загорюнился, запечалился, буйную голову повесил?» Вот он ей рассказал: «Вот что батюшко велел». — «Молись-ка спасу да ложись-ка спати, так утро вечера мудренее будет». Вот он лег спать; она опять вышла на крыльцо: «Собирайтесь, плотнички, все работнички, все няньки-мамки сюда!» Всё сделали: река пошла, и пароходы, цветы, деревья, и птицы пели.

«Ну, Иван-Купеческий сын, вставай, докладывай: все готово». Вот он встал, пошел: «Батюшко, все готово». — «Ну, говорит, парень, ты хорош-хорош, да чьими ты мудростями живешь?» — «Да чьими, батюшко, своими», — говорит. «Вот, говорит, еще задачу исполни. Склади церковь и чтобы всё было готово: и колокола и ограда, всё». Вот он пришел, опять запечалился, голову повесил. Опять Марфа Премудрая спрашивает: «Чего, Иван-Купеческий сын, запечалился?» Узнала и говорит: «Молись-ка спасу да ложись-ка спати, так утро вечера мудренее будет». Ну, опять так вышла на крыльцо: «Собирайтесь, плотнички, все работнички, няньки, все мамки!» Вот все и собрались, кто чего делает. Опять так же утром будит: «Вставай, Иван-Купеческий сын, докладывай: всё готово». Ну, вот он опять пришел. «Всё, батюшко, готово». — «Ну, парень, ты хорош-хорош, да чьими ты мудростями живешь?» — «Да чьими, батюшко, своими». — «Ну, теперь выбирай себе, говорит, невесту». Он, знаете, поставит невест тридцать в ширинку, рядком. Марфа Премудрая ему и говорит: «Я маленько носок ботиночка высуну, так ты уж смотри». Ее надо-то взять уж, а тех он погубит. Ну, вот он стал выбирать, а Поганое Чудо ему говорит: «Что роешься? Что копаешься?» А он ходит, ну, конечно, ее и выбрал. До трех раз надо было выбирать. Марфа Премудрая говорит: «Я маленько отогну платочка». Вот он и ходит выбирает. А он говорит, Поганое Чудо: «Что роешься? Что копаешься?» Ему надо скорее, чтоб не ее выбрал. Ну, опять ее выбрал. А третий раз говорит: «Я как муху немного рукой отгоню, а ты примечай». Вот он ее и выбрал. А тот все ходит: «Что роешься? Что копаешься?» Теперь они повенчались будто с ней, Иван-Купеческий сын и Марфа Премудрая. Ушли отдыхать, она плюнула три слинки, они будут говорить. «Он хитрый, говорит, а мы сейчас скроемся, уйдем, а слинки будут говорить». За них. Вот это Поганое Чудо говорит: «Идите, будите молодых. Они хитрые, говорит, скроются. Пора вставать». Вот пришли будить, одна слинка говорит: «Сейчас, сейчас, встаем!» Другая слинка говорит: «Одеваемся!» А третья говорит: «Вот идем!» Они, молодые, скрылись. За ними погоню сделали. Марфа Премудрая и говорит: «Припади-ка, Иван-Купеческий сын, ко сырой земле, не гонится ли за нами погонюшка?» Он говорит: «Марфа Премудрая, на пятах, на пятах». Близко, значит, уж погоня. Они сделались лесом, чащей непроходимой, что ни пройти, ни проехать нельзя. Послы вернулись, говорят: «Мы дошли, что больше уж идти нельзя,— чаща непроходимая, лес». А Поганое Чудо говорит: «Вы бы рубили эту чащу, это они и есть». Во второй раз послал послов; Марфа Премудрая говорит: «Иван-Купеческий сын, припади ко сырой земле, не гонится ли за нами погонюшка?» — «Марфа Премудрая, на пятах, на пятах». Вот она обернулась церковью, а его сделала старичком,— он ходит кадит по могилкам. Старым-старым старичком; и церковь вся уж мохом заросла, старинная. Вот послы-то пришли: «Не видали ли тут, не прошла ли парочка?»—«Нет, я — старый старичок, все хожу по могилам, никого не видал». Вот они и вернулись. Сказывают этому Поганому Чуду: «Вот видели церковь и старичка, а больше никого не видели». — «Так это они и есть! Вы бы их рубили топорами, церковь и старичка». Теперь он сам поехал догонять, это Поганое-то Чудо. Вот Марфа Премудрая и говорит: «Иван-Купеческий сын, припади к сырой земле, не гонится ли за нами погонюшка?» — «Марфа Премудрая, на

пятах, на пятах. Сам едет!» Вот они остались за рекой, — сделала она огненную реку, чтобы ему не попасть. Он, Поганое Чудо, говорит: «Меня пропустите за реку, я вам ничего не сделаю». Она махнула рукой, стал чугунный мост. Вот он поехал, это-то Поганое Чудо. Как на середину-то въехал, Марфа Премудрая махнула рукой, он и провалился в огонь. И сгорел. Теперь они по-хорошему обвенчались и сделали пир на весь мир. Жить да быть.

с. Верхняя Уфтюга. Вячеславова А. М.

3

[ТРИ СОВЕТА]

Жил дворник у царя. Прожил три года за работника. И он сознался с евонной дочкой. И царь узнал ихно дело и стал свою дочку сживать. И дворник порешил: «Давай, милок, уйдем от них!» И пошли они в лес. Приземлились, построили они землярочку. Ну, конечно, эта царевна была фартóва молодица. Она хорошо работала ковры, шелком вышивала и даже до золота. У них до этого дело приходило, что даже кушать нечего. Сделала она ковер. «Неси, Иван, продавай». Иван понес в магазин; его не знают как оценить. Ему говорят: «Отдай за слово!» Иван подумал, подумал: «Отдам за слово». Он так и сделал. Отдал за слово. Приходит к своей жонке. Она и спрашивает: «Много ли взял?» — «За слово отдал». Жонка расстроилась. Она опять начала новый коверчик ткать. Соткала. Пришло опять идти. Иван опять понес этот ковер. Приходит в одну лавку, в другую, в третью — никто не берет, — гораздо дорогой. Опять в ту лавку приходит. «Отдай за слово!» И отдал этот ковер. Приходит к своей жоночке. Жоночка и спрашивает, что принес на эти деньги? — «Опять за слово отдал». Опять им делать нечего. Опять жонка его стала ковер ткать, еще лучше. Вот царева дочка третий ковер соткала. Пошел Иван, а жонка ему наказывает: «Смотри, Иван, за слово не отдавай!» Опять в лавку приходит, в другую приходит — не берут. В ту лавку приходит. «Отдай за слово!» — «Ну, два ковра отдал, отдам и третий». Иван пошел, задумавшись: «Как я буду жить? Ковры все распродали...» Попадается ему старик навстречу. И спрашивает его: «Ты, говорит, знаешь, за что ковры продавал?» У его и волоса дыбом. Не знает, что ему и отвечать. Этот старик ему и говорит: «Первое слово тебе: «Видевши смерть, не бойся». «Будешь у царя на пиру, не похай его жену». На третий ковер: «Увидевши свою жену с чужими мужьями, не подымай меча над ней». Ну что, пришло уже время такó, что им стало жить нечем. Пришло ему идти к царю на поклон; ну, царь его не узнал, конечно. И он к нему рядился на корабль ездить по морям. Он поехал, годика два проездил, наверно, свою жонку проведывал. Вот пришелся такой момент на море: стал корабль; никогда так не получалось на этом месте, чтобы стал корабль. Ну и что же, — выходит человек из моря и спрашивает: «Дайте человека!» А на корабле, конечно, не как теперь у нас человек пятнадцать, а, может быть, под сотню[1]. Никому не хотелось вы-

[1] Сказка записана на промысловой лодке — «двойке» на озере Ильмене.

ходить. Никто не пошел. Они спорили-спорили. Решили жребий тряхнуть. А на этом судне ездил этого царя сын. И он был начальником этого судна, капитаном что ли. Ну и что ж, они пришли жребий тряхнуть. И никому не хотелось идти, когда он сказал, что «пойдемте со мной!» И сделали, жребий тряхнули. Жребий пал этому капитану. А тому не хотелось, до смерти не хотелось с этим человеком в море, — думали, что пагуба. Раз ему досталось, приходится идти. И вот он только сказал: «Эх, если бы кто за меня пошел, тому полцарства своего отдал!» А этого своего дворника он никак не знал, что на судне работает. Он и стал просить. А этому работнику и придумалось: «А, «Видевши смерть, не бойся!» Ужо-ка я пойду». И вот сделали бумаги, он полцарства отдавал. Этот человек этого дворника взял, царева зятя. И машина пошла, заработала, — то нейдет никак. Он его забрал когда, приходит дворник с водяным человеком на дно; когда пришли они на дно, в помещенье, там страшно́-страшно́, — страшней еще меня и хуже — жонка его. Вот он и спрашивает, этот царь водяной: «Говори, хорошая у меня баба?» Он видит, что страшна, не знает, что и делать. И вспомнил, что за второй ковер: «Будешь у царя на пиру, не похай евонну жену». Ну, он не похаял. И спрашивает его водяной царь: «Что у вас на Руси дороже ценится, золото или железо?» Он подумал-подумал и говорит: «А вот, говорит, у нас так ценится. Положь золото в амбар и навесь железный замок, — всё, говорит, будет в порядке, золото и железо. А положь в амбар железо и повесь золотой замок, то, говорит, ни железа, ни замка не будет». Потом он его спрашивает, этот царь водяной: «Знаешь ли, говорит, много ли у меня времени был?» — «Да часика четыре, не больше». А этот водяной царь ему отвечает: «Нет, говорит, врешь! Восемнадцать годов». Ну и что же, он в настоящий момент спокойненько его выбросил на этот корабль. Он, конечно, не один рейс давал за эти восемнадцать годов, опять на это место явился. Видят: человек пришел; никто его не узнал, за восемнадцать годов. Выбросили, — он не знает, что и делать. Он им объяснился, как дело было. Ну и что же, по бумагам все признали. Когда пришлось этому отдавать свое подписанное по договору, тогда, конечно, этому цареву сыну было жалко отдавать. Этот корабль шел с разными сукнами... А когда встретились на корабле, — приходится отдавать. Команда поддакнула ему; некоторые были старые, некоторые новые. Когда он отправлялся от того царя от водяного, то этот водяной царь давал ему награжденье, дал ему такую шкатулочку с золотыми птичками. Конечно, царь стал встречать своего сына. А с этим дворником он не знался, — как он его прогнал со своей дочкой, и больше не знался с ним. Когда под берег подъехали, царь встретил, то этот дворник царю признался. Дворник выходит с этого корабля и открывает коробку, котора подарена. С этой коробки золоты птички залетали. Этот сын своему батьке сказал: «Так и так». И этот дворник подарил царю эту коробку. Конечно, этот царь согласился за эту коробку полцарства отдать. Этот дворник пошел к своей жонке. Приходит он уже ночью в свою землянку. А там запоров не было, в лесу. Открывает, а там огонь теплится, — как у нас сейчас, маленький. Он вошел в эту землянку, видит: его жонка лежит с двумя мужьями чужими. У него закипела кровь. Взял вынул меч и согласился ее зарезать. Потом и задумался, — третье-то слово, за третий-то ковер: «Увидевши

свою жену с чужими мужьями, не вынимай меча на ее». И он это вздумал и стал будить ее. Когда разбудил, она его не узнала. Он ее и спрашивает: «Это, говорит, что за графы у тебя?». Он думал, что какие кавалеры приглашены. Она заплакала и сказала: «Наши сынки!» А когда он отправлялся на заработки, она была беременна и принесла двух мальчиков. Он, значит, их разбудил, они его не узнали. И побросили все вообще эту землянку и пошли опять на царство. И царь их принял и отделил им все порученное.

д. Завал. Царев Д. Я.

4

[ТРИ СОВЕТА]

(ВАРИАНТ)

Жил-был Иван-Несчастный сын. И ничего у него не было. Он женился, взял девушку у богатого. Он спрашивает: «Как будем жить?» — «Я буду вышивать ширинки, а ты продавать. Так и заживем». Вот она вышила шириночку, он пошел продавать; велела просить сто рублей. А навстречу он встречает старого седатого старика. «Куда, Иван-Несчастный сын, пошел?» — «А я пошел продавать ширинку». А он говорит: «Дорогая ли?» — «Сто рублей». — «Сто, так и сто, а расчет завтра». Он пришел, жене и сказал: «Ширинку продал, а расчет завтра». — «Ну, я другую вышью». Другую вышила, опять пошел продавать; назавтра опять встречает того старика. Он опять его спрашивает: «Куда, Иван-Несчастный сын, пошел?» Он опять ему отвечает: «Пошел шириночку продавать». — «Сколь дорога?» — «Двести рублей». — «Двести, так двести, а расчет завтра». А на третий день тоже так, — триста рублей за третью-ту. А где его искать станешь, старичка-то? Потом поезжает купец за границу, и он с этим купцом тоже, вроде как рабочий. Жене сказал: «Я пойду наймусь на пароход, на корабль». А он ему, купец, дает: у купца будет девять кораблей, а Ваньке один дает за то, что взад-вперед с ним съездить. Потом он поехал, корабль вышел на середку моря, — и не идет. Царь морской просит да́ню. А никто не спускается в море. А Ванька набрал этих куниц-лисиц: «Мне все равно», говорит (как он Несчастный сын), — и спустился в море. Рукой махнул, ему попалась скоба и отворились двери, и этого старика он увидел. «Здравствуешь, Иван-Несчастный сын! Я теперь за всё тебе расплачусь». Ну вот, он ему и сказал: «Когда приедете с купцом за границу, и ты с купцом спорь: «У меня один корабль, а у тебя девять, и мой дороже». Тут они с ним говорили-говорили, и он, Поддонный царь, заплясал. Волны большие разыгрались. И его́ва хозяйка говорит: «Ты его унимай, потому что на море корабль тонет, и много безвинных душ». И он стал его унимать; и море успокоилось, и волны не забили. Потом ему еще старик напомнил: «Когда приедешь домой, наднеси и не опусти». Как старик ему сказал, он вынырнул кверху; пришли с купцом в другое королевство, и он заспорил: «У меня один корабль, а у тебя девять, а мой бога́тей!» Подсчитали, —

у Ваньки оказалось бога́тей, потому что у него раскрыли нижний этаж, оказалась закачена драгоценного каменья бочка; а одному камешку не могли сделать обценку, один камешек всего дороже. Купец у него уж как слугой пошел. Прошутил свои корабли! У Ваньки стало десять. И он все это богатство распродал за границей, и они вернулись с купцом домой. Когда он пришел в свою деревню, к своей избушечке (а у него жена оставалась в положении), у него жена спит и по обе стороны лежат, — вроде как они порядочные стали, годов по пятнадцати, — два сына-двойника. А он подумал: может, это кто́ спит, вынул саблю и хотел ей секчи голову. И вздумал этого старика: «Старик мне говорил, что «наднеси и не опусти». Разбудил ее, узнал всё, что дети — сыновья. И тем кончается.

с. Верхняя Тойма. Попова П. В.

5

КУПИТЕ УТЕХУ!

Живало-бывало, жил-был крестьянин, у него было три сына. Жили-пожили, отец помер, осталось три сына. Два было женатых, один холостой. Судно свое у них было. Вот в одно прекрасное время собрались идти в Архангельск с салом, — у нас зимою напромышляют зверя, а весной везут всё в Архангельск. Позвали мать, послали за сыном Иваном, — как он был холостой, выпивал, может-быть, где в гостях. Она его привела, срядила-снарядила и дала сто рублей денег. Вот и пошли, а выйти из реки не могли под парусами, — тогда моторов не было, — по́ветерь пала плохая, противная. А от угора все-таки отвалили. Вернулись обратно; те как сыновья женатые, домой вернулись, а Иван пошел в винну лавочку, накупил вина разного, стал выпивать, может-быть, и не один день. И деньги пропил и одежду пропил, чуть что не нагой. А товарищей там хватает! Ну, потом опять хорошая погода. «Мать, иди вдругорядь Ваньку ищи! Пойдем на судно». Мать Ваньку привела, срядила-снарядила и дала ему сто рублей денег на дорогу. Вот пошел на судно, а прилив был малый, их и не сняло с мели. Опять они вернулись домой. Те зашли домой, а Иван пошел гулять, — день гуляет и другой гуляет, да, может, и третий гуляет, пока воды не стало больше. Вот больше стало воды. Погода схороша́ла. «Мать, пойди ищи Ивана, пойдем на судно». Мать нашла Ивана, срядила-снарядила, дала сто рублей денег на дорогу. И вот они пошли на судно, вышли на море и ушли в Город. Погода пала благоприятная. Приходят в Город, так как те братья были старшие, они пошли сало запродавать, а Иван остался на судне караулить. Может, и из матросов кто был... И вот в этом в городу (столичный был город, значит) у царя была дочь. И никто не мог ее рассмешить, а кто рассмешит, за того и замуж отдаст. Вроде заветная она была! Один кособрюхий

купец смешил три года, да и рассмешить не мог. А этот Иван вышел в город и вот идет по городу. Ходил-ходил по городу и видит: один несет ящик на плече и продает: «Купите ящик, сто рублей стоит!» А в ящике что? Неизвестно что. Может-быть, и ничего нету. А сам все кричит: «Купите утеху! Купите утеху!» А у Ивана были сто рублей, которые ему мать дала на дорогу, он ящик и купил. А не посмотрел, в ящике что. Ящик взял на плечо и понес. Приходит на судно, ящик сбросил с плеча, из ящика выскакивают три животинки, три зверька: горносталь, жук и охомяга: «Что, говорят, новый хозяин, прикажешь работать?» Работы нет, он их опять в ящик прикрыл, запер, и поживает. А все-таки этот кособрюхий купец не может эту царевну рассмешить. А Иван выхвалился: «Могу в три часа рассмешить, а не то что в три года!» А до царя не надо под ве́сти подводы, живо до царя весть дошла: «Может не то что в три года, в три часа рассмешить». Вот этого молодца и позва́ли. Вот этот молодец срядился, — одел бу́ксы, ро́кан, зюдвест, — и ящик на плечо и пошел. Вот идет, а эта царевна у окна уж и смотрит, да и говорит: «О, где же этому меня рассмешить, такой чудачок! Что ж, ящиком что ли думает меня рассмешить!» А она не знает, в ящике у него что. Вот этот приходит молодец, в каком кабинете она сидит. Этот ящик с плеча сбросил, и выскакивают из этого ящика три зверька: горносталь, жук и охомяга: «Ну, что прикажешь, новый хозяин?» — «А вот с меня расстегайте, снимайте всё — буксы, рокан, зюдвест и сапоги стягайте». Они раз-раз, кто рокан, кто буксы, кто сапоги и на спичку вешают, а ейное платье срывают, а евонно развешивают. А потом он повалился на пол, а они его катко́м и катят на место к ней. А она уже впокатушку смеется, не может воздержаться. Ей не на него уж смешно, а над зверьками, — они малы ж, еще юла́вы, увёртны. Вот тут и рассмешил он ее, тут честным пирком да свадебка. Государю уж нельзя отказаться. Ну, а вот когда день пропировали-простоловали, этот кособрюхий купец подходит к Ивану, вызывает его и говорит: «Иван, брат, не говори ты перву ночь со своей женой! Вот тебе сто рублей». А Иван говорит: «Да что, и правда. Успею я со своей женой еще наспаться-наговориться. Только еще зачинаю спать-то». Вот Иван взял от него сто рублей, от этого купца, и пошли со своей хозяйкой спать. Он ни слова с ней, отворотился от своей жены спать. На другой день то же, — опять за пированье, за столованье. День прошел, пропировали простоловали; ночь приходит, опять этот кособрюхий купец подходит: «Иван, не говори ты эту ночь со своей женой! Вот тебе двести рублей». Иван подумал: «Да что, я триста рублей прожил, а теперь мне эти деньги в две ночи возвратятся. А со своей женой я успею еще наспаться-наговориться». И вот этот Иван взял двести рублей, и он повалился со своей женой и отворотился, как мертвый. Спит не спит, а никак она не могла его приласкать, хоть и царевна. Он не поддается. Так ночь и прошла. Вот опять день приходит; они умылись, снарядились, как следует, пошли опять банкетовать, пировать-столовать. Ну, вот день так проходит, простоловали и пропировали, — поздно проспали, так день-то и маленький. Опять этот кособрюхий купец к нему подходит: «Иван, не говори ты со своей женой третью ночь! Вот тебе триста рублей». Иван думает: «Ого, это уж триста рублей вперед наживу. Те воротил, да вдвое выворочу». Эту ночь опять он повалился,

отворотился. Как она его ни называла, ничего не могла, чтобы он с ней хоть слово проговорил, не то что-нибудь. Так и третья ночь прошла. Утром встают, помылись, оделись, и к отцу приходит эта царевна. Вот и стала говорить: «Папаша! За кого ты меня отдал, что я с ним три ночи ночевала, трех слов не сказал? Больше я за ним жить не желаю, а отдай ты меня лучше за кособрюхого купца». Вот этого Ивана взяли, посадили в замок, а за этого кособрюхого купца стали взамуж отдавать. Опять веселым пирком и свадебкой. А эта у Ивана утеха осталася; где он ее поставил, там она и была. Вот они как-никак узнали, что «наш хозяин попал в лабе́ц»; из этого ящика выбрались, по следка́м, по духу выследили хозяина, подкопались под землю и нашли все-таки своего хозяина, и вот ему говорят: «Что, хозяин, попал в лабец?» — «Да, попал. Не можете ли как-нибудь выручить?» — «Как-нибудь да постараемся». А этот кособрюхий купец так пирует-столует, во вся идет. Вот так отпировали-отстоловали, поехали к кособрюхому купцу, — у него ведь собственный дом. Приехали — и в спальню сейчас, а эти зверьки, — уж не глупо дело, они знают уж, — забрались туда. Как эти повалились молоды, горносталь их кругом обско́чил, они и заспали оба, захрапели. Этот горносталь и говорит: «Ну, жук, не зевай!» Жук залез к купцу, набрал навозу: «Ну, охомяга, не квась!» А охомяга так их обвалил, что лучше не надо, — и волосы, и рожу, и всё. Ну, как та пробудилась, что хуже и быть нельзя. Запах! «Что ты наделал?» — говорит на купца. «У твоего-то батюшки, говорит, пиво недоварёно, вино недокурёно, меня оттого и смутило». Он уж ни на кого не думает. Встали, сейчас потребовали слуг, принесли ванну, давай мыться; отмылись, надушились и опять в гости поехали. Опять приезжают к государю, пированье-столованье; день пропировали-простоловали, опять поехали к купцу домой. А ехать было-то мимо магазина, штаны продают парусинные, вроде буксов. «Ну, ладно», — думает. Покупил, надел, и поехали. И приезжают домой, разделись, пошли в спальню, а он так в штанах и повалился. Только они повалились, горносталь уж тут как тут. Кругом обско́чил, они и захрапели. «Ну, жук, не зевай!» Он подскочил, а горносталь зубами штаны разрезал, как ножичком. Пробудилась царевна, говорит: «Опять у тебя нелады!» Он ни на кого не думает: «У твоего-то батюшки пиво недоварёно, вино недокурёно, оттого меня и мутит». — «А ты зачем много пьешь?!..» Опять потребовали ванну, намылись-надушились, поехали в гости к царю. Опять пропировали-простоловали; вечер пришел, нать домой ехать. И ладно. Вот домой поехали, он на тот магазин уж и не глядит: «Штаны гнилы попались». А он заехал в кузню, всё себе железом оковал. Приезжает домой, а этот горносталь, — они уж не зевают, — кругом обскочил, они и захрапели. «Ну, жук, не зевай!» Горносталь хвостиком попихал в нос, — тот чихнул, все и выскочило. Наутро встали, — у них опять все по-старому и получилось. Вот помылись-подушились, вот она тут и разжалилась к отцу на своего супруга: «Да за кого ты меня, батюшка, выдал! У нас уж платья угол накоплен». Тогда уж Ивана привели из замка. «Почто ты, говорят, со своей женой первую ночь не говорил?» — «А ко мне подходит кособрюхий купец, дал сто рублей: «Не говори!» А я своих уж триста рублей прожил. Вот и втору ночь подходит, дает двести рублей таким же родом. И подумал: «Что ж, я со своей женой

успею еще наспаться-наговориться. Вот и триста рублей». А потом третью ночь: «На тебе, Иван, триста рублей, не говори со своей женой третью ночь!» Я и подумал: «Что ж, это ведь шестьсот рублей, а где я такие деньги наживу?» Тогда-то вот этого молодца и взяли в работу: «А, ты, говорят, смеяться над Иваном вздумал!» Тогда этого купца казнили, а Ивану все его имущество перешло в ведение. А царевну опять за Ивана выдали, уж надлежащим порядком. Так он ей и повладел. Стали жить и поживать и добра наживать.

с. Койда. Коптяков М. Д.

6

ВСЁ ПОПОЛАМ

Мужичонка любитель был на удочку ловить рыбу. Речка была недалеко, близко к дороге шоссейной. Вышел он поудить рыбу поутру. Рыба плохо попадалась ему на крючок. Как раз едет цыган по дороге с лошадью: «А как ловится рыба?» — «Плохо». — «А я, брат видел: рыбы много ходит. Только если возьмешь меня, — всё пополам». — «Что же!» Ну вот и пошел. А рыбы, действительно, попадает. Что раз, то лещ. Цыган радуется: «Только, смотри, все пополам!» Ну, мужик, конечно, предупредил: «Я все ношу к одному знакомому человеку. Что будет, — все пополам». Вот, конечно, рыбы корзину мужик понес, а цыган сзади. Барин от радости похвалил: «Хорошо наловил, и рыба хорошая!» Ну, и говорит: «А сколько же вам за эту рыбу дать?» А мужик: «Я не один, барин, нас двое». — «А кто же?» — «А вот цыган сзади идет». — «Так сколько же вам за это дать?» — «А ты раньше, барин, мне давал по пятнадцати палок, а теперь нас двое и рыбы порядочно, так ты нам по двадцать дай». А цыган: «Будь ты проклят!» А мужик его держит: «Постой, сейчас рассчитываться будут». Цыган кнутом замахнулся и убежал. А мужик с барином рассчитался.

д. Неронов Бор. Васильев М. И.

7

Которые промышляли, в море уронили якорь. На коргу́ на лодке сделали заметку, где уронили: «На другой раз поедем, достанем!» А где там в море возьмешь?

с. Койда. Коптяков М. Д.

8

Одна старушка из Кушреки провожала сына в море, а на корщика его была зла. Вот и крестится: «Дай-то, господи, моему-то дитятку поветерь, а еретику-то корщику в зубы!» А они в одной ёле.

пос. Териберка. Мошникова А. П.

9

НЕБЫЛИЦА

Вот живало-бывало, в некотором царстве, в некотором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был мужик, у этого мужика было три сына. Вот жили-пóжили, жилы пóрвали. Это мужик помер. Остались эти три сына на возрасте все. Вот они пошли охотиться, а это было предавным-давно. Позабыли они огниво, а тогда спичек не было, и нигде не могли огня достать. Палась погода. И вот один старший брат выполз на дерево, и там увидел огонь за лесом. Сошел с дерева и посылает брата за огнем. Вот брат пошел за огнем и видит: сидит человек огненный, перед ним огненный костер. «Леший, дай огня!» — «Скажи сказку!» — «Не умею». — «Скажи стáрины!» — «Не умею». — «А скажи небылицу!» — «Тоже не умею». Он взял его козлом обернул и поставил греться: «Грейся!»

Те ждали, ждали, ждали; дождаться не могли, послали другого: «Принеси огня!» Другой пошел. Тоже приходит: «Леший, дай огня!» — «Скажи сказку!» — «Не умею». — «Скажи стáрины!» — «Не умею». — «Скажи небылицу!» — «Тоже не умею». Тоже обернул козлом и поставил к огню греться. Ждал-пождал, да и не мог дождаться, пошел сам. Приходит к лешему: «Леший, дай огня!» — «Скажи сказку!» — «Не умею». — «Скажи стáрины!» — «Тоже не умею». — «Скажи небылицу!» — «Ну, небылицу и слов нету». Начал сказывать. Он с ним поусловился: «Ни тпрýкнуть, ни мýкнуть, ни пересекать. Если тпрукнешь, мýкнешь, пересекешь, то я из спины ремень у тебя вырежу да и с петелькой». Вот и зачал сказывать: «Жили-пожили нас сорок братьев. Жили-пожили, у нас родился отец. Вот мать отца крестить, а у нас в деревне церкви не было, надо ехать в другую деревню. Я, как был постарше, братьев посадил на кобылу, а сам на хлебну лопату, и поехал. Ехали-ехали и пришел ручей. Кобыла у нас скóчила и пополам перервалась. Я на пятнички скрутил и поехал. Вот опять ручей. Кобыла опять перервалась, а делать мне нечего, — кобылу свел, отца тут окрестили. А тут стоит дуб. День шевелится, другой шевелится, сошел мужик. Спрашиваю: «Что там на небе хорошего?» — «Все хорошо, только апостолы босы. За морем мухи дороги, а коровы дешевы: за муху с мушенком, а тебе дают корову с теленком». Я давай-то мух имать, да в мешок класть. Наимал мешок дозавязу, потом на небо заполз; на небо попал, за море ушел, наменял шкур и вот с этими шкурами к морю потащился. Бежит старуха, несет матерящу бычью шкуру: «Нет ли еще у тебя какой мухи?» Я мешок тряс-тряс и вытряс муху. Потянулся к морю, а на море перевоза не было. И как мне попадать через море? Шкур у меня много, давай их кидать. За

хвост размашу, раз-раз и кидаю. Все перекидал, а потом эта шкура бычья у меня осталась, я за руку обернул, махался-махался, махнулся да и сам перелетел через море (еропланом!). Потом стал сапоги шить. Всем апостолам по сапогам сшил. А в это время дуб-то сломило, мне с него спуститься никак. А у меня эта шкура больша-то осталась. Вот я ее взял, на ремешки-то выкроил, в небо шило воткнул (и теперь стоит там, осталось так навсегда уж), привязал за шило и стал спускаться по этим ремешкам. Вот и спускаюсь. И сильный ветер пался, стало меня на этих ремешках помахивать. В одну сторону махнет до Киева, а в другую до Чернигова — семьсот верст! А до земли все еще далеко. А у меня, шил-то я сапоги, оставались ко́нечки, это всё я пихал в карман. Я стал привязывать, да всё ниже, да всё далеко до земли. И ко́нечков не стало. Потом у мужика затопилась баня, я этот дым хватаю и узелья вяжу. Всё ниже спускаюсь. Да по грехам у меня развязался узел. Я и пал в болото. Одна голова видна. А у меня волосы были такие кудрявые — утка полетела, гнездо свила. Сижу день, сижу другой; не знаю, как уйти. Приходит лисица, взяла у меня с головы яйцо. Я ей захватился за хвост да и заревел. Она подхватила меня, до грудей выдернула. Сижу опять. Вдруг приходит волк. Яйцо взял у меня с головы, я сумел захватиться за хвост и заревел. Он подхватил меня, да и вытянул до пояса. И сейчас сижу в болоте, не могу вылезть. Вдруг приходит медведь. Яйцо взял с головы, я за хвост захватился, да кругом руки-то хвост обернул; как на него заревел, он меня подернул, да и выдернул, да и хвост-то оторвал — у меня в руке остался. И вот я этот хвост взял, пошел домой. Этот хвост распорол и там нашел ящичек; в этом ящичке писем, столько было писем! Я был грамотный, давай эти письма перебирать, — читал, читал, нашел такое письмо, что мой батька на твоем батьке ездил». Тут уж леший не мог больше утерпеть: «Тпру, стой, говорит, не попало!» Тут уж он вырезал у лешего из спины ремень и с петелькой. И братьев отвернул и огня дал.

с. Койда. Коптяков М. Д.

АСТРАХАНСКИЕ СКАЗКИ

10

[О РЫБАКЕ И РЫБКЕ]

Жил старик со старухой. Старуха у него была больная эдакая, не́враная. Он уходил, рыбу ловил. Жили они бедно-бедно, избушечка у них была с одним окном маленьким. Ну вот, она, теперича, эта старуха, его ругает: «Вот ты ходишь, ловишь-ловишь, а у нас все бедно, не наработал ничего. Корыто у нас худое, все развалёное». Потом пошел он еще удить — поймал золотую рыбку. Начала его рыбка упрашивать: «Пусти меня, дедушка, — всё, что есть на свете, всё тебе представим. Будешь богатый!» Он ее пустил в воду, приходит

домой, — у него дом новый, богатый. Старуха его сидит играет, молодая сделалась, наряжена. Старик удивился: дескать, «какой я богатый стал!» Говорит старухе: «Вот, старуха, золотая рыбка что сделала!» Она старику говорит: «Ступай, скажи ей, чтобы я была земной царицей». Старик уж не рад, — сказал ей про рыбку-то. Замучила она и старика-то. Он пришел к воде, говорит: «Рыбка, рыбка, старуха меня просит, чтобы была она земной царицей». — «Ступай, говорит, исполню всё». Старик приходит домой, а старуха его уж сидит земной царицей. Старик и говорит: «Вот, старуха, вот как тебя рыбка земной царицей сделала». Она сделалась уж, — со стариком не хочет и говорить: «Ступай, скажи рыбке, чтобы сделалась я морской царицей, чтобы надо всей рыбой распоряжалась». Старик подходит к воде, говорит: «Рыбка, рыбка, выдь сюда! Старуха моя хочет быть морской царицей, чтобы она всей рыбой распоряжалась». Рыбка рассердилась, и всё море взбушевалось, почернело всё; подплыла к берегу и сказала: «Будьте вы, как раньше жили!» И махнула махалкой и отправилась от старика. Старик подходит к дому, — старуха сидит по-старому, на прялке прядет и худое корыто перед нею стоит. Старик сказал старухе: «Не жилось тебе, старуха, не былось тебе царицей земной, — морской захотелось! Теперь вот сиди, на прялку гляди, на худое корыто».

с. Камызяк. Васюнкина А. Г.

11

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Жили-были три брата, и из них два брата жили хорошо, а третий брат жил очень и очень плохо. Те братья были женатые, а этот неженатый еще. Поженился третий брат; стал он проживать-продавать женино имущество, потому что его заставила нужда, хворь. Хворал он сильно; хворь его три раза забирала. И выздоровел. Пошел он к тем братьям и стал просить у них денег; те говорят: «Ты опять купишь столярное ремесло?» Ну, все-таки боялись денег дать, — боялись, что он опять продаст. И все-таки дали они ему. Купил он себе столярное ремесло и стал заниматься, столярничать. И вдруг забирает его опять хворь; начинает он продавать опять свое ремесло и носит вещь за вещью на базар, — ремесло стало всё. И он поправился. Деваться ему было некуда, и пошел он в землекопы. Приобрел он себе лопаточку и пошел на землеройку. Это было в старое время, сказка говорится. Никто его не берет. Берут, но других, а не его. Подходит к нему купец и спрашивает его: «Ну, говорит, ты в землекопы?» — «Да, говорит, я в землекопы». И взял его к себе. Приводит его домой, дал ему в задаток денег, а он отнес жене. И проводил его на судно. Доехал он до стеклянного дома пловучего, который был на воде. Прожил он там два месяца. Там была кухарка только, одна-разъединая, — там было разное кушанье, всего не пе-

речтешь: коровы дойные, баранина, говядина. Отъелся там, кормили хорошо. Раз зашел он к ней в комнату и стал рассказывать ей про свое бедное семейство, как он продавал свое имущество и ремесло. Но та ему сказала: «Ты не плачь, ты будешь спасен». И дала ему две дощечки меж собой сцеплены, которые добывают огонь. И он их положил в карман. И приезжает, значит, купец. И забирает его на судно. И уезжает в Золотые горы, где добывают в горах золото. Доезжают они до этих гор. Садятся они на маленькую бударочку, и взял он, этот рабочий, с собой свою лопаточку. Вот доезжают до берега, становятся. «Ну, — говорит купец ему, — давай подзакусим». Достает купец вина и говорит: «Ну, давай выпьем». Раскупорил бутылку вина и напоил вдрезину пьяным рабочего. У него было на пароме захвачено много верблюдов. Разрезает он одного верблюда, вынимает из него кишки и вместо кишек кладет туда этого рабочего. И зашивает верблюду пузо и бросает его на берег. Подхватывают его золотые карги. У этих карог были клювы чугунные. Карги подхватывают его на Золотую гору. И начинают клевать верблюда. И, значит, просыпается рабочий. Купец ему кричит: «Скидывай, давай, золото!» И вот рабочий начал скидывать золото. И купец начал погружать подводы; когда он нагрузил подводы и поехал, закричал ему: «Погибай, говорит, там девяносто девять погибло, и ты погибай сотый!» И вот тот заплакал. Ну, прожил там два дня, и это впадает ему в голову: вынимает он эти две дощечки и говорит: «На что их она мне дала?» И кинул их в сторону. И вдруг получился громадный взрыв огня, ямина получилась. И начал он спускаться по ней; спускался-спускался и дошел до берега. И хотел напиться, ну вода была соленая, — это было море. И у него в глазах что-то потемнело, и это оказался дым. Это ехали братья на судне. Подъезжает ближе судно, и стал он их махать. Те подъехали, и он им начал рассказывать, как сюда попал: «Попал я на эти горы так: взял меня купец и завез на эту гору». Оттель он с собой в кармане набрал малость золота, — ведь Золотая гора. И поехал домой. Приезжает домой. Берет он лопату и идет опять наниматься в землекопы. И, значит, берут его другие купцы рыть землю, ну он не шел. И подходит этот купец и берет его опять. И пошел он к нему. Поезжает опять на стеклянный дом, прожил там неделю. Приезжает опять купец, забирает его на ту гору. Ну, подъехали опять на бударочке к старому месту. И купец говорит: «Давай-ка выпьем». Значит, опять он его хочет споить. А рабочий и говорит: «У меня в кармане есть полбутылочка». И купец говорит: «Ну, давай». И рабочий споил купца. И он разрезает верблюда и зашивает его туда, купца, и отсылает его на гору. И начали карги клевать верблюда, и купец просыпается. И рабочий кричит ему: «Скидывай, давай, золото!» Тот начал скидывать золото. И кричит рабочий ему: «Кидай, давай, записку на золото, на судно, на стеклянный дом и на твое имущество, которое находится в дому, что все это принадлежит мне, под моим, теперича, распоряжением». Тот пишет и кидает ему записку. И этот берет. «Ну, говорит, сказал ты мне, что там погибло девяносто девять человек, а ты, говорит, теперича, погибай сотый». И тот заплакал, купец, а этот уехал. Подняли на судне пары и уехали. Попадается им первый стеклянный дом. Взял он

эту прислугу на судно, чтобы ее спасти. И ударили из пушки в стеклянный дом. И стеклянный дом погиб. И приехали они в купеческий дом. И начинают хозяйничать.

с. Камызяк. Топлов К. А.

12

[ОКЛЕВЕТАННАЯ ДОЧЬ]

У купца были сын и дочь. И он эту дочь отдал учиться к попу, и она у попа жила несколько лет. И отец наказал, чтобы ее не пускать никуда. И поп все время ее держал назаперте́. И никто к ней не ходил, кроме няни, только что ей носила обед и завтрак. Девочка уже выросла взрослая, большая. И поп заставляет истопить баню своих этих прислуг. Прислуги истопили баню и посылают мыться в бане эту самую девочку. И когда она пришла в баню и начинает мыться,— и приходит поп. Девочка стала защищаться от попа и взяла в таз кипятку и плеснула ему в лицо. И поп из обиды написал отцу письмо, что «дочь твоя нехорошая, позволяет себе нехорошие вещи, не слушается в общем меня, и ходит много гулять». Когда отец узнал про это, и послал своего сына и наказывает сыну: «Убей эту дочь и привези ее сердце на блюдце». И когда сын поехал, приезжает к своей сестре в темную-темную ночь и стучится ей в окно, но она его не пускает к себе в комнату. И когда она узнала голос брата, то она его пустила. И когда увидал брат сестру, ему стало жалко убивать ее. И он стал ее спрашивать, правда или нет, ходила она гулять или нет? Она стала рассказывать брату, как все это было. И брату стало жалко убивать сестру. И они посоветовались так: убить собаку и представить отцу сердце этой собаки. А ее выпустить на вольный свет. А когда будет подъезжать к дому на пароходе или к пристани что ли, то это сердце нарочно уронить в воду. А когда он уронил в воду, то говорит: «Папа, я нечаянно уронил в воду». А отец и сказал: «Собаке собачья дорога». Конечно, он собаку убил. А эта девушка несколько лет ходила по лесам и питалась, чем могла. Поехал царский сын на охоту, напал нечаянно на эту девушку, но она была вся нагая и стояла в кустах. Он стал говорить: «Кто там в кустах? Выдь ко мне!» Но она говорит: «Я выйти не могу, я вся нага». Тогда он снял с себя плащ и отдал ей. И она надела этот плащ и вышла к нему. И она ему понравилась. И он ее взял к себе, и она у него жила несколько лет. Года два там или три. И никто не знал о ней, его родители, что у него кто-то есть. И когда ему предложили жениться, он им сказал, что «уже невеста у меня есть», и попросил родителей, чтобы разрешили на ней жениться. Родители были не против, разрешили жениться. И они поженились. И она с ним жила два года. И у них народился мальчик, звать его Юрий. И когда она прожила года два-три, стала скучать по родине. И стала звать своего мужа на свою родину; но мужа родители не пустили, а пустили ее одну с ребенком и дали ей корабль. И поручили старшему командиру, чтоб ее доставить до ее города. Когда они поплыли на корабле, то командир сговорил свою команду ее утопить и сказать их родителям, что

был сильный шторм и она стояла на палубе и нечаянно упала. Но это все подслушал повар и рассказал ей. И дал ей шлюпку и ее спустил тихонько. И когда она поплыла в шлюпке, прибило ее к скале и о скалу убило этого мальчика. Она схоронила этого мальчика на этой скале. И сама пошла на свою родину, в свой город. И когда она пришла в город, зашла к парикмахеру, сняла волосы и оделась по-мужскому и пошла искать работы. И познакомилась с одним товарищем, и он ее устроил на работу к ее отцу. И когда у отца созывался пир, то приехали ее свекор и свекровь и муж к ним на пир. И этот поп приехал и вся команда этого корабля. И начался у них вечер. И начали тут рассказывать все анекдоты, сказки. И сын говорит: «У нас есть дворник и он очень интересную знает сказку». И когда этого дворника призвали и стали его спрашивать эту сказку, он им сказал: «Раньше нужно сделать уговор, — уговор, говорит, дороже денег, — чтобы не было никаких возражений», — могут они возражать ему, что он им будет говорить, чтобы не было этого. Гости согласились. И он начал им рассказывать: «У этого купца была дочь. И он отдал ее этому попу воспитывать, но поп на нее наврал и послал вот этому купцу письмо, и отец послал своего сына и велел эту дочь убить; но сын не убил, а убил собаку и представил собачье сердце отцу и нечаянно уронил его в воду. А эту дочь выпустил на вольный свет. И она несколько годов ходила по лесу, а вот этот царский сын нашел ее в лесу и привез ее домой. И когда его родители предложили ему жениться, то он стал просить родителей, чтобы жениться на ней; но его родители не возражали. И когда она с ним прожила два-три года и стала проситься на родину, они мужа не пустили и дали ей корабль и поручили старшему командиру доставить; но командир захотел ее утопить, а это подслушал все повар и сказал он ей и дал ей шлюпку и ее спустил с корабля. И когда она плыла по морю, прибило ее к одной скале и о скалу убило мальчика. И она этого мальчика схоронила на скале и сама пошла в город, на свою родину. И пришла к парикмахеру и подстриглась и поступила в дворники вот к этому купцу. Он мой отец, а я его дочь. Это — мой муж, это — мой свекор, это — свекровь, это — мой брат, это — мой отец, а эти — мои враги: поп и вся команда». И тут их всех судили. А ее взял муж к себе, и уехали. И все.

с. Камызяк. Балясникова Е. О.

13

НЕБЫЛИЦА

Это вот было дело со мной. Отца у нас не было, и мы были двое с братом со старшим. Брат однажды мне говорит: «Ну вот что, Николай, едем-ка в море!» Это дело было зимней порой. У нас лов производится и в зимнее время. Между прочим, у нас была в наследстве только собачка, ее звали Жучкой. И вот мы это запрягаем в салазки Жучку, кладем на салазки пятьдесят снопов сена, пятьдесят концов сетей и весь морской инвентарь. Выезжаем в море. Подъезжаем к окрайкам льда, ставим сети. Рыбы было в тот момент очень много. Вы-

бираем сети с рыбой, поднимаем парус и бежим по морю. Жучка у нас на руле. И что же мы видим в горизонте? Вид города. Ближе подъезжаем, видим: на самом то деле город. На набережной стоит постовой. Спрашиваем: «Что за город?» Постовой отвечает: «Город Петроград, ныне Ленинград». Брат мне говорит: «Мы задались мористо, давай поворачивай назад». Повернули. Брат у меня остался на мосту, а я остался на руле. Вдруг выплывает белуга. Размахивает махалкой, расшибает нашу лодку пополам. Ну, и брат побежал фокмачтой, я же остался на руле, пошел большим парусом. Не знаю, что было с братом, но со мной случилось следующее: я вхожу в Никитинский банок, и та белуга, которая нас расшибла, поглощает меня. Ну, я остаюсь в этой белуге... Оказалась эта белуга икряная. Нужно сказать, что я материально был обеспечен от этой белуги. Не скажу, долго я в ней был, нет ли, но эту белугу ловят рыбаки в сетях. И когда они распарывают эту белугу, я, по обыкновению, остаюсь ни в чем невредим. Ну, приезжаю домой, а у меня дедушка был, старичок, мне говорит: «Ну, вот что, внучек, нужно ехать за камышом». У нас большинство здесь топит печи камышом. А у нас была ветхая матка-кобылица, а он ее все звал Сивухой. Запрягаем это Сивуху, ну, и едем за камышом. И вот, не доезжая поселка Троицкого, — здесь у нас есть поселок небольшой, нашего района, — да мне дедушка говорит: «Давай, внучек, напоим кобылу!» Я пробил ма́йну — пролубь, а шея-то оказалась короткая у кобылы. Ну, что тут делать? Беру топор, рублю кобыле голову, оставляю голову на пролуби поить, а сам взнуздал кобылицу и поехал дальше. Доезжаем до поселка Троицкого, мне народ кричит: «Мальчик, у вас лошадь-то без головы!» Дедушка говорит: «Внучек, давай вернемся, возьмем голову!» Вернулись, взяли голову, положили в сани, ну и поехали. Приехали; камыш накосили, увязали, поехали обратно домой. Кобыла фырчит; а мороз был сильный, трава зеленая была. Подъезжаем к берегу, бударка у нас полна с водой. Мне с берегу ребятишки-товарищи кричат: «Николай, у тебя народился отец!» Я бросил лошадь и пошел смотреть отца. Отцу в то время было сорок семь лет. Всё.

с. Камызяк. Арефьев Н. Н.

14

НЕБЫЛИЦА

Жил был всемирный сом. Много перетаскал он людей, этот сом. Стояла на берегу большая кузница. И вот однажды этот сом вышел и кузницу эту свалил. И вот стали тянуть неводами, чтобы затянуть этого сома. И затянули сома этого, стали резать его, — вот стоит в нем кузница и кузнецы и куют живые. Всё.

с. Камызяк. Петров К.

СЕВЕРНЫЕ БЫЛИЧКИ И ПРЕДАНИЯ

15

У Ростовского озера жил старик, рыбу ловил, ставил сети несколько лет. У него была построена избушечка. Один раз слышит: коровы заревели. А далеко, — откуда коровам быть? Вышел, смотрит: три большие коровы ходят пестрые и вымя чуть не до земли. Он их загонил в дровяник и кругом обошел дровяника. Застал их, подоил, молока что уж и девать некуда. Вошел в избу. На озере вдруг как загремело, он уж думал, что провалилось всё. Выглянул, видит: вышла женщина, села на камень, стала волосы чесать, — длинные, чуть ли не до земли. Вычесала, заплела косы, завила и начала: «Тпру́ка, Тпру́ка, тпру́ка!» А коровы нигде не откликаются. Потом уже выбежали дети из воды, прислуга вся, забегали... А она к земле нагнулась и нюхает, как собака, ищет. И нашла все-таки, что они в дровянике. А достать не может, переступить через черту эту. И вот начала: «Подай мне мои коровы!» — «Какие они твои? Зачем на мою поляну пришли?» Так она и ушла. Потом как-то он поехал на середину озера, сети ставить ли, — вдруг водяниха выскочила из воды и схватилась с ним. Он ее косы замотал вокруг руки, мотает ее, вот она и стала сдаваться; в воду ушла и крикнула: «Всем закажу водяным и морским и всяким, чтобы с дедкой Савкой знаться!» И больше водяниха не показывалась. И коров он отгонил в деревню. И про них говорили: «Это не Савкины коровы, а водянихины».

16

На Терском берегу есть река Кица. Очень в давнее время, когда Марья была Кица девушкой, познакомилась с одним молодым парнем. Парень хотел на ней жениться, но уехал надолго из своей деревни в чужую деревню. Понравилась ему в чужой деревне девушка. Парень женился на девушке; когда привез ее в свою деревню, узнала Марья Кица, сильно горевала и плакала. Никто не мог разговорить девушку. Она с такого горя переехала реку Кузомень, пошла к реке Кице; с огрубленья бросилась она в речку и потонула. А другие говорили люди, что она живая, вышла замуж за водяного. За таку́ обиду Марья Кица двенадцать лет семги не давала. Не было семги в реке Кузомени. Кто по ней, немного семги давала; кто не по ней — тому ни одной рыбы. Много коров погубляла и людей в Кице, до того, что жители давали ей в дань деньги и скота. В одно время пришли суда из Поморья, поморы за семгой. И один матрос разговорился с жителями: «Почему у вас мало семги?» Мужики про все рассказали, что на лугу ее видали: колотит в дощечку, как в гусли играет, а заколотит на реке Кице, по всей Кузомени слышится, и семга уходила в станы. Матрос был оборванный, помор, — из Поморья. Мужики стали просить его, чтобы помог ихнему горю. Матрос долго не соглашался; наконец, согласился.

Вечерней зарей матрос вдруг с судна в воду скóчил и ушел в воду камнем. А другие мужики-поморы переехали к реке Кице и слышали, как он говорил с Марьей Кицей. Сперва говорил по-хорошему, потом стал говорить очень неприятно: «Ежели меня не послушаешь, Марья Кица, то я все твое домовище разрýшаю, всех твоих детей-чертей повыгублю. Не то что не увидишь головы человеческой, а не попробуешь никакой головы пропадýжины у меня». Тут Марья Кица соглашалась, что не будет ничего губить, — ни скота, ни народу и семги. Трóи сутки помор был в воде; на четверты прям своего судна всплыл и вы́цепался на судно. Поморы семги набрали и домой ушли. На другой год помору не удалось сходить за семгой в Кузомень; он ушел был на Новую Землю. А на третий год помор пошел. Пришли в Кузомень, а матрос-мужичок стал спрашивать: «Ну, как Марья Кица поживает? Дает ли семги?» Мужики ему отвечали: «Семга ловится плохо. Наверно, Марья Кица не дает». Пришел вечер, вечерней зарей мужик разделся и в воду. Сутки не выходил. Марью Кицу с детьми из реки Кицы выгнал. Через сутки, когда мужик вышел из воды, сказал: «Не будет больше ни Марья Кица, ни ее дети, ни ее слуги. Кицу-реку очистил». С той поры матрос-помор больше не бывал, жители не знают, кто он был. А корабельщик его судна говорил: «Он не сказывался, какой и откуда. Когда пришли в Поморье, выгрузили семгу, распростился и ушел».

д. Нижняя Золотица. Крюкова М. С.

17

В селе старушка Олена Федоровна Олипаева была; рассказывала: «Поехали на озеро ловить, и попал в невод водяного сын. Просится: «Спустите меня!» А постарше у нас был, говорит: «Нет, не спустим. А сколько нам дашь рыбы, пока мы живы, на каждый год, тогда отпустим». И потом отпустили. И каждый раз, как невод ни закинем, — всякий раз полон рыбы. И так несколько лет, пока жил старичок, который его выловил».

18

Сидели прежние старики на тоне. Приходит старичок: «Развязать ли?» Один терпел, терпел: «Ну, развяжи», — говорит. И вот наýтре этот встал и смотрит: весь невод развязал у него и весь на клубья свил. На другой день повалился спать; опять приходит: «Завязать ли?» — «Да завяжи ты!» И на другой день опять невод на старом месте.

с. Кереть. Коргуев М. М.

19

Старик был у нас в деревне, Прокопий Васильевич Русановский, и вот таким же старушкам начинает сказку сказывать. «Много ли рыбы наловил?» — его спрашивают. «Ой, бабы, и сказать боюсь, что случилось! Захожу я под Маркýшину Новину (где стоят ловушки у него), а там на колоде сидит женщина, чешет волосы гребнем, до пояса, длинные. Она как увидела, так булькнет в воду, и больше ее не видал. Выбрал переметы и больше ловить там не стал». Это он отпугивал, чтобы никто не ловил, — там было очень рыбное место, а сам ловил тайно.

д. Высокая Гора. Серхачов Я. Ф.

20

Новгородцы ездили сюда за промыслом. Старики, бывало, говорили, — как увидят рынчаг, уезжали обратно: «Море вышло, а берега остались!». Потом сыновья ихние стали ездить. Тут еще населения не было. Потом новгородцы стали селиться тут больше. Бывало, вечером в карты играли «на юрóк»; завтра пойдут в море, так юрок вытянет и ему отдаст.

д. Нижняя Золотица. Ануфриев Н. Ф.

21

Были «хозяева становища», как первые заселенцы. Им, когда приходили в становище, надо было платить, прежде чем промышлять. Кто деньгами, кто рыбой, кто подарки большие делали. Колдун становища Лицы был первый населенец. Слыхал я от своего дедушки, — он сейчас покойный, — кто не хотел на подарки, то начинали бороться: «Согласен ли бороться?» В Койде был Федор Кренев, колдун. Они сошлись бороться. Тот ударил слабо, а Кренев сильно. На второй раз они начали сходиться, тот привез в шлюпке войско, рабочих своих, — богатый что ли был... А Кренев научил своих: «Как они будут на судно лезть, колотите их башлугами(?) по рукам». Они так и сделали, а Федор Кренев спустил им в шлюпку двухпудовую гирю. Шлюпка затонула, и делу конец. Они-то выплыли все, но драться уже не стали.

с. Койда. Малыгин П.

В дер. Нижняя Золотица также существовало предание о «доле», которую платили приезжие промышленники на Мурмане «первым населенцам» становища Восточной Лицы. Запись от Голубиной А. И.

22

Аника, воин заграничный, приходил с запада, кажется, из Голландии. Приходил он на судах, останавливался у Цип-Наволока или у Зубовских промыслов. Весь промысел зверя и рыбу — всё отбирал.

С промышленниками был один наживальщик. А наживальщик был такой: лежал морж на льду, наживальщик и говорит: «Хозяин, я там одному коту оторвал голову». А смотрят: он моржовые клыки принес. И сказал он кормщику: «Дайте мне с Аникой сразиться!» И вот они сразились. Сразу убил Анику наповал. Потом его спросили: «Куда твою долю промысла?» Он сказал: «Мне ничего не надо». И скрылся, больше его не видали.

пос. Териберка. Карельская.

23

Был на Мурмане такой, приходил на своей лайбе, и пока ему не напромышляют, не позволял никому промышлять. Та́к было много времени, пока на промысла не пришел один наживальщик. И сказал: «Ни одной рыбины ему не дам!» Хозяин его судна и остальные рыбаки говорили: «Что ты! Он нас всех убьет». — «Никого не убьет, а рыбины ни одной не дам». Когда пришел тот, наживальщик отказался дать рыбы; тот на него, наживальщик его ве́рнул, так поборол, что тот запросил: «Спусти меня живого, больше никогда не приду». Так и было. Кто был наживальщик и откуда — неизвестно.

Тот же наживальщик, у какого хозяина был, он ему дал ва́чеги пережимать. Наживальщик спросил: «Как пережимать, посуше или помокрее?» Хозяин сказал, что посуше. Он разорвал рукавицы надвое и подал. Хозяин на него было, а тот только колону́л его кукишкой по голове, тот и уселся. С тех пор ни рукавиц уж не стал его заставлять выжимать, ничего.

д. Нижняя Золотица. Шибаев Ф. И.

24

На Печенге приходил из каких-то стран великан, отбирал у промышленников первый улов. И когда нагрузит корабль рыбой, насытятся его глаза богатством, тогда разрешает им промышлять. А кто если ему не даст улова, то убивал. Раз пришел небольшой человек, стал проситься на суда рабочим: «Жалованья мне не надо, а только кормить». Много судов обошел, но никто не хотел брать, что бродячий человек. Наконец, на одно судно взяли, и он оказался очень понятливым: какую работу ни покажут, другой раз не надо показывать. Тут промышленники стали ждать великана, боятся до него одну рыбинку уловить. Вот он пришел, а этот человек говорит своему хозяину: «Дозволь мне с ним сразиться!» Все ужаснулись, но он сказал великану, чтобы се́йгод рыбы не ждал, предложил ему сражаться. Поднял великана и бросил его о камень, что тот не шевельнул больше ни ногой, ни рукой. «Вот и все ваше страшилище!» Затем сказал своему хозяину, что весь род его будет жить не в богатстве, но в сытости; пожелал всем промышленникам счастливо промышлять, спустился с судна и ушел в Печенгскую губу.

25

В Печенгу шли иностранцы. Шли для погубления Печенги. Легли спать, и после все онемели, что ни по-своему не могут, ни по-русскому. После одному отдался язык, он сказал, что «когда стали спать ложиться, пришел старец с огоньком и сказал: «На русскую землю пришли, да не с хорошим помыслом!» После стали просить прощения, как вернулись языки.

После шли шведы, сила. Встретился им человек, спросил: «Куда, дружья, идете?» Они сказали, что разгромить Печенгу. «Это дела хорошие». Повел их, привел к двум горам, открылась яма. «Вот вам за ваши добрые дела!» Они там и остались, а горы сошлись, как и были.

д. Нижняя Золотица. Крюкова М. С

СТАРОАРТЕЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

СТАРОАРТЕЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

Промысловые обычаи русских рыбаков и морских зверобоев конца XIX — начала XX века были обусловлены общественно-экономической обстановкой того времени.

При развитых капиталистических отношениях промысловый быт русского населения Севера характеризовался элементами общинного владения рыбными угодьями и староартельными формами труда.

Рыбные угодья принадлежали на Севере обычно крестьянскому «миру». Многие являлись собственностью Удельного ведомства или какого-нибудь монастыря; но и тогда их арендовали обычно «мир» или крупная артель односельчан.

Существовали попытки регулировать отношения между артелями на промысле. Распределить заранее районы промысла и согласовать действия артелей было чрезвычайно важно, так как промысловая добыча, — например, сельдь, гренландский тюлень, — держится часто сплошным стадом, и ловцы могут сильно мешать друг другу и портить промысел, если их соберется слишком много в одном месте. Поэтому на устьинском зверобойном промысле в Мезенском заливе до семидесяти мелких артелей — «лодок» составляли небольшие отряды — «ро́мши» по пяти-шести лодок и объединялись под руководством опытнейшего главного «юровщика». С юровщиками ромш и имел непосредственно дело главный юровщик. Крупные объединения артелей — «бу́рсы» составлялись из односельчан (д. Лопшеньга. Федотов А. А.). На моржовом промысле на Новой Земле в XVIII веке было принято в случае нужды соединяться временно нескольким артелям. Это называлось «сбить котляну» (от слова «общий котел»?), а сама котляна носила название «смашной»; котляна же, составленная заранее, на родине, называлась «плотной». В неводных артелях на Ильмене для подледного промысла объединялись две артели (д. Неронов Бор. Васильев М. И.).

Устанавливали также очередность при выметке невода, используя для этого обычно жеребьевку (Усть-Кубинский район) или скачки на лошадях («обго́ныш») к месту промысла «рильщиков» артелей (под Новгородом).

Разграничение угодий между деревнями было недостаточно четким. От поколения к поколению передавались споры об отдельных участках территории; так, на Печоре враждовали жители с. Усть-Цыльмы и

Пустозерска. Когда артели разных деревень встречались на таких спорных участках, дело доходило до крупных столкновений. Один из золотицких зверобоев рассказывал: «Если наших промышленников заносило до Моржовца с промыслом к койдянам, то обирали промысел они» (д. Нижняя Золотица. Попов А. Д.).

Особенно многолюден и шумен был сельдяной лов в Сороцкой губе в Поморье, куда съезжались промышленники с большой округи. Там скоплялось по 500—600 лодок, а на скалистом островке Шиж-Луде, сборном пункте их, — около двух тысяч человек, приезжавших с лошадьми, чтобы увозить на них рыбу.

Наиболее сложны по своей структуре и по традиционным обычаям, связанным с их организацией и с режимом на промысле, были неводные артели около тридцати человек на самом озере Ильмене, существовавшие еще в конце XIX — начале XX века.

Организация артели на промысловый сезон и другие моменты артельной жизни сопровождались традиционной обрядностью. На Ильмене «рукобитье» с обедом у «ватамана» означало, что артель на этот сезон сформирована, из состава ее не выходили уже до конца промысла. (В олонецких артелях рыбаки в этот момент обещались друг другу «не изменить неводу», т. е. своей артели.) В день подготовки («ставки») невода устраивался «ста́вошный обед», на котором жгли свечи, затем раскладывали куски невода «на четыре руки» (т. е. на четыре стороны света), уговаривались, кто с кем будет работать, и затем выносили готовый невод на улицу. «Ста́вошный обед» устраивался вскладчину, готовила его жена ватамана со своими дочерьми (д. Ямок. Саперов В. И.; д. Неронов Бор. Васильев М. И.; с. Самокража. Пехова А. О.). Такой же характер носили и «отвальные обеды» на Севере. Иногда обязательная общая трапеза сохранялась и на самом промысле — при первом лове.

Обычай совместной трапезы промышленников получил особенно яркое выражение на морском зверобойном промысле. Все члены артели (обычно семь человек) собирали в одно место привезенные припасы — «у́жну», и никто не имел права есть отдельно, а только по особому для каждой трапезы распоряжению старшего в артели или в бурсе. Зверобойный промысел был наиболее сопряжен с риском (в особенности, вследствие частых случаев относа на льдине в море), а поэтому строгий учет и регулировка пищевых запасов на случай аварии и неожиданных задержек в море были необходимы.

Каждый в деревне считался имеющим право на часть улова любого промышленника-односельчанина в количестве, потребном на «ва́рю» (на приготовление пищи на один раз). В первую очередь это право признавалось за теми семьями, у которых промышленник находился еще в море. Распространенность этого обычая у русских рыбаков в разных районах рыболовства — и на Севере и на Юге — объясняется тем, что он являлся своеобразной формой взаимопомощи. Промышленник, давая рыбу, мог надеяться, что такую же помощь получит и его семья, если у него будет неулов.

Повсеместно были распространены и древние обычаи дорожного гостеприимства на Севере. К этому относится наделение путников бесплатно рыбой из свежего улова. Кроме того, путник мог зайти в любую промысловую избушку, даже в отсутствие хозяев, и воспользо-

ваться запасами, оставленными там. Специально для этого на Мезени держали немного сухих дров, спичек, муки или сухарей, соль. Покидая ночлег, путник, по возможности, должен был восстановить запас дров, но платы оставлять не полагалось (д. Нижняя Золотица, Ануфриева П. В.; Терский берег. Брискин; г. Архангельск. Рагушин Ф.; с. Кереть. Коргуев М. М.). При бездорожье и суровых климатических условиях Крайнего Севера этот обычай был вполне оправдан.

В Советской Арктике практикуется устройство специальных аварийных баз для находящихся в пути полярников и охотников.

К концу XIX века артель, сохранявшая многие древние общинные традиции, в то же время приобрела и все черты капиталистического предприятия, ячейкой которого, в сущности, она и являлась. Положение взрослых промышленников в ней резко отличалось от положения «неполных рабочих» — подростков и детей. Паи в артелях были диференцированы соответственно сложности и важности функций, выполняемых ее членами; так, на ярусном лове паи колебались от полутора паев (для старшего) до четверти пая; мальчики же, занятые на подсобной работе, получали лишь несколько рублей в лето и кое-что из одежды.

Но нередко на Мезени взрослых рабочих, пришедших в артель «с одной котомкой», т. е. не сделавших в нее вклада снастью и другим снаряжением, принимали в качестве «наживочника» — неполного рабочего за соответствующую долю пая.

Значение опытного «старшего» артели было очень велико. Каждая артель старалась залучить его к себе, каждый хозяин делал все возможное, чтобы удержать у себя такого «специалиста».

Обязанности старшего на озерном и на морском промысле были очень сложны.

На Ильмене выборный ватаман иногда выполнял свои обязанности по 50—60 лет, благодаря своему исключительному промысловому опыту. Каждый год рыбаки вновь организуемой артели приходили звать его, и он, после традиционного троекратного отказа, наконец, соглашался: «Ну что же, поработаю еще годок!» (д. Ямок. Саперов В. И.). Об обязанностях ватамана один из авторов второй половины прошлого века писал: «Он назначает место и время лова, распределяет людей на работы, распоряжается ловлею и продажей рыбы. Ватаман должен знать все места, где производится лучший лов рыбы, где есть какие неудобства для лова и какие предпринимать средства для отвращения этих неудобств»[1].

Кормщик на тресковом ярусном лове должен был уметь держать курс судна, причем обычно, кроме самодельного компаса — «матки», морских приборов у него не было, и ему приходилось в значительной степени ориентироваться по «приметам», запоминая ряд деталей на берегу; по полету птиц, по облакам и пр. уметь предугадывать погоду, внезапное изменение которой могло оказаться гибельным для судна и людей; при выметке яруса учесть течения, в которых станет держаться треска и на какой глубине при данной температуре. Он распределял также работу между остальными членами артели и руководил ею.

[1] Н. Богословский. Рыболовство и рыбоводство в Новгородской губ. «Новгородский сборник», вып. III, 1865, стр. 14.

На семужьем промысле «заборщик» был занят устройством грандиозного «забора», а затем руководил ловлей семги; он же распоряжался засолом ее и продажей.

Суровые условия труда рыбаков и морских зверобоев требовали закалки с раннего детства. Мальчиков уже лет с десяти издавна брали с собой на промысел, чтобы приучить их к морю и лову. На зверобойном промысле мальчики такого возраста приучались к работе во льдах. «Первый раз пошел в море двенадцати лет промышлять, — рассказывал А. А. Малыгин из с. Койды, — в лодку не мог заходить, был мал ростом, так колодку подставлял, а то когда подсобляли и взрослые. Во время отлива бегали на море, обзевались, — лед дал трещину. Я не мог перескочить, отец перепрыгнул, захватил меня багром за воротник и передернул. Как-то раз выходили на берег на лодках, на острове Моржовец. Тридцатиградусный мороз был. Взрослые протянули мне веревку и велели, держась за нее, перейти. Что я знал! И окунулся по горло в воду. Вытащили меня из шуги и, пока до тороса не дошел, не переодевали, так мокрым и шел».

Однако в связи с развитием капиталистических отношений дешевый детский труд получал все большее значение на промыслах. Обычно в зуйки нанимались дети бедняков и сироты. Эксплоатация этих детей принимала самые вопиющие формы; работали они чуть не сутками.

Над детьми, впервые попавшими на промысел, «первогодками», обычно разыгрывали шутки, которые по сути были направлены на то, чтобы испытать их сообразительность, приучить к выдержке и примирению с тяжелой обстановкой на промысле. Но в условиях капиталистического найма эти шутки нередко превращались в грубое издевательство над бесправными малолетними работниками.

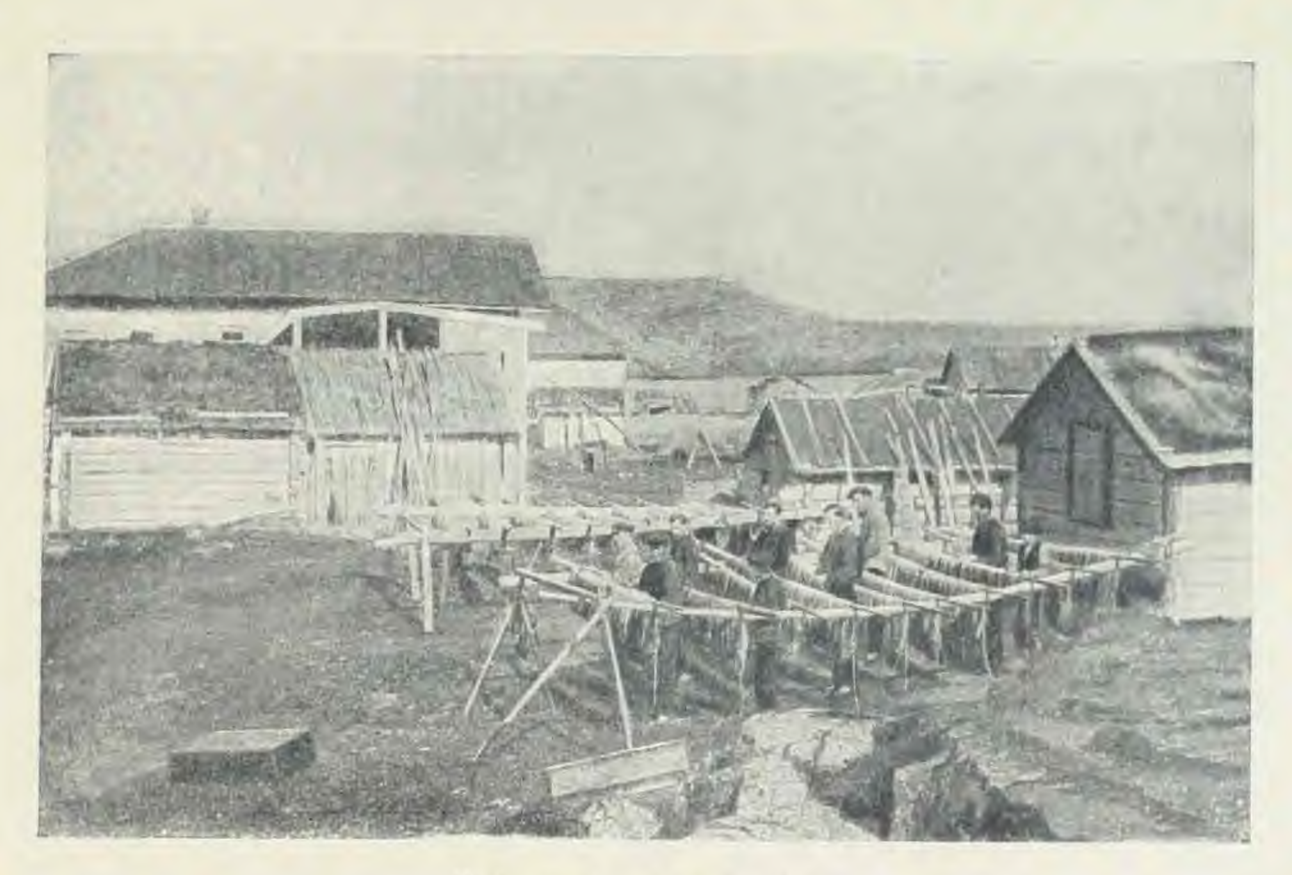
Детей посылали в другие артели за тем, чего заведомо нет, давали им иносказательные поручения (например, идти за «морским богатством», т. е. за огнем от чужого костра) или ложные («точить лапы у якоря»).

Наиболее сложный характер имела одна из шуток — «проводы домой», воспоминания о которой были записаны мною в селе Койде и от уроженца деревни Унежмы, Онежского района, В. Е. Евтюкова, бывшего зуя, образно рассказавшего об этом:

«По прибытии на Мурманский берег нам, зуишкам, стало очень тошно. В нашей халупе темно, грязно, холодно, блохи скачут, солнца нет, — глаза не глядят ни на что. Кроме того, вспомнишь про свою мамку, — сердце так и жмется. Прошло две недели, я сижу у каминки и подкладываю дрова в печь. Со мной сидит рядом товарищ мой Тимоха Масло, по другую сторону от меня сидит старый старик, по прозвищу Махра. Старик этот очень хороший, веселый; Махра-дед молча не сидит — всегда песни поет или сказки сказывает. Все его любили. Тяжелой работы он не мог работать, — у него была грыжа, по-нашему, «кила́». Когда все рыбаки выехали в море, остались на берегу одни зуишки вшивые да Махра со своей килой.

Пришел праздник Петрова дня, по-старому 29 июня; дед Махра и говорит: «У вас когда мужики приедут с моря, вы придите ко мне пораньше, чтобы не знал никто из ваших».

Утром рано Махра встал, сидит, чай греет. Пришли мы с Тимохой. Махра и говорит: «Ребята, а ребята, пойдем домой? Здесь недалеко:

Подготовка яруса к лову

Рыболовецкая пристань и склад

Зверобои-койдяне высматривают зверя на льду

Артель зверобоев-койдян

перва гора, за второй горой. К вечеру будем дома». Я сижу и говорю: «Как же пароход нас вез четыре сутки?» Махра говорит: «Пароход-то вез кругом по Белому морю, тысячу километров, да капитан заблудился немного, — вот и долго пароход вез». — «Тогда ладно, дед! Мы пойдем чай греть». После чаю приходим опять к деду. Махра говорит: «Бедные ребята вы, пожалеть-то вас некому! Матка-то дома в бане помылась, чай пьет с молоком, с шаньгами, а ребята по деревне бегают, в коней играют. А вы здесь один черствый кусочек едите да ночью наживляете, да хозяин по шее стукает. Пойдем, ребятки, пойдем! Недалеко идти: одну гору перейдем, будет видна часовенка, которая построена на горе Великой-Ва́раке». Мы согласились. Махра говорит: «Вы посидите, ребятки, я схожу к колонисту Максимову. Попрошу на дорогу сушек да рыбников». Через двадцать минут он приходит обратно домой: «Все готово, пойдем». Мы рады этому, соскучились по мамкам. Тимоха взял мешок через плечо, мешок был очень тяжелый; я взял кошель с сушками. Идем по горам; Тимоха выбился из сил, не может нести мешок. Дошли до Купального озера, сели отдохнуть; мне есть охота. Махра сидит рядом, смотрит в сторону и ухмыляется. Я пощупал мешок с сушками, — что-то крепкие сушки; опрокинул мешок, а там цепи кусок. Тимоха снял с моих плеч кошель, — в кошеле оказалась рыба сухая — пикша да мелкая треска. Мы с Тимохой бросили свои ноши, давай бежать обратно. Пришли в становище Шельпино, а нас встречают «на ура»: мужиков много, кто бьет в железо, кто в чайник старый, кто в доски. Мы скорей бегом в стан. Просидели в стану́ весь день. Махра со своей килой только что спускается с горы домой. После этого раза мы больше не бывали «домой» и не согласились бы идти. А с другими зуями-первогодками так и шло все время».

При развитии частнособственнических отношений на промыслах старинные обычаи видоизменялись и использовались в интересах «хозяев» — судовладельцев, ску́пщиков, фактористов. Это приводило к главенствующей роли в обрядности хозяина артели, подменявшего собой выборного «старшего артели» — кормщика, юровщика.

Отвальный обед для рыбаков, отправляющихся на дальний тресковый промысел, устраивался уже не вскладчину, а местным богачом, посылавшим артели на Мурман и старавшимся всячески поддерживать видимость традиционных родственных и земляческих отношений со своими закабаленными покрученниками (пос. Малошуйка. Барышев И. П.; д. Унежма. Евтюков В. Е.).

Особенно ярко выступает роль хозяина-судовладельца в обычаях, связанных с постройкой судна.

На парусниках и других крупных морских судах, когда к килю прилаживали носовой штевень — брус, к которому пришиваются бортовые доски, сам хозяин закладывал под его основание золотую или серебряную монету, «чтобы судно наживало» (пос. Териберка. Ефимов П. В.), и ударял по «нагелю» — деревянному гвоздю молотком, а вслед за ним ударяли по разу его жена и все дети по старшинству (д. Нижняя Золотица. Точилов И. Г.; пос. Малошуйка. Барышев И. П.).

Использовал хозяин также традиционный общинный обычай «помочи» — коллективной работы односельчан, сопровождавшейся угощением со стороны того, для кого производилась работа. Когда готовое судно наливали водой, чтобы проверить, нет ли в нем течи, в Зимней

Золотице для этой работы созывали на помощь девушек и «женок» со всего села, за что им устраивалось угощение. «Водоносок» обливали водой, в первую же очередь — жену и дочерей хозяина, чтобы судно хорошо ходило «по волнам» (д. Нижняя Золотица. Крюкова М. С.).

Кроме того, хозяин устраивал несколько пирушек для корабельных плотников во время постройки судна: «оклáдно» — при закладке судна, когда «окладывали» нижний киль, «мачтовó», когда ставили мачту, «спусковó» — при спуске на воду.

Наиболее торжественным моментом при постройке судна был его спуск на воду. На спуске присутствовало почти все селение, но хозяин судна только с приглашенными им гостями поднимался на палубу, где находился накрытый стол; плотники подрубали бревна, удерживавшие судно на городках, — оно начинало скользить и оказывалось на воде. По тому, насколько удачен был спуск, «примечали» о будущих плаваниях судна, — будут ли они благополучны или нет, — и о судьбе его хозяина (д. Нижняя Золотица. Точилов И. Е.).

В условиях капиталистической организации промысла, конкуренции между хозяевами-скупщиками, зависимыми от них артелями и отдельными рыбаками особое значение приобретало соблюдение тайны промысла и стремление испортить его другим.

Массовый хороший улов означал снижение цен на рыбу, а участие других в вылове найденного косяка рыбы или стада морского зверя — уменьшение заработка для рыбаков и прибыли для хозяина.

Между отдельными артелями на Ильмене было соперничество из-за того, кому первому удастся выметать невод, занять лучшее место; поэтому со сборных пунктов на берегу Ильменя, где скапливались артели в ожидании благоприятной погоды для выезда на озеро, каждый старался уехать «втихую» — тайком, часто ночью или в бурю[1]. «Невод несли к берегу до свету, чтобы никто не видел» (д. Унежма. Евтюков В. Г.). Ильменские ватаманы ехали с «сухим» неводом, т. е. первый раз в сезоне, «не то, что дорогой, а по снегу» (с. Самокража. Пехова А. О.).

Если все-таки кто-либо встречался идущему на промысел, ему называли не то место, куда шли. «Когда с удилищем идешь, то видно, что удить, а когда идут без ничего, старики не сказывали, что рыбу ловить, — скажет: «в лес», а вместо леса, смотришь, на реке очутился» (д. Вельцы. Семенов И. П.). Ответы на вопрос, где промышлял, были или ложные или уклончивые; например: «За кóргой были, — а за кóргой места много» (пос. Териберка. Кожин С.). Все это объясняли тем, что иначе «рыба впредь ловиться не будет», ее «сглазят» (г. Архангельск. Задорин В.). Однако многие промышленники отдавали себе отчет в подлинном смысле этих примет: «Сказать, где ловили рыбу, нельзя было, — обманывали, чтобы на другой день там не обловили» (с. Кола. Харчев Ф. Д.).

Говоря о количестве улова, его неизменно уменьшали. «Если встретишь раньше помора, который идет на шнеке или на ёле с полным грузом рыбы, то он никогда не скажет, что полный улов, а всегда у него мало. А если скажет зуй, то на него ругаются: «Что ты! Рыбу

[1] Н. Богословский. Рыболовство и рыбоводство в Новгородской губ. «Новгородский сборник», вып. III, 1865, стр. 19.

сглазишь!» (г. Архангельск. Задорин В.). На лесных речках рассказывали: «Рыбак идет с рыбой в лузанах и еле тащит, — а спросишь: «Есть ли рыба?» — «Да на уху есть». И если встретишься с ним в лесу, — он с рыбой идет, то он в сторону убегает» (с. Верхняя Уфтюга. Волкова М. М.).

Рыбаки избегали показывать добытую рыбу посторонним. На Северной Двине рыбаки задерживали невод в воде, если кто-либо, находясь на их тоне, хотел посмотреть, сколько в него попало рыбы (с. Красноборск. Слудников Д. А.). При ночном лове семги ее не «кротили» — оглушали деревянным молотком, а душили, наступая на жабры ногой, если вблизи промышляли другие, чтобы стук молотка не привлек их внимания (пос. Териберка. Кривоногов); кровь в лодке замывали. Пойманную семгу прикрывали чем-нибудь, вынося из лодки; старались потрошить ее и сдавать без чужих.

Для соблюдения тайны промысла в среде промышленников применялся условный язык, который посторонние не могли понять. В Шенкурском районе прежде были в ходу подставные слова при рыбной ловле и на лесной охоте, причем каждый промысловый сезон появлялись новые условные обозначения объектов промысла — рыбы и зверя. Щуку звали «хайкой», якобы «по ее широкому рту», горностая — «яичком», из-за его белизны и гладкости и т. п. (д. Высокая Гора. Серхачев Я. Ф.).

Ликвидация антагонистического строя общественных отношений после Великой Октябрьской социалистической революции подорвала социальные корни обычаев, основанных на стремлении сохранить выгоды промысла только для себя, для членов узкой семейно-бытовой группы.

Многие рыбаки, однако, и в старое время не соблюдали этих обычаев и отрицали приметы такого рода. «Я когда ловил, обвешаюсь лисицами и тетеревами, рыбу высыплю по полу. Чуть не вся деревня сбежится: «Ой, сколько поймал!» — вспоминал шенкурский промышленник Я. Ф. Серхачев. Все эти суеверия ушли в прошлое. «Рыбаки теперь тянут, — говорил житель с. Красноборска на Северной Двине, А. Д. Слудников, — смотри хоть тысяча человек. И не боятся, что их «обурочат» или что».

При враждебных отношениях между артелями и отдельными рыбаками имела место умышленная порча тони или снасти. На дно чужой тони иногда бросали коряги и камни, чтобы вызвать «задев» и разрыв невода, разрезали снасть и т. п. (с. Койда, с. Кереть, д. Нижняя Золотица). Для этого применялось и «колдовство», причем в этом случае в условной форме повторялись часто те же действия: в тоню лучшего промышленника или того, с кем враждовали, бросали белый камушек, «чтобы рыба не ловилась» (пос. Мудьюга. Замятин П. П.), вырезали в чужой снасти крестики и квадратики, чтобы рыба «не ловилась у хозяина невода, а ударилась в невод к нему» (пос. Малошуйка. Барышев И. П.).

Боязнь «порчи» вызывала множество «оберéжей» — приемов защиты, из которых главным было «колдовское» окуривание снасти, лодки и самих промышленников различными веществами и предметами: вереском, особыми травами, вещами и частицами снастей, похищенных у других ловцов (пос. Териберка. Кожин С.; с. Койда. Малыгин К. А.; с. Кереть. Коргуев М. М.). На Ильмене, идя в первый раз на промысел,

артель с ватаманом во главе выносила из избы невод на плечах, перешагивая через разложенный на пороге тлеющий вереск (с. Самокража. Пехова А. О.). На зверобойном морском промысле, в случае неудачной охоты, зверобои перетаскивали через «колдовской» костер лодку со всем снаряжением и проходили через него сами (д. Нижняя Золотица. Плакуева А. В.; с. Лопшеньга. Федотов А. А.).

Окуривание снастей дымными смолистыми веществами — вереском, можжевельником — вообще употреблялось на промысле, так как прокоптившиеся при этом сети не гнили в воде и принимали темный цвет, становясь невидимыми для рыбы; на охоте же пахучий дым заглушал запах человека и жилья, который сохраняли ловушки, и звери не опасались подходить к ним. В «колдовских» обычаях этот практический промысловый прием получил ложное толкование (очистительное действие огня) и условную форму. «Колдовское» окуривание обычно соединялось с заговорами.

Передовые рыбаки и особенно молодежь еще в старое время иронически относились к этому обычаю: «Что они выделывают? Дым пройдет, только и всего!» (пос. Териберка. Мошникова А. П.).

При отсталых способах промысла успех его зависел от случая, и это воспринималось как власть «счастья». «Счастливыми» в глазах других являлись чаще всего наиболее опытные и способные промышленники, которых и старались перетянуть в свою артель. Характерно, что «несчастливыми» считали обычно бедняков, так как они были вынуждены промышлять худшей снастью и поэтому чаще терпели неудачу на промысле.

По поверью, чужое «счастье» можно было получить, взяв взаймы, в подарок или похитив что-либо, принадлежащее «счастливому» человеку, — предмет промыслового снаряжения, одежды, домашнего обихода и т. п. Поэтому при отъезде на первый лов или в плавание выпрашивали взаймы на «счастье» что-либо, хотя бы коробку спичек. Хозяева в свою очередь старались не давать в это время просимое, так как считали, что «все отдашь» (с. Самокража. Пехова А. О.).

Отдать наживку при уженье, патрон на охоте, в особенности же рыбу из первого улова, по примете, значило отдать этим свою промысловую удачу (с. Мезень. Сопочкин А. А.; д. Нижняя Золотица. Плакуева А. В.; д. Семеновская. Теплухина А. Н.). Поэтому даже при раздаче части улова односельчанам, принятой в рыбацких селениях, иногда рыбу не передавали из рук в руки, а предлагали самому взять из лодки (с. Койда. Малыгин К. А.; пос. Териберка. Синякова М. И.; д. Вельцы. Семенов И. П.).

М. М. Коргуев из Керети рассказывал, как они пустили промышлять на тоню постороннего рыбака: «Когда уезжали, — такой хищный старик был, — уезжает, так с собой с нашей тони берет камешков «для приводу» семги и плетет с ними кибасья. А спросишь его: «Зачем?» — «У вас камешки хороши». — «А у тебя разве берег оскудал камнями?» А у него неводок коротковат был, ему не было удачи».

Промысловый быт отягчался также гнетом церкви. На Севере в староартельном быту держалась своеобразная церковная десятина с промысла, тяжело ложившаяся на плечи трудового населения.

Особенно значителен был «богов пай» на зверобойном промысле, где он достигал многих тысяч рублей в год для одного села. Каждая

артель зверобоев перед началом промысла уговаривалась, каков будет размер «богова пая», например: семь паев — зверобоям, восьмой — «лодке» (владельцу ее), девятый — «богу».

В характерном анекдоте с Зимнего берега говорится о промышленнике, решившем хитростью избавиться от участия в выделении «богова пая»; у него унесло в океан на льдине часть промысла, и он закричал: «Это не мой пай унесло, а богов! Мой остался!» (д. Нижняя Золотица. Попов А. Д.).

По обычаю в промысловых селениях церкви отдавали «втёмную» первую тоню невода, улов первой ночи из семужьего забора — пудов до сорока семги (с. Кола. Харчев Д. Ф.). В Териберке, в конце прошлого века, около дома священника стояла кладовая с солью и «обрез» — открытая бочка, в которую рыбаки, каждый раз по возвращении с моря, бросали по нескольку штук трески. Эту рыбу церковный причт засаливал и продавал (пос. Териберка. Фомин Л.). На Летнем берегу Белого моря, на пути обозов с навагой, на перепутье у дорожного креста стояла бочка с узким отверстием, куда каждый промышленник должен был ссыпать часть наваги (с. Лопшеньга. Федотов А. А.). В Зимней Золотице на церковь отдавали часть суммы, вырученной от продажи семги за весь сезон промысла.

Церковью и монастырями всячески пропагандировалось внесение пожертвований по «обету», в случае благополучно перенесенной опасности на море. Денежные пожертвования — «вклады» делали главным образом богачи, а промышленники по обету обычно выполняли бесплатную работу на монастырь в течение года, почему такие монастырские работники назывались «годовиками», «трýдниками». Большей частью монастыри использовали их на морских промыслах или на подсобных работах.

Была распространена и другая форма обета — постановка больших крестов из цельной сосны, заменявших часовни, на Мезени, на Летнем берегу, в Поморье. Их ставили не только в селах, но и на какой-нибудь тоне в случае удачного промысла, «на пóветерь» — попутный ветер при пережидании штиля или шторма в случайном становище, на берегу, куда пристало судно после опасности, испытанной во время плавания. Особую распространенность этого обычая можно объяснить тем, что при полном отсутствии берегового устройства такие кресты служили для мореплавателей опознавательными знаками.

Наука для русских рыбаков и промышленников была недосягаема в царское время. Не обладая научно-техническими знаниями, русские рыбаки все же издавна славились как искусные мореходы. Располагая лишь самыми простыми морскими приборами, они ходили по морю «по своей вере», т. е. по традиционным приметам.

Многие приметы содержали в себе рациональное ядро, так как они были основаны на вековом промысловом опыте.

Погоду предугадывали по облакам, пене, цвету зари, движению песка в воде, по полету и крику морских птиц, в особенности чаек. Недаром архангельские моряки, плававшие на крупных морских судах и привыкшие к пользованию точными приборами, говорили об этих приметах: «У поморов каждая ворона — барометр» (г. Архангельск. Задорин В.).

Приметы о промысловом годе также отражают наблюдательность промышленников, которые улавливали отдельные закономерности в природе; нередко же эта закономерность являлась мнимой.

«Если первый гром загремит по весне, когда река еще подо льдом, то семги не жди, застал гром в стана́х, а если река распалится и загремит, то се́йгод будет семга», — так как ее не оглушило громом (д. Нижняя Золотица. Ануфриева П. В.).

Некоторые приметы были перенесены на рыбный промысел из другой области промысловой деятельности и от этого утратили свою целесообразность; такова, например, примета: «Как рябины много, то и семги много» (д. Нижняя Золотица. Ануфриева П. В.). Эта примета известна и как охотничья: «Много рябины — много дичи», но там она имеет определенный смысл, так как рябина служит кормом дичи.

Наряду с этим о будущем промысловом годе нередко пытались узнать и при помощи случайных признаков, например, по движению пены при вскрытии реки, по цвету солнца в большой церковный праздник: если оно «красно в тумане» — будет лов семги (мясо ее красного цвета), если «белое» — трески (пос. Териберка. Синякова М. И.).

Много примет было связано с различными праздниками, являвшимися календарными вехами в году для промыслового населения. Большей частью на первый план выдвигались праздники, по времени связанные с важными промысловыми моментами (ходом семги, вскрытием рек, началом навигации и т. п.).

Запрет выхода в море в некоторые праздники был связан с тем, что они приходились на периоды штормов в году. Это сказалось и в названии праздников, подменивших церковное их обозначение: Никола Ветренник (6 декабря старого стиля), Федосья Рыскунья (29 мая старого стиля), т. е. «рыскающая», носящаяся по свету (глагол «рыскать» на Севере применяется также к беспорядочному движению судов, стоящих на якоре). На Николу Зимнего приходятся декабрьские штормы в Баренцовом море у побережья Мурмана, а около дня Федосьи Рыскуньи проходят над Севером циклоны.

Из-за существовавшего обычая начинать и кончать промысел в определенные годовые праздники и совсем не заниматься им в праздничные дни, значительно сокращалось количество промыслового времени и часто терялись лучшие для лова дни. Здоровый практицизм русских промышленников преодолевал религиозные предрассудки. Несмотря на то, что церковь запугивала промышленников несчастьем на лове или гибелью на море в случае нарушения запрета, они все же нередко производили лов в праздничные дни.

Начало всякого нового дела, с которым было связано много ожиданий, надежд и опасений, привлекало к себе особое внимание промышленников и сопровождалось множеством примет и обычаев. В особенности это относится к отъезду на промысел или в дальнее плавание. Выбор дня отъезда, поведение домашних, порядок проводов, предупреждение дурных встреч — все было закреплено традицией. В случае, если «дурной встречи», например, избежать не удавалось, наиболее суеверные рыбаки возвращались обратно, откладывая выход на промысел, даже «сбивая» наживку с подготовленного к лову яруса (пос. Териберка. Ефимов П. В.). Было распространено толкование снов,

увиденных перед промыслом, причем в случае «дурного сна» иногда атаман также не выезжал на промысел вместе со всею артелью. В Нижней Золотице у судовладельцев Субботиных хранились даже особые списки таких «счастливых» и «несчастливых» дней в году, и некоторые промышленники перед выездом на лов, в дальнее плавание и т. п. ходили к ним справляться по этим спискам, когда лучше выехать (д. Нижняя Золотица. Крюкова М. С.).

При чрезвычайной косности промысла необычные условия поимки рыбы или морского зверя считали дурной приметой. Например, рыбу, пойманную не на ту снасть, которою ее ловили обычно, полагалось выбросить обратно в воду, так как это якобы должно было принести несчастье — «лодку опрокинет или что» (д. Войцы. Межецкий А.). Если нерпа на Белом море, обычно ловимая ночью, попадала в сеть днем, это считалось «к голове» (т. е. к смерти) промышленника — хозяина сети. Н. Я. Данилевский, приводя эту примету, указывает, что нерпы на Белом море, где их промысел был развит, научились осторожности, почему попадание в сеть нерпы днем стало исключительным явлением, в то время как раньше оно было там обычно, как позднее на Новой Земле[1].

Сами промышленники отдавали себе отчет в том, что приметы бытовали больше всего в глухих местностях. Вспоминая о прошлом, рыбак с Северной Двины говорил, что у них было «мало суеверий», так как они жили «на дороге», т. е. на водной магистрали, и что приметы стали исчезать, когда «на технической силе заходили», т. е. промысел стал индустриальным (с. Красноборск. Слудников Д. А.) и подлинные специальные знания проникли в промысловую среду.

Постоянная опасность при плавании на обветшалых парусных судах выразилась в поверье о том, что «на роду писано, кому где потонуть». Старуха-колонистка в Териберке вспоминала, как хозяин, посылая ее мужа на негодной лодочке — «тройнике», прописать которую на выход в море отказывалось даже портовое начальство, уговаривал его, что «и на большом потопит и на маленьком пронесет» (пос. Териберка. Синякова М. И.). При развитии страхового дела в России в начале XX века это представление рыбаков о предопределенности судьбы в морских плаваниях использовали судовладельцы, отказывавшиеся страховать рабочих на свой счет, заявляя им, что «страховаться грех», хотя себя и свои суда затем они страховали[2].

Отсутствие медицинской помощи в дореволюционное время обусловило бытование среди промыслового населения Севера народной медицины.

Некоторые способы лечения не содержали никаких знахарских приемов и стихийно использовали в необработанном виде медикаменты, которые известны и научной медицине (например, растения, содержащие иод; рыбий жир и пр.).

При порезах вместо иода употребляли «железу», т. е. желчь семги;

---

[1] Н. Я. Данилевский. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. «Исследования о состоянии рыболовства в России», т. VI, СПб, 1862, стр. 158.

[2] А. Жилинский. Страхование морских промышленников. ИАОИРС, 1914. № 16, стр. 623.

для этого ее собирали в бутылочку при потрошении семги и хранили (с. Кереть. Коргуев М. М.; д. Нижняя Золотица. Ануфриева П. В.).

Медузы — «морское масло», содержащие едкое вещество, также употреблялись для «по́льги» — врачевания при ревматизме; их спускали в бутылку, где студневидное тело медузы переходило в жидкое состояние. Этой жидкостью натирали больное место (пос. Териберка. Ефимов П. В.; с. Кереть. Коргуев М. М.; д. Нижняя Золотица. Плакуева А. В.).

При цынге, бывшей бичом на старых промыслах, кровоточащие раны на ногах обертывали листьями туры — водоросли, из которой вырабатывается иод. Кроме того, в народной медицине применялось и лечение цынги посредством усиленного движения больного — рациональным по сути способом, но в форме, способной только принести вред. Было в обычае заставлять больного цынгой бежать в гору с большим грузом за спиной, неся кошель с камнями или мешок с песком (д. Нижняя Золотица, с. Кереть). Вообще же считалось, что цынгой болеют «от лени», так как при ней развиваются сонливость и малоподвижность; поэтому болезни этой стыдились. Промышленники говорили фельдшеру на Мурмане, отказываясь даже брать лекарство: «Я ночи не сплю, какая же цынга!» (пос. Териберка. Кулей). Развитие цынги на промыслах в прежнее время отчасти вызывалось почти полным отсутствием противоцынготных продуктов питания, в числе тех, которые промышленники привозили с собой на промысел, хотя они и старались по возможности использовать для предупреждения цынги некоторые дикорастущие (дикий лук, ложечную траву, ягоды и пр.).

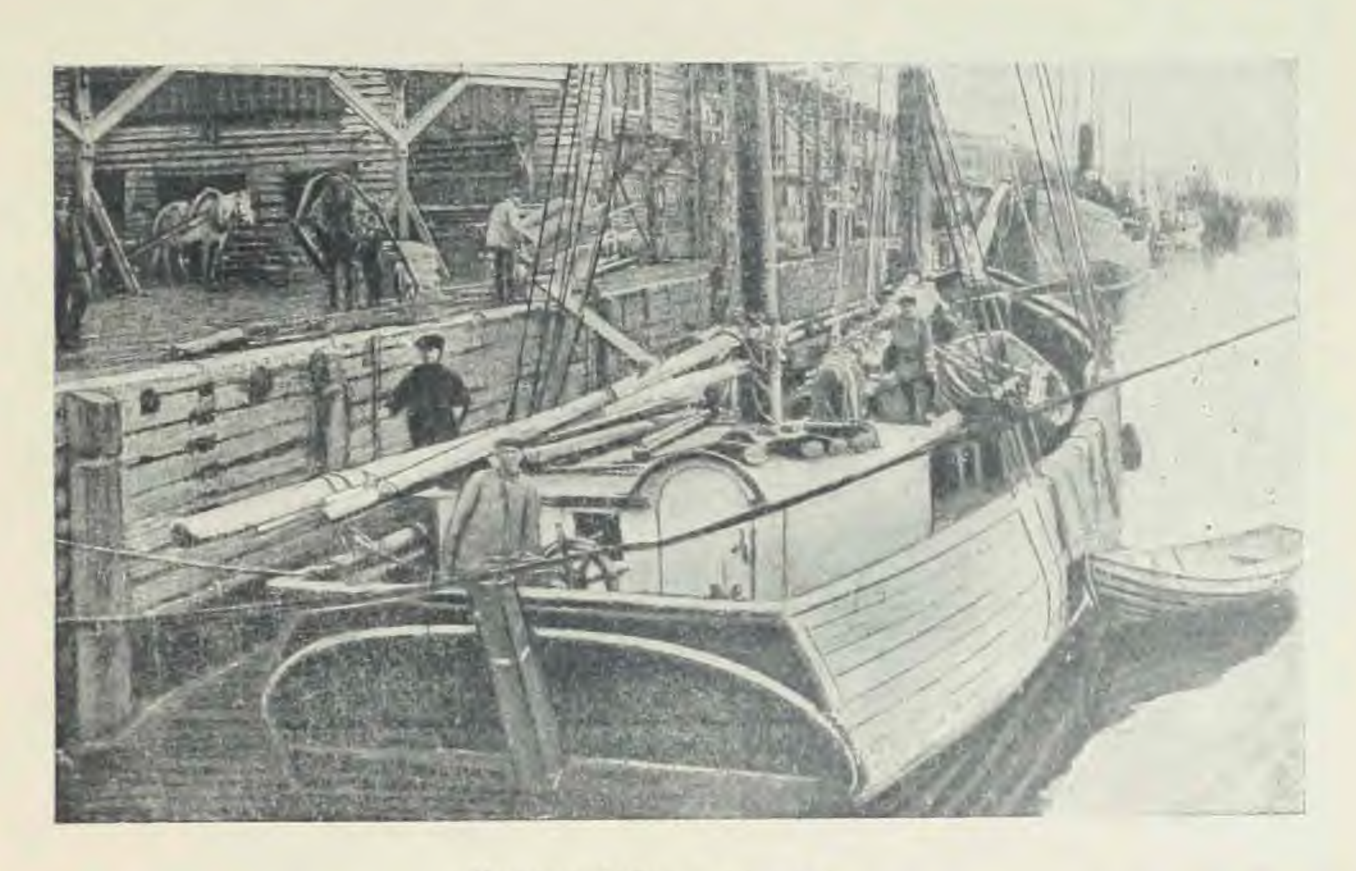
Низкий культурный уровень промыслового населения Севера и отсталая техника лова сознательно удерживались царским правительством и корпорацией крупных рыбопромышленников, так как последние в основной массе не были заинтересованы в улучшении и усовершенствовании промысла. Вследствие торгово-скупщического характера операций, крупные рыбопромышленники даже и при ограниченном рынке сбыта имели огромные прибыли, доходившие до 300 процентов.

Поэтому до самой Великой Октябрьской социалистической революции на рыбных промыслах сохранялись многие обычаи, правда, значительно стершиеся, и приметы, большей частью уже лишенные мотивировок и представляющие осколки забытых поверий; в основе их лежало стремление рыбаков уменьшить чувство беспомощности перед враждебной водной стихией и не менее враждебной «общественной стихией».

Следует вспомнить Н. А. Добролюбова, который указывал на необходимость выяснять при изучении народного быта, как относится к поверьям сам народ: «Без сомнения, ответы должны быть весьма разнообразны для разных случаев и разных местностей. Здесь верят в одно и не верят в другое; тут рассуждают больше, там — меньше; в одном месте верование тусклее и холоднее, чем в другом; для одних уже превращается в забаву то, что для других служит предметом серьезного любопытства и даже уважения или страха»[1].

Из воспоминаний, записанных мною, видно, что в предреволюционные годы, с ростом классового самосознания, у промыслового населения проявлялось все более критическое и пренебрежительное отношение к

[1] Н. А. Добролюбов. Русские народные сказки. Собр. соч., т. I. М., 1934, стр. 433.

Моторный бот у причала

Рыболовный тральщик у причала

Дом культуры в Мурманске

Дом междурейсового отдыха моряков в Мурманске

обычаям и суевериям. Промышленники ясно отдавали себе отчет в использовании традиционных обычаев «хозяевами» для еще большего закабаления своих рабочих. В этом отношении большую роль сыграла политическая пропаганда, которую вели среди промыслового населения политические ссыльные и местные революционно настроенные промышленники. Об этом вспоминали зверобой А. Д. Попов (из д. Нижней Зимней Золотицы), охотник Я. Ф. Серхачев (из д. Высокой Горы, б. Шенкурского уезда) и другие.

Коренное изменение организации и техники промыслов в первые же годы существования советской власти на Севере, а затем коллективизация не могли не вызвать столь же резких сдвигов и в сознании рыбаков.

Материал о старинных обычаях на промысловом Севере собирался мною в экспедициях путем специальных расспросов, главным образом у старшего поколения. С приходом советской власти все бытовавшие ранее обычаи отступили перед бурным натиском новых, социалистических форм труда и быта и разрушались с огромной быстротой, и потому через десяток лет этот материал, представляющий исторический интерес, уже невозможно было бы собрать.

Местные жители, от которых получен материал, сами слышали большую часть рассказов о прошлом уже от «стариков» — родителей, дедов и т. д.; выполнителем же того или другого обычая, при котором им пришлось присутствовать в молодости, называли обычно тоже какого-либо старика-односельчанина.

Большинство примет, описаний обычаев и пр. было собрано в сильно разрушенном виде. В особенности это заметно при сравнении с дореволюционными публикациями и записями. В таком виде эти тексты представляют лишь узко специальное значение и потому в настоящем издании не помещены.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Для словаря помимо пояснений слов, данных составителем, были использованы литературные источники, ссылки на которые обозначены следующими условными буквами:

Д — «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля». Четвертое издание под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ; т. I—IV, СПб.— М., 1912—1914.

Л — «Словарные пояснения проф. Б. А. Ларина». «Сказки Карельского Беломорья», т. I, кн. II. Петрозаводск, 1939.

М — «Беломорские былины, записанные А. Марковым». Словарь местных и старинных слов. Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1901.

П — «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении». Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. Издание второго отделения Академии наук. СПб., 1885.

Слова, отмеченные звездочкой, встречаются в черноморских текстах; двумя звездочками — в каспийских. Остальные слова относятся к северным текстам.

Б

Базар птичий — сборище морских птиц на уступах скал.

* Байда — речное судно с одной мачтой и одним большим парусом *(Д)*.

Бак (морск.) — верхняя палуба от передней мачты до носа судна; под баком — помещение для матросов.

* Баркáс — большое гребное судно для перевозки людей и тяжестей; весел на баркасе по 20 и более; промысловое судно на Черном море *(Д)*.

Баскóй — красивый; басотá — красота.

Бахвáлить — хвастать.

Бахи́лы — высокие, выше колена, непромокаемые сапоги, носимые на морских промыслах.

Безотéческа — сиротская.

Берчáтый — узорчатый, браный; о тканом нецветном узоре *(Д)*.

Бесéда, бесéдка, вечёрка — сходбище в каком-нибудь доме (молодежи) для развлечения танцами, песнями и играми *(по П)*.

Брáтелко — брат, братец.

** Будáрка — долбленая лодка, однодеревка, «дуб» в два, четыре весла *(Д)*.

Буй — небольшой якорный поплавок.

Бýйнаться (на зверобойном промысле) — раскидывать палатку над лодкой на льду и устраиваться под ней на отдых.

Бýксы — штаны из непромокаемой (проолифенной) материи, носимые поверх одежды на морских промыслах.

** Бурýн — короткое, но сильное волнение у берегов или над подводными скалами; прибой *(Д)*.

В

Вáжность — в смысле степенность, разумность, рассудительность, говорливость *(Д)*.

Вáнты — тросы, поддерживающие мачту с боков.

Вáря — варево; известное количество припасов, достаточное для приготовления пищи на один раз *(П)*.

Вáхта — рабочая смена на судне.

Вáхтенный — дежурный на судне.

Вáчи, вачеги — рыбацкие шерстяные рукавицы, обшитые со стороны ладони кожей.

Вéнтерь — см. Мережа.

Весéльщик — на ярусном лове рыбак, занятый греблей и помогающий тяглецу при вытаскивании снасти из воды.

Веснóвка — весенняя охота на гренландского тюленя во льдах Белого моря.

Вешáла — сооружение из столбов или козел, на которые положены жерди; служит для сушки рыболовной снасти.

Взвóдень — большая волна, волнение, когда море расколышется; зыбь до и после бури, зыбь на отмелях *(Д)*.

Возгóворить — сказать, заговорить.

Во́лок (о морском береге) — перешеек, удобный для перетаскивания небольших судов по суше.

Впокату́шку (смеяться) — до упада.

Всток — восточный ветер.

Вы́мостки — маленькая деревянная пристань для рыбацких лодок.

Вы́стать — взбираться, влезать, подниматься *(Д)*.

Г

Голымя́ — открытое море.

Гони́ть — гнать.

Гора́ — горою... называют также землю, сушу, берег, материк в противоположность воде, реке, морю *(Д)*.

Гора́зна — искусна, способна.

Горноста́ль — горностай.

* Гра́ти — играть.

Губа́ — небольшой морской залив; заводь взморья *(Д)*.

* Гука́ти — кликать, звать *(Д)*.

Д

Двойма́, двоима — вдвоем.

Двор — в смысле надворная постройка. На Севере дворы часто в два этажа: внизу — хлев, наверху — сеновал, примыкает к жилому двухэтажному помещению, с которым находится под одной крышей.

* Де́тный (промысел) — охота на гренландских тюленей в период, когда у них уже имеются детеныши.

Домови́ще — в смысле жилище.

*До́свитки — посиделки, супрядки, на которые сходятся не с вечера, а встают вскоре по полуночи, до́свету *(Д)*.

Досе́льный — старинный *(П)*.

Дрейф — снос судна с пути течением, ветром.

Дро́вни — сани без короба или кузова для возки дров, лесу или тяжестей; дровни состоят из двух полозьев с накопыльниками, вдолбленными внизу в полозья *(Д)*.

Дровя́ник — сарай для дров.

Дружи́на — в смысле друг.

* Дуб — в смысле челн, лодка, однодеревка *(Д)*.

Е

Ела — рыбацкая лодка с высоким носом и кормой; ходит под косым парусом или с мотором.

Ж

Жирова́нье — отдых, покой.

Жи́то — ячмень; всякий зерновой немолотый хлеб *(Д)*.

Жо́нка — замужняя женщина.

З

За́берега — прибрежная вода; берег, дно не по земле, а по воде; вода, выступающая в прибыль (при приливе) у берегов поверх льда *(Д)*.

Забо́р — на рыбных промыслах сооружение из кольев, заплетенных ивняком, с вставленными в него мережами или ящиками; ставился поперек реки для ловли семги.

Заве́т — в смысле обещание, запрет.

Зави́ть (косы) — в смысле уложить на голове, закрепив их.

* Завод — рыбацкий барак на промысле.

Задра́ить (морск.) — закрыть плотно.

Залёжка (тюленя) — стадо на льду.

За́мок — в смысле тюрьма.

Замуры́жить (кого) — об изнуренном, слабом человеке.

Запа́ла вода — отлив.

Запло́т — забор, деревянная сплошная ограда из досок или бревен *(Д)*.

Запоходи́ть — собраться уйти, пуститься в путь (Д).

Засевери́ть (о ветре) — начаться северному ветру.

Заста́ть (о скоте) — в смысле поставить в хлев.

Зверобо́йка — охота на морского зверя.

Зуй — мальчик лет 8—12, выполнявший в дореволюционное время на тресковом промысле на Мурмане подсобные работы на берегу.

*Зыбь, зыбо́к — волна на воде без ветра или несоразмерная с ним; зыбо́к — очеп для люльки *(Д)*.

Зюдве́ст, зюдве́стка — шапка из непромокаемого материала, с полями, оттибающимися спереди и сзади, и с клапанами для ушей, защищающими их от морской воды.

И

Изуса́жена — усажена, украшена.

Има́ть — ловить, брать, забирать *(П)*.

Исполо́хаться, исполо́шиться — испугаться *(П)*.

Истопель — количество дров, потребное на топку печи.

К

Кава́ш — детеныш водяной птицы; здесь — змееныш.

Каза́к, казачи́ха — в смысле годовой наемный работник, не поденщик *(Д)*

* Каза́н — котел.

* Каза́ть — говорить.

Кай — от глагола каяться.

Ка́лега — невод для ловли камбалы и другой мелкой рыбы.

Ками́нка — чугунная маленькая печка; ставили в рыбацких станах и на промысловых судах.

Камча́тый — из камки (узорного шелка) или из ткани, похожей на камку.

Ка́рбас — вообще беломорская лодка; обычно на четыре—десять весел, с двумя четырехугольными парусами *(Д)*.

** Ка́рга — ворона.

Ка́таницы — валенки.

Квашня́ — кадка, в которой квасят тесто, ставят хлеб *(Д)*.

Кере́жа — небольшие сани или большие салазки, напоминающие лодку, на одном широком полозе; их тянут за собой за ременную лямку, также запрягают оленей.

Кибасья́ — грузила на рыболовной снасти.

Киса́ — мошна, карманные деньги, достаток *(Д)*.

Кляч — веревка, идущая от крыла невода, за которую его вытаскивают, или шесты, за которые его тянут *(Д)*.

Кокո́ра — бревно или брус с корневищем, дерево с корнем клюкою, для судостроения *(Д)*.

Колону́ть — стукнуть, ударить *(Д)*.

Коне́ц — канат для причаливания судов.

Корабельное стано́вье — пристань.

Корабельщик — встарину начальник или владелец торгового судна (Д).

Корг — самый нос судна, штевень *(Д)*.

Ко́рга — гряда подводных камней; каменный отлогий берег *(Д)*.

Ко́рмщик — в дореволюционное время рулевой на рыбачьей лодке; он же распоряжался и ходом промысла на тресковом лове.

Косящето (окно) — с косяками, колодами *(Д)*; обшитое досками *(М)*.

* Коты́ — ставная рыболовная мережа; плетневый закол *(Д)*.

Ко́шка — песчаная коса на взморье или отмель грядою, обнажаемая отливом *(Д)*.

Крень — подбойный брус под килем судна; полоз под лодку для перетаскивания ее через торосы (льдины); гнутое дерево *(Д)*; иносказательно скупец, скряга *(П)*.

Кро́мка (о морском льде) — край прибрежного льда *(Д)*.

Кроте́ть (о воде) — прилив подходит к концу *(Д)*; кро́тко (о море) — спокойное состояние моря.

Кроти́лка — деревянный молоток для глушения рыбы и нерпы.

Кроти́ть — глушить пойманную большую рыбу или морского зверя *(Д)*.

Кро́шни — плетенка, кошелка, заплечная берестяная котомка; заплечные одиночные носилки *(Д)*.

Крыло́ (о сетях) — сетяная стенка, способствующая захвату рыбы с большого пространства и направляющая ее к мешку сети.

Куба́с — деревянный конический поплавок с коротким шестиком и флажком на нем; якорный поплавок, бочонок над мотнею или на ярусе *(Д)*.

Ку́брик — помещение для матросов на судне.

Ку́йпага, ку́йвота — берег, обсыхающий при отливе.

Кулёма — ловушка для зверей.

Куме́кать — думать и толковать о чем *(Д)*.

Куни́на — кунья; ку́нка — куница.

Ку́хман — купец.

Л

Лабе́ц (тюрьма) — сравни: распиленное вдоль бревно; лабцовый амбар — из лабца срубленный *(Д)*.

Ла́диться — в смысле готовиться.

Ла́йба — большая парусная лодка, иногда палубная, с одной и двумя мачтами *(Д)*.

Лени́вка (печка) — лежанка; широкая лавка у печки.

Ле́тний ветер — южный.

Луда́ — подводная или надводная плоская каменистая мель *(Д)*; небольшие голые каменные островки, иногда покрываемые водой.

Лу́нка — отдушина, которую своим дыханием продувает себе в морском льду тюлень.

Лья́ло — самый испод посредине судна по бокам киля, где скопляется и откуда выкачивается вода. Льялом же называется прорубь в барке, откуда выплескивается вода черпаком *(Д)*.

М

Ма́йна — прорубь.

Ма́лица — одежда в виде глухой рубахи по колено, из оленьей шкуры, шерстью к телу, иногда крытая материей.

Марь, ма́рево — мираж; поднимаю-

щиеся вверх испарения, «сухой туман» *(Д)*.

Матигорский — из д. Матигор, в б. Кемском уезде.

Матица (в избе) — потолочная балка; (в рыболовной снасти) — сетяной мешок в центре невода, куда загоняется рыба.

Мать — в смысле иметь; мáе — имеет, мáла — имела.

* Махáлка — рыбий хвост, вернее самое перо.

Мерéжа — сеть конусообразной формы на обручах с несколькими горлами внутри и с боковыми сетяными крыльями.

Мéсто — в смысле постель. Отсюда, по-видимому, старинная поговорка: «Невеста без места», т. е. без необходимого приданого — одеял, перины и подушек.

Мóйва — мелкая рыбка; служит для наживки крючков на ярусе.

* Мол — насыпь, плотина, свайная забойка с засыпкой, каменная кладка, прикрывающая гавань от волн, для защиты кораблей *(Д)*.

Молчажли́вый — молчаливый, покорный *(Д)*; угрюмый.

Мост, мостки́, мостови́нушки, мостýшки — деревянная мостовая, тротуар; настил на дне лодки; сходни для причала судов.

Мостик (на судне) — балкон впереди рулевой рубки.

Мотня — см. Мáтица.

Муравá — сочная густая травка на корню; зелень *(Д)*.

Мурáш — муравей.

Мýрманщик — рыбак, промышлявший сезонно на Мурмане.

Мыс (о рыбе) — рыбья щека *(П)*, рыбий нос со лбом, голова палтуса вся *(Д)*; (о береге) — материк, выдавшийся горою, стрелкою, языком в море, либо в озеро, в реку *(Д)*.

Н

Надвéс (о береге) — отвесный берег, обрыв.

Надвести́ — занести что, поднимать над чем-либо.

Наживля́ть, наживи́ть — насаживать приманку, наживку *(Д)*.

Нажи́вочник, нажи́вальщик — в дореволюционное время рыбак, занятый на тресковом лове наживлением крючков на ярус и выполняющий другие подсобные работы; обычно подросток; наиболее низко оплачиваемый рабочий.

Наимáть — наловить.

* Накáз — в смысле наказанье.

На окóлке (о судне) — лед вокруг судна окалывают, чтобы судно стояло на вольной воде *(Д)*.

Напáрье — большой бурав.

* Напувáти — поить.

Несяк — огромная льдина, носимая по океану *(Д)*.

Нéщо — незачем, не стоит.

Носóвщик — проводник судна, лоцман, знающий русло; гребец на носу судна *(Д)*.

Нýжа — нужда.

О

Обвали́ться — прислониться.

Обéдник — юго-восточный ветер.

Обещаться, овещаться — в смысле дать обет.

Обрéз — половина распиленной поперек бочки; служит для засола рыбы.

Обрéть зверя (на зверобойном промысле) — снять сало со шкуры.

Обсушнáя кошка — мель, обнажающаяся при отливе.

Огорóда — изгородь из жердей вокруг возделанной пашни в лесу.

Огрублéнье — обида.

Окóленка — оконная рама, переплет оконный; городьба... вокруг селенья от скота, для предохранения гумен, а иногда и хлебов от потравы *(Д)*.

Окрути́ло (о ногах) — одеревенели *(Д)*.

Олёшек — олень.

Опрýжиться — перевернуться вверх дном.

Оростéга — бечевка из крепкой пряжи для уд яруса.

Отвáльно — пирушка при проводах в плаванье.

Охомяга — хомяк(?).

П

Падýн — водопад.

Пáстьсся — достаться.

Пахáть — в смысле мести пол.

* Перекáт — поперечная гряда, порог в реке, быстрина по мелководью *(Д)*.

Перемёт — 1) рыболовная сеть, которая ставится на кольях, и рыба вязнет, путаясь в ячеях; 2) веревка с камнем по концам, лежащая на дне; от перемета вверх идут поводки с крючками, удерживаемые вертикально поплавками; рыба цепляется за крючок боками *(Д)*.

Перепогóдится — изменится погода.

Пéрья, перьё (о рыбах) — плавники.

Пестéрь — корзина средней величины из прутняка, берестяная, лубочная, которую обычно носят на спине с грибами, ягодами *(Д)*.

Песчáнка — мелкая рыбка, употребляемая как наживка для яруса.

Пи́кша — рыба из тресковых пород.

Пимы́ — сапоги из оленьей шкуры, шерстью наружу; валенки *(Д)*.

Поближённые (подруги) — близкие.

Пóветерь — попутный ветер.

Погóда, погодье — в смысле буря, ненастье *(П)*.

Подвéрнишка — ср. *Д:* подверня́й — кто умеет подвернуться, подольститься.

Поддéв — уда из лески и крючка с грузилом для лова донной рыбы без наживки; иногда уда спускается с катушки, укрепленной на борту промысловой лодки, и наматывается на нее при подъеме.

* Подмовля́ть — уговаривать.

Подорóжники — всякие, приготовляемые на дорогу съестные хлебные припасы: пироги, шаньги и пр. *(П)*.

Поезжáна — званые гости на свадьбе.

Пóздый — поздний.

Покру́ченник — в дореволюционное время работник на морских промыслах, рыболовных и зверобойных, работавший на хозяйском снаряжении и содержании за ничтожную долю добычи. Наем на таких условиях назывался пóкрутом. Отсюда: покрутиться — наняться.

Полёжка — место в море, где выметан ярус.

Полосá (о ветре) — набег ветра, удар, порыв *(Д)*.

Пóлы воды — освободившиеся от зимнего льда.

Помóр — в смысле житель Поморья; шире — житель побережий Белого моря.

По одинкé — поодиночке.

Порáто — очень, сильно, крепко *(П)*.

Посу́дина, посу́да — в смысле судно.

Потяну́ть (о ветре) — задуть ровно.

Похáять — дурно отозваться о ком-либо.

Походи́ть — в смысле отправляться в путь, пускаться в плавание *(Л)*; собираться идти в море.

Прибылá вода — прилив(?).

Привáльно — пирушка по случаю благополучного прибытия судна из дальнего плавания.

Приглу́бый (берег) — крутой под водою, под которым глубоко *(Д)*.

Прилóжистое (платье) — облегающее. То же: прижи́мистое, пристáвистое.

Примáть — принять, принимать.

Припáй, припóй — неподвижный прибрежный лед на море, примерзший к берегу.

Приразбáять (горе) — утешиться в разговорах.

Присмели́ться — осмелеть, осмелиться.

Приставáть — в смысле уставать; пристáть — устать.

Причáлинка (оконная) — петля, навеска.

*Прóва — нос судна.

Прожи́точный — в смысле зажиточный, с достатком.

Промы́шленник — в смысле охотник, рыбак.

Промышля́ть — заниматься рыбной ловлей, морским зверобойным промыслом, охотой.

Пропаду́жина — падаль.

Прям — подле, близ *(П)*.

Пя́тник — крюк дверной, на который надевается навес *(Д)*.

Р

Развóдье — участок воды между льдинами в море.

*Ратувáти — спасать; подать помощь в беде *(Д)*.

Рель, (уменьш.) рёлочка — род пересыпи; наносная гряда в воде вдоль берега, но в расстоянии от него, так что между релью и берегом стоит вода (Д).

**Ремеслó — в смысле рабочий инструмент.

Рéя — поперечная перекладина на мачте.

Рóкан — куртка из непромокаемой (проолифенной) ткани, надеваемая поверх одежды на морских промыслах.

Рóнить (о парусах) — спускать.

Ропáк (о морском льде) — льдина ребром, небольшой торос; ледяные бугры, неровности *(Д)*.

Рóспуск (льда) — ростепель, распутица *(Д)*.

Рóсстанъ — перекресток, пересечение дорог *(Д)*.

Рубáн — край льда, примерзшего к морскому берегу *(Д)*.

Румб (морск.) — направление на какой-либо предмет при управлении кораблем; $^1/_{32}$ часть окружности — всего в окружности 32 румба.

Ру́шать — делить, резать *(Д)*.

* Рыбáлка — в смысле рыбак.

Ры́бник — пирог с рыбной начинкой; обычно с запеченной цельной рыбой.

Рынча́г — чистое, открытое море между пловучими льдами.

Рыть — в смысле бросать, откидывать, вбрасывать *(Л)*.

Рю́жа — см. Мережа.

С

Сали́на — шкура морского зверя, снятая вместе с салом.

Се́вер — в смысле северный ветер.

Седа́тый — с проседью *(Д)*; седой от старости *(Л)*.

Се́йгод — в текущем году.

Сия́ние — в смысле полукруг над колесами парохода, где пишется название.

Скипари́сские (двери) — кипарисные(?).

Сколуба́ться (о море) — взволноваться.

Снасть (корабельная) — все веревки, идущие на вооружение, такелаж; (рыболовная) — орудие, снаряд: сети, мережи, морды, невода, уды и пр.

* Солоде́нький — сладкий.

Спи́чка — колышек в стене, на который вешают в избе одежду, утварь *(Л)*.

Спуска́ть — в смысле отпускать, дозволять отлучаться *(П)*.

Спусково́ — пирушка при спуске нового судна на воду.

Срост (морск.) — сращивать концы веревки — сплетать, пробивая пряди одну под другую; место, где веревка была срощена *(Д)*.

Стаму́ха — льдина с большой подводною частью, севшая на грунт.

Стан — избушка для жилья рыбаков, приезжающих на Мурман (или в другое место) на промысловый сезон; (рыбий) — излюбленные места скопления рыб на дне реки.

Станови́ще — место, удобное для стоянки промысловых судов, выбранное рыбаками на пустынном берегу; позднее — поселок с оседлым рыбацким населением, выросший на месте стоянки судов.

Сток (о ветре) — см. Всток.

Стол — в смысле трапеза *(Д)*; пир.

Столова́ть — трапезничать; пировать *(Д)*.

Стоя́нка (ярусная) — канат средней толщины, на который прикрепляются уды яруса; из стоянок, соединенных между собой, составляется порядок яруса.

Стреле́ц — в смысле охотник *(П)*.

Стро́жка — снятие сала со шкуры морского зверя.

Струг, стружо́к — речное судно, гребное и парусное; двинский струг подымал до 10 тысяч пудов (по *Д*).

Суво́й, субой — столкновение двух морских течений.

Сумский — житель Сумского посада.

Сыта́ — медовый взвар, разварной мед на воде *(Д)*.

Т

Такела́ж — все веревки, входящие в оснащение судна.

Тети́вка — веревка, на которую насаживается верхнее и нижнее основание сетей.

То́ня — промысловый участок (с прилегающим берегом), с которого производится лов рыбы; однократная выметка и выборка невода.

Трал — особого вида механизированный невод, который тащится тральщиком на свинцовых тросах по дну моря.

Тра́льщик, траулер (рыболовный) — паровое или дизельное судно, вместимостью в среднем около 300 тонн, приспособленное для механизированного лова особым неводом (тралом) придонных пород рыб; на нем же производится и обработка рыбы: засолка, вытопка жира из печени, приготовление рыбной муки.

Трос, тро́стик — канат из волокна или металла, свыше 25 мм в окружности.

Трюм — внутренность судна, куда складывается груз.

Ту́ес — берестяной коробок цилиндрической формы с крышкой и ручкой на крышке *(Д)*.

Тюк — часть яруса, составленная из трех отдельных стоянок с крючками (около 150 крючков).

Тягле́ц — в дореволюционное время рыбак на ярусном лове, на обязанности которого лежала выборка из моря яруса.

У

Увёртный — вертлявый, проворный.

Уго́р, (уменьш.) угорышек — подъем, круча *(Д)*; крутой, высокий берег реки *(П)*.

Удёбная — см. Поддёв.

Ужна — съестное, запас в дорогу или на промысел.

Упо́сный (о ветре) — от берега, попутный *(М)*.

Ф

Фок-мачта — передняя мачта, ее нижняя часть.

Фо́ршень — небольшой длины шнурок, имеющий на одном конце рыболовный крючок, а другим привязанный к стоянке яруса.

Х

Хорéй — длинная палка, которой погоняют оленью упряжку.

Ч

Черёва (о рыбе) — внутренности, кишки, потроха (*Д*).

** Черни́ — плоский берег с моря; береговые плавни, камыши (*Д*).

** Чéча — чечóтка, пляска с дробным притопыванием.

Ш

Шáньга — пышка; ватрушка с какой-либо накладкой.

Шáять — тлеть.

* Швóрка — бечевка, шнурок (*Д*).

Шелóнник — юго-западный ветер.

Ши́тый — вышитый.

Шкáнцы — часть верхней палубы, от кормы до фок-мачты.

Шкот — снасть, которою натягивается нижний угол паруса (*Д*).

Шняка — рыбацкая лодка под прямым парусом, сшитая из находящих одна на другую досок; вышла из употребления.

Штéвень — брус, к которому пришиваются бортовые доски судна; фóрштевень — на носу, áхтерштевень — на корме.

Штормовáть (о судне) — выдерживать в море шторм.

Шугá — первый осенний лед, который сплошь несется по [воде] с обмерзлыми комьями снега; мелкий лед, каша, после вешнего ледолома (*Д*); мелкобитый лед на море между сталкивающимися льдинами.

* Шукáть — искать.

Шхýна — палубное парусное или моторное двухмачтовое судно, вместимостью до 200 тонн.

Ю

Юлáвый — проворный, вертлявый (*Д*).

Юрó — стадо или залежка тюленей.

Юровщи́к — в дореволюционное время на зверобойном промысле в артели или в соединении артелей выбранный для распоряжения промыслом старший промышленник.

Юрóк — сверток тюленьих шкур с салом, привязанный на ремне, на котором его тащат по льду или плавят за кормой лодки на зверобойном промысле.

Я

Ярус — длинный порядок из веревок (стоянок), достигающий длины около 4 километров; к этой веревке привязаны крючки на шнурках (форшнях) через каждые два метра; три стоянки составляют тюк (около 150 крючков); крючки наживляются мелкой рыбой — мойвой, песчанкой, сельдью; ярус удерживается на определенной глубине поплавками (кубасами) и якорями.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
СКАЗОЧНИКОВ, ПЕВЦОВ И РАССКАЗЧИКОВ

Г

Д

Е

З

К

П

Р

С

Т

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУНКТОВ [1]

[1] Административно-территориальное деление соответствует принятому на 1 января 1949 года. Для каждого пункта указан год экспедиции.

ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЙ

Между стр.

Примечание: Из фототеки Государственного Литературного музея взяты фотоснимки №№ 6, 9, 32, 33, 38—43; из фототеки Музея Народов СССР фотоснимки №№ 2, 3, 5, 21, 24, 25, 34, 35 (фонд проф. Н. Н. Харузина) и №№ 4, 22, 23 (фонд проф. А. В. Маркова).

ОГЛАВЛЕНИЕ